

Александр Лозовский

Примерно двадцать лет спустя

Роман

Чтобы жизнь была интересной, в ней
обязательно должны случаться необыкновенные
и даже невероятные вещи.
Даже если это будет происходить не со мной.
Джон Б. Вильямс

Валентин

Валентин проснулся до звонка будильника. Он повернулся на спину, осторожно, чтобы не разбудить Нину, которая, как обычно, спала спиной к нему, свернувшись калачиком. Буквой «эс» называли они эту позу. Нина - «Эс» маленькая, а «ЭС» заглавной был Валентин.

«Эс» маленькая свободно размещалась внутри заглавной, потому что Нина была значительно меньше ростом - метр пятьдесят восемь у нее и метр восемьдесят пять у Валентина. Если Нина укладывалась в койку первая, то скорее дремала, чем спала. По-настоящему они засыпали, когда кто-то говорил: «Ну, все, спим!» Тогда они дружно поворачивались на левый бок (Валентин где-то вычитал, что на левом боку спать полезно, не давишь на печень), потом он, немного согнувшись, правой рукой прижимал ее к себе, целовал в макушку - это был привычный ритуал. Засыпали оба почти мгновенно, многие знают, как это ценно - никто никому не мешает, не раздражает.

Валентин протянул руку, нащупал телефон на тумбочке, посмотрел на экран:

07.50

Вт. 15 мая

2040 г.

Так и есть, без десяти восемь. Минута в минуту, удивительное постоянство. Интересно, когда не нужно рано вставать, скажем, в воскресенье или в других, надо признать, нередких случаях - он сам себе хозяин - Валентин не просыпался до десяти, а то и до одиннадцати. Загадки организма.

Он очень любил эти минуты тишины, когда оставался наедине с собой и в то же время не один. Можно было спокойно, неторопливо приходить в себя после сна, вспоминать, размышлять, планировать. Он где-то вычитал, что очень вредно, едва проснувшись, вскакивать как ошпаренный, метаться, нагружаться. Ах, опаздываю! Что-то глотать, что-то прихлебывать на ходу... Нет, в новый день нужно втягиваться постепенно и утром думать только о хорошем. Он так и старался поступать... Если бы не сны. Но он после гриппа уже почти две недели, как вышел на работу, а сны его не оставляют. Возможно последствия, не исключено... Во всех средствах информации не устают предупреждать, что последние вирусные гриппы дают самые непредсказуемые осложнения.

Но все-таки с утра только о хорошем...

Он сладко потянулся, стараясь не потревожить Нину. Пусть поспит. Она лежать не любила; проснувшись, сразу подымалась, правда несуетливо, неторопливо. И всегда в хорошем

настроении. Потягивалась уже сидя. А кстати, плечо доказывало, что она пополнила. Пока все в пределах нормы, но обратить внимание на это стоит - маленькие быстро становятся колобками.

Да, думал Валентин, спать с ней хорошо. Особенно в приличном, прямом смысле этого выражения. Он вспомнил свой предыдущий опыт - а опыт был, в тридцать пять лет это неизбежно. Скажем, предшественница Нины. Последняя... нет, на всякий случай скажем предыдущая, не стоит зарекаться... предыдущая подруга и даже сожительница Настя плохо засыпала. Вертелась, нервничала. Он, даже уснув, слышал, что храпит, и чувствовал себя садистом. Между прочим, с Ниной он не храпел, а может, она не слышала, что в принципе одно и то же. А Света, - та вообще спать не любила - бывает же такое - и ему не давала. Ее любимая поговорка: спать вдвоем - значит не спать вдвоем. Да, не спать вдвоем она определенно любила. Света...

Но вглубь воспоминаний он погружаться не хотел. Дальше было минное поле...

А Нине на третье совместное утро он сделал предложение, и не жалел об этом. А ведь многие, в первую очередь родители, думали, что он будет старым холостяком - в современном смысле этого понятия, то есть неженатым. Он легко сходился, но еще легче расходился. Не только потому, что был очень легкомысленным, и не только потому, что таково веяние времени... Была на то причина... Но утром только о хорошем.

Определенно ему с женой повезло. Она и сама оптимистка и легко воспринимает чужой оптимизм. А еще легче заражается чужим весельем и вносит в него свою долю. И мужчинам она нравится, не только Валентину. Симпатичная, круглолицая, чуть-чуть курносая, глазки голубые, искрятся, полные губы всегда готовы к улыбке. Украинский тип. Быстро загорает, и загар ей идет. Волосы светлые - крашенные, не длинные, иногда немного растрепанные, но это стиль, а не небрежность. Фигурка хоть и маленькая, но все при ней. И - чего греха таить - бывает кокетлива. В меру, иногда чуть больше. Он к этому относился спокойно, не ревновал, считал - она не сексуальна, что было бы опасно, она привлекательна, а это не одно и то же.

Да, повезло, и если не всегда все слава богу, то дело не в ней.

Итак, новый день 15 мая, вторник. Планы? Какие планы, все как обычно, все в норме. Четыре отделения «ЖК Валентин» будут с 10 утра и до 8 вечера работать в нормальном режиме. Везде свои люди, хотя он так и не понял, хорошо это или плохо. Возглавляют отделения Нина, ее младшая сестра Лика, теща Галина Михайловна, в четвертом, самом отдаленном, главой является лично он, а замом Красавица Ирина - так ее называет Нина и все семейство с ее подачи.

Нину Валентин взял прямо с последнего курса педагогического института и усадил в офис по продажам и сдаче в аренду вместе с ее английским языком. Она не сопротивлялась. И поменяла девичью фамилию Полтораки на звучную Лаврова. Полтораки жили в Тирасполе. Потом родилась Мила, потом умер отец Нины, потом Валентин купил двухкомнатную квартиру в Одессе, куда теща с Ликой перебрались. Валентин с ними ладил, хотя с тещей это было непросто. Он, нужно сказать, почти со всеми ладил.

Так, о планах. Он обещал сегодня поужинать в кафе с Николаичем, хозяином довольно солидной строительной фирмы. Отказаться нельзя, это почетное приглашение. Кажется, Николаич хочет пригласить его в партнеры. Нужно серьезно подумать. Сейчас в строительном секторе проблемы, впрочем, они там были всегда. И риски. Конечно, риск благородное дело, и деньги там другие. На его - Валентина - бизнесе не разбогатеешь, но на безбедную жизнь хватает.

И тоже все не просто. Раньше выручала сдача квартир в летний сезон, но последние годы, когда открылись Крым и Сочи, этот золотиносный ручей обмелел. И беженцы возвращаются в свои районы, освобождая квартиры. С одной стороны - есть резерв, а спрос падает. И Интернет режет под корень посредников. Может, действительно пора менять профиль? Или точнее, не складывать все яйца в одну корзину? Думать, нужно думать...

Раздался звонок мобильного, восемь часов. Заворочалась и повернула голову к нему Нина, заулыбалась, еще не открывая глаз.

Определенно, с женой ему повезло.

- С добрым утром.

- С добрым утром.

- И хорошим днем.

Они сели, спустили ноги - каждый со своей стороны кровати. У каждого свой коврик под ногами, своя тумбочка, свой торшер. Спальня была большая, и кровать, состоящая из двух, тоже не маленькая, стояла изголовьем к стене между двумя окнами, очень удобно - они любили на ночь приоткрывать окна, и в голову не дуло. И еще одно немаловажное удобство - окна выходили в тихий двор, а не на улицу. Валентин прислушался: тихо во дворе, хотя гул транспорта с магистральных улиц Преображенской и Короленко доносился, но к этому привыкли.

- Все, я на зарядку, сегодня ветер не с моря, через полчаса нечем будет дышать. Закрой, пожалуйста, окна.

- Хорошо.

Они привыкли к тому, что комфортней всего находиться в квартире под прикрытием центрального кондиционера с фильтрами, которые обеспечивали постоянную температуру и влажность все сезоны, насколько могли, боролись с пылью и смогом, а летом с жарой. Одесситы уже поняли, что потепление климата не только пиар-компания - летом тридцать восемь-сорок градусов стало нередким явлением. А тридцать шесть в июле-августе нормой.

Интересно, как выживают люди, у которых нет хотя бы простенького кондиционера? Не напрасно социальные службы сейчас ставят их даром малообеспеченным людям, особенно пенсионерам. Либо государство стало сильно совестливым, либо жара невыносимой. А скорее всего то и другое. Мрут старички, не выдерживают...

Нина с удовольствием потянулась - это была ее зарядка. Плюс застелить постель, убрать в спальне, приготовить завтрак, поднять Милу, подать на стол, помыть посуду, собрать Милу в садик и прочее по мелочам. Валентин когда-то - это было давно - предлагал свою помощь, и слышал в ответ: «Ты, главное, не мешай». Он, нужно признать, очень легко и быстро с ней согласился. Правда, старался не пропускать в домашних заботах ничего, что требовало бы приложить силу - поднять, переставить, принести из машины, отнести заснувшую Милу в кровать. И никогда Нина не ворчала - как многие жены - мол, «мне одной приходится, все на мне...». Впрочем, кажется, я повторяюсь.

Зарядку Валентин делал на большом крытом балконе, зимой и летом. Он был только в шортах, хотя дул довольно сильный и прохладный для мая ветер, но что такое ветер для крепкого и еще молодого здоровяка! Валентин посмотрел на себя в трюмо, стоявшее у стены, но большого удовольствия от увиденного не получил.

Собственно, здоровяком в общепринятом понимании его трудно было назвать. По-юношески стройным, подтянутым - да, это про него. Мускулатурой а-ля Шварценеггер природа его не наградила, даже регулярно качаясь на тренажерах, он выглядел скорее жилистым, чем мускулистым. И не слишком широк в плечах. Но зато мог есть и пить сколько угодно и все что угодно. Но каждый тенор - говорят - мечтает петь басом. И наоборот.

Иногда о сухощавых немолодых женщинах говорят - сзади пионерка, спереди пенсионерка. Примерно такая же история - к нему сзади нередко обращались в лучшем случае «молодой человек», а чаще «парень» и на «ты». Но когда «парень» поворачивался к ним лицом, то, как правило, смущались, потому что на свои тридцать пять он выглядел. И основную роль в этом играли глаза, большие, карие, немного печальные. В них был опыт. Лицо у Валентина простоватое, немного скуластое, нос небольшой и почти курносый, губы как губы, подбородок как подбородок, волосы довольно светлые, легкие и непослушные. Словом, как сказал его друг и Любин муж ехидный Сашка, обычное русское лицо с еврейскими глазами. Из-за глаз в нем многие подозревали еврея, хотя в роду таковых не имелось. А Нине его глаза нравились; впрочем, ей все нравилось... Да, я об этом уже говорил.

Утро в доме шло по накатанному - пока он делал зарядку, «дамы» освободили ванную. Потом завтрак, потом Валентин посмотрел кое-что необходимое в компьютере, а Нина убирала со стола и писала инструкцию домработнице, которую они так никогда даже между собой не называли, а только уважительно и даже почтительно Регина Сергеевна. Мила с полутора лет называла ее отчетливо по имени и отчеству, и благодаря этому рано научилась не картавить. Шестидесятипятилетняя пенсионерка, бывшая заслуженная учительница, не только помогала по хозяйству, но и могла посидеть с Милой, если нужно было вечером хозяевам уйти. А такая необходимость возникала нередко - дело молодое. Попытки пристроить в этом направлении маму Валентина и его тещу результатов не дали... Но утром только о хорошем.

Пока они собираются на работу, немножко предыстории о Валентине Лаврове, его жене Нине и дочери Миле, без этого не обойтись.

У них на троих было пять комнат - так сложилось исторически. Квартира им досталась от бабушки, директора довольно большого завода, еще при советской власти. Тогда это был престижный район - улица Гоголя, между переулком Некрасова и бульваром Жванецкого. Эта квартира была их домом, их радостью, иногда со слезами на глазах.

В эту квартиру пришел только окончивший биофак университета молодой Григорий Петрович Лавров, отец Валентина, родом из села Болгарка, под Одессой. Хороший добрый человек, немножко слабохарактерный, немножко - не сильно - пьющий. Софья Михайловна, мать Валентина, тоже была неплохим человеком, но как единственная дочь начальника немного эгоистична и своевольна - эти качества сохранились и по сей день.

Квартиру, конечно, в свое время приватизировали, и семья Лаврова стала переживать трудности по мере их поступления вместе со всей Украиной. Ушел на пенсию дедушка - он был на десять лет старше бабушки. Отец Валентина преподавал биологию и естествознание в школе, мать - французский в пединституте. К тому же Софья Михайловна подрабатывала на дому - французский язык входил в моду - и поэтому окончательно заняла в семье командные позиции. А что мог добыть биолог в то время? Бизнесмена из Григория Петровича не получилось, это было ясно, поэтому в доме речи типа - «ты хотя бы починил окно, если уже не можешь...» - звучали все чаще. А Валентин был к отцу ближе, и проводил с ним больше времени.

Но все было более-менее терпимо, пока не умер дедушка, выбрав для этого очень тяжелое время - пятнадцатый год. Все не только в их квартире, но и в стране обрушилось в один миг.

Проблемы, проблемы, проблемы... Их осталось четыре человека на площади 142 метра, и коммунальные расходы оказались выше суммарного заработка. Отец не находил выхода, и признавался Валентину, что устал чувствовать себя нахлебником, а тем более слышать это регулярно - напряжение не способствовало толерантности в общении, а ее и раньше было немного. Он уехал в Польшу на заработки, вслед за сотнями тысяч, а то и миллионами других. Валентину тогда было 13 лет. Отсутствие отца он почувствовал, скучал за ним.

Первые два года Григорий Петрович присылал деньги, приезжал в отпуск. Он устроился по специальности в лаборатории консервного завода, платили прилично, а по сравнению с его заработками в Украине - фантастически. Ему там было неплохо, а спустя еще год стало совсем хорошо: он нашел молодую - относительно - паненку и предложил Софье Михайловне развод. У Валентина язык не повернулся его осуждать, и в результате отношения с матерью не улучшились: он оказался на стороне отца. Тем более, что Григорий Петрович добросовестно посылал деньги до тех пор, пока Валентин не окончил институт, хотя обязан был только до окончания школы. Детей у него в новой семье не было, так что Валентин оставался единственным любимым сыном. А лето у бабы Вали любимый внук проводил все школьные годы, не забывая ее и позже. Вот и прошлым летом гостил неделю.

После двадцатого года в стране полегчало, безумные коммунальные расходы пришли в относительную норму, и они втроем - Валентин, мама и бабушка - жили достаточно стабильно и более-менее обеспеченно. Валентин почти сразу после строительного института занялся близким к специальности делом, завел бизнес - помог с деньгами отец, одолжил, потом не хотел брать долг, потом... словом, не чужие люди, сговорились.

Шесть лет назад Валентин женился и - острил - в надежде на бабушку завел с молодой женой ребенка.

Но бабушка подвела - скончалась, когда Нина была на третьем месяце, и ничего исправить уже было нельзя. Разумеется, это шутка, причем дурного тона, потому что, само собой, никто ничего исправлять не собирался.

У Софьи Михайловны был многолетний роман с преподавателем ее института, и Валентину даже казалось, что начался он еще до отъезда отца в Польшу. Две смерти были причиной перемен в квартире на улице Гоголя - смерть жены преподавателя освобождала дорогу, а смерть бабушки Валентина и перспектива оставаться с новорожденной внучкой по вечерам подтолкнула к решительным действиям. Софья Михайловна переехала к новому мужу - слово сожитель она органически не переносила. Валентин и Нина остались вдвоем, а потом втроем с Милой. Он мать не осуждал, и Нина, в общем-то, тоже. Софье Михайловне недавно грянуло пятьдесят, и ей очень не хотелось оставаться на старости лет одной. Упускать такую связь было глупо, в наше время, да еще в таком женском институте, как педагогический, даже двадцатилетние были готовы на ходу подметки рвать... Словом, ее отпустили с миром.

Во всей квартире после воцарения Нины был произведен ремонт и почти везде заменили мебель, на что ушли все финансовые накопления Валентина. Исключением был кабинет, бывшая детская, потом холостяцкая комната Валентина. Он на этом настоял. Там все оставалось по-старому - шкаф, книжные полки, любимый стол, только компьютер с о встроенным принтером,

разумеется, новый. Оставил даже софу двадцатилетней давности, на случай ссоры с Ниной - будет куда уйти на ночь. Но пока такой случай не представился.

Ну что ж, общие сведения у вас есть, можно двигаться дальше.

Они спустились со своего второго этажа на улицу спокойно и неторопливо - хозяева, если и опоздают на пять-десять минут, не страшно, никто претензий предъявлять не будет. Возле парадного им встретился сосед Спиридон, который жил во дворе, на первом этаже под их спальней. Он, как обычно, с утра пораньше уже соответствовал этой фамилии. Впрочем, никто толком не знал, фамилия ли это или имя, а может быть, прозвище, но важно, что он на это слово откликнулся. Он был не шумный и безобидный, но пару месяцев тому подобрал бродячего - как и он сам - небольшого пса. Пес иногда жил у него дома, иногда под окном. Это было удивительное животное, он если не лаял, то подвывал, а ночью совмещал то и другое. Без перерыва. Такие собаки, вы знаете, бывают. Уговаривал Спиридона весь двор, ничего не помогало. Однажды Валентин тоже участвовал в такой делегации, они хозяину и его собаке добра не желали. И спустя какое-то время пес действительно издох. Наверно, съел что-то неподходящее, потому что хозяин его почти не кормил и не поил. А Спиридон почему-то заикнулся на мысли, что это дело рук Валентина, как наиболее от пса пострадавшего, и сообщал об этом всем и каждому. В том числе и ему. Вот и сейчас:

- Ну что, не снится по ночам бедное животное?

Когда Валентин был с семьей, Спиридон был краток, а наедине мог обрушиться с не слишком приличным монологом. Но что с алкашом поделаешь? Не применять же силу. И к тому же Валентин чувствовал при этом дискомфорт. Конечно, он бедного пса не травил, но помнил, что вслух и от души пожелал: «Чтоб ты сдох!», и даже в воспаленном мозгу возникла картинка - мертвая собака на асфальте. Неинтеллигентно кому-нибудь живому желать смерти, но у него имелись оправдания. Это была ужасная ночь, кризис гриппа, а пес то лаял, то выл не замолкая. И потом - убить оленя, зарезать свинью можно? Но все равно, когда утром Нина сказала ему, что пес сдох - сказала с радостью, - он по контрасту почувствовал себя не комильфо...

Поэтому на приставания соседа отвечал стандартной фразой:

- Иди, Спиридон, Бог подаст.

Почему Бог, почему он должен подать, обоим было неясно, но Спиридона это успокаивало.

Машина Валентина стояла недалеко от парадного. Он, как обычно, довез их до детского сада, который был недалеко от конторы Нины, и поехал к себе «на выселки», так они называли расположенный в дальнем новом районе его офис.

Это была дорога не столько дальняя, сколько долгая. В стоянках-очередях возле перекрестков хватало времени все вспомнить, обо всем подумать, все спланировать и... можно было начинать сначала. Минут тридцать пять-сорок только для того, чтобы выехать из центра города. Валентин не смотрел по сторонам, не до того. Чуть зазевался - сзади клаксон. Окна закрыты, но смог выхлопных газов проникает в салон, большинство машин на бензине и солярке, хотя есть и электромобили, но их немного. Метра два проехал - стоп. Он каждый раз давал себе обещание перейти на общественный транспорт, для которого хотя бы выделили отдельные полосы и даже улицы и который последние годы не только довольно неплохо работал, но и был комфортным. Львовские автобусы стали не в шутку, а всерьез «вторыми в мире и первыми в

Европе», как пел старый патриот западенец Вакарчук, они заполонили украинские дороги. Маршрутки двадцатых годов оставались только в ужасных воспоминаниях и ночных кошмарах.

А пока времени думать о чем угодно - и о хорошем и о плохом - было более чем достаточно. Конечно, за последних пару десятков лет страна стала другой. Догнали и даже перегнали поляков - еще бы, наша земля и наш технический потенциал! - оставили за бортом всех своих соседей по ВВП на душу населения, включая северного. Но и проблем по-прежнему хватает, какая-то чересполосица сегодняшнего, завтрашнего и поза-позавчерашнего. Эти родимые пятна социализма далеко не отпускают. И центр города попал в зону этих родимых пятен.

Интерес мэра и бизнеса полностью переключился на строительство новых районов. Современные многоэтажки теснились вдоль побережья, захватывали километр за километром, сливались с Черноморском с одной стороны, заходили за Дофиновку – с другой. Это было успешное, бурное наступление! Создавалось впечатление, что мэр и мэрия работают отлично. Но Валентин был в курсе дела и понимал, что это не совсем так. А точнее, совсем не так.

Дома возводили строители, от «а» до «я», мэрия им только предоставляла, точнее продавала площадку в соответствии с генеральными планами, а чаще без всякого соответствия. Мэр в том участвовал, злые люди говорили, только в одном формате – входил в долю. А в чем основная работа мэра? Главное - поддерживать жилой фонд и инфраструктуру города, то есть ремонт и реставрация всех объектов, водопровод, канализация, электричество, развивать транспортную систему и... дороги, дороги, дороги. В новых и старых районах. Всем этим мэр практически не занимался. Это было наследственное заболевание одесских мэров, поэтому бесконечные пробки, хронические проблемы с водой, канализация обнаруживалась в прибрежных водах - город развивался, но современным не становился. Новые районы вдоль побережья росли, а старые с не меньшей скоростью разрушались.

Прошлого мэра посадили именно за то, что ничего не делал, а только продавал участки, нового вот-вот должны посадить за то же, но ситуация кардинально не менялась.

Прежнее громкое название - «центр города» - постепенно стали забывать, и переименовали в «старый город». Бывший гордый «центр» действительно становился старым, дряхлым и даже запущенным.

Вот такое сочетание старого и нового.

Наконец выехали из центра, поехали быстрее, но возле каждого светофора все равно задержка.

«Что-то я совсем захандрил, - спохватился Валентин. - Можно думать и о плохом, но перегибать не стоит. Весна, солнышко светит, если бы не пыхтящий трейлер справа от меня, я видел бы знакомую рощу и зеленеющие поля. И я приближаюсь к месту моего назначения. Откуда это? «Я приближался к месту моего назначения»? А, «Капитанская дочка». Петр Гринев. Вот оно, место моего назначения. Его высотки в лучах солнца прям-таки сверкают! Еще минут пятнадцать проторчу на въезде и буду в офисе. Выпью кофе, кофе бодрит. Долой пессимизм!»

Где-то Валентин вычитал, что пессимизм рождается от безделья. У занятого человека просто нет на него времени. Это все очереди на дорогах, они веселью не способствуют.

Район производил впечатление. Четыре мощные блестящие двадцатипятиэтажки почти цеплялись друг за друга углами, они казались единым монолитом с заасфальтированной площадкой, очень скромной по размерам - ничего лишнего. И вокруг многоэтажки поменьше. И

вообще все в районе соответствовало этому принципу - ничего лишнего, все в жилье, остальное по возможному минимуму. И даже по невозможному минимуму.

Валентин принимал активное участие в заполнении квартир района, поэтому протестующие жители - а протесты были нередкими - его не забывали. Добраться до хозяев было трудно, а он - вот он, всегда под рукой. И время от времени его допрашивали с пристрастием. Где пешеходные дорожки, площадки для отдыха, спорта? Где вообще инфраструктура, то есть куча учреждений и заведений, которые должны сопровождать человека в нормальной жизни? Почему нарушаются все утвержденные планы застройки? А дети, где им играть? Кто ответит за срубленные без разрешения сотни деревьев? А где современные дороги, чтобы не было коллапсов транспорта в часы пик? Валентин ссылался на естественные следствия урбанизации, но вопроса - почему сам тут не живешь? - старался избегать. Он бы тут жить не хотел. Это был человеческий улей, муравейник, и богатые люди сюда не вселялись. Последнее время утвердилась тенденция - больше половины новых квартир были однокомнатными, то есть основной контингент люди, мягко говоря, небогатые. А поэтому за внешней красивой оберткой домов применялись не очень полезные и долговечные материалы, дешевые технологии, было невысокое качество. Главное, быстрее продать. Хотя в рекламных роликах, особенно в панораме, все выглядит привлекательно, но даже в этих роликах дороги рядом с громадами домов кажутся тропками, и названия аллея, бульвар - это из другой оперы.

Валентин где-то вычитал определение: «Многоэтажные новостройки это блеск и нищета современной бедности». Может быть... Богатые на этажи не лезут. А может, он просто привык к прямым улицам, возможности не торопясь прогуляться, пройтись, самому или с семьей, к нормальным обычным твердым стенам, без подвоха, где в любом месте можно повесить картину... И привык не только он - элитный поселок Савиньон обходится без многоэтажек.

Но вот наконец и офис.

Он был расположен на первом этаже одной из высоток. Солидная, но скромная вывеска «ЖК Валентин». Соседнее помещение поменьше тоже принадлежало ему, но он знал, что Гриши там нет, он на объекте.

Валентин вошел в офис. Внутри все аккуратно и по-деловому. Четыре рабочих стола, три из них с компьютерами и принтерами. Так как отделения работали десять часов в день и суббота была рабочей, то расписание для работников было довольно сложным, и я не буду входить в подробности. В данный момент работают Оля и Рена, «девочки», которым за тридцать. Они и сами так себя называют и не обижаются, когда это делают другие. Есть еще девочка Надя, но она в отгуле. Рядом с Олей пожилая женщина, очевидно клиент. Рена работает на компьютере, ищет заказчиков или дополняет объявления фирмы - обычная работа девочек. А кто стоит, наклонившись над Реной, понятно без объяснений - Красавица Ирина. Ее ни с кем не спутаешь. Ирине двадцать шесть лет, и она вполне могла бы играть Снежную королеву. Высокая, стройная, нет, скорее точеная, каждый элемент ее тела идеален, вот уж природа постаралась. Последние годы женская мода носить облегающие одежды достигла апогея, и ее жертвам уже невозможно скрыть малейший недостаток фигуры, но у Ирины недостатков не было. Глаза большие, не синие - голубые, волосы до плеч светло-золотистые, не крашенные. Лицо... лицо продолговатое аристократическое, лицо шведской Снежной королевы. Любые цвета ей шли, но сейчас в моде было сочетание пастельных тонов, и это подчеркивало образ. Ирина понимает, что такая

внешность требует определенного поведения, манер, некоторой холодности, иначе будет диссонанс. И нужно держать определенную дистанцию с простыми смертными, особенно с мужчинами. Но довольно часто, вступая в контакт с симпатичными ей людьми, она оттаивает, улыбается и становится не только красивой, но и просто по-человечески приятной. Вот такое сочетание. Валентину иногда кажется, что эта доля - быть не просто красивой, а очень красивой - ее утомляет. Собственно, ему это не кажется, он знает, что так и есть, потому что входит в число доверенных и симпатичных ей людей.

Ирина поворачивается к нему, выпрямляется и с ледяной вежливостью спрашивает:

- Начальство не опаздывает, а задерживается?

Девочки с улыбкой кивают хозяину и возвращаются к своим делам, на традиционную утреннюю пикировку начальства внимания не обращают.

- Подчиненные должны прежде всего здороваться с начальством.

- Здравствуйте, господин начальник. Мы рады вашему прибытию.

Ирина искусственно улыбнулась, но было видно, что это игра. Ей было приятно его видеть.

- А уж как я рад вас видеть, уж так рад, - он тоже немного ерничал, но звучало искренне. И он перешел на обычный тон. - Вижу, я немного потерял. Никого не было?

- Пока никого. Только съем. - Ирина кивнула в сторону клиентки возле Оли. - Правда, позвонил Бочков, обещал прийти. Чем-то опять недоволен.

- Осточертел. Снова будет крутить пальцем перед моим носом.

Бочков купил квартиру в одном из строящихся домов и вот уже полгода довольно регулярно приходит на стройку, сует нос в каждый угол, а потом с жалобами является к Валентину. Такие клиенты попадались, но этот был из худших. Нувориш, недавно из села, оборотистый, но... невыносимый. И у него была привычка: вытягивать руку почти к лицу Валентина, Оли, Рены и указательным пальцем - с обкусанным ногтем - водить справа налево: «Вы думаете, я на это соглашусь? Не на такого напали». Исключение он делал только для Ирины, даже такой толстокожий ощущал дистанцию.

Валентин поморщился, он понимал, что дело не только в поведении Бочкова, а и в том, что он был из-под Донецка. Несмотря на то, что Украина торжественно зарыла топор войны и все бывшие враги друг другу обещали прощение, мир и в человецех благоволение, лично у него это плохо получалось. Была на то серьезная причина. Так же, но в меньшей степени он относился к украинским националистам, которые со своей всеобщей украинизацией в чем-то провоцировали окружающих. Валентин иногда думал, почему им так хочется всех подавлять и подстраивать под себя? Может потому, что большинство из них были так называемыми малыми народами в Польше, Венгрии, Румынии, пока Сталин их не прирезал к СССР, и они стали Украиной. И вот тут у них проявился державный комплекс. Теперь они не малые, а державообразующие! Правда, сейчас с возвращением территорий хватка националистов ослабевала. И не стоит тянуть с собой в настоящее и будущее прошлые беды. Он считал себя человеком уравновешенным, доброжелательным и немного консервативным. Собственно, так оно и было.

Валентин пошел в кабинет, который он демократично делил с Ириной. Помещение было небольшим, стол хозяина стоял прямо против входа, места для заместителя едва хватило у стены напротив окна. Между ними в углу с трудом разместился шкаф с документами. То есть общение волей-неволей было тесное, кричать необходимости не было. За креслом хозяина висела копия

картины «Девочка с персиком» Серова, которая выдавала его несовременные вкусы и скрывала сейф.

Валентин уселся за стол, положил на него принесенный из машины ноутбук - компьютер на столе не держал, - стал что-то выкладывать из ящичков. Ирина вошла в кабинет через несколько минут с подносом, на котором были две чашки кофе, салфетки, блюдце с орешками. Это была принятая ею добровольная обязанность, девочки кофе не подавали.

Затем она открыла верхнюю дверцу шкафа с документами и вынула красивую бутылку армянского коньяка - там оказалось еще две-три бутылки с аналогичным содержимым, налила в чашку Валентина две ложки, себе одну. Это тоже был ритуал.

Они с удовольствием пили кофе. Разговор начал Валентин:

- Кажется, мы с тобой остаемся без работы, никто не хочет покупать.

Договоры на покупку квартир оформляли они. А аренду оформляли «девочки». Кстати, раньше было проще, а сейчас даже на аренду целый пакет документов. Все учтено: и порча имущества, и гарантии, и самые различные обстоятельства, включая форс-мажор - тлетворное влияние заграницы.

- И отлично, а где можно отдохнуть, как не на работе? Дома, со свекровью?

Валентин понял - она хотела сказать «и с мужем», но сдержалась.

Помолчали. Кофе был вкусным, Ирина это умела.

- Валя, мне нужно подойти к Алексютину, он в суд подает. Что-то у него обвалилось...

- Допьем кофе и иди. Да, кстати, тебе привет от Нины.

Ирина усмехнулась.

- Не забывает. Почему ты меня не уволишь, ей будет спокойнее?

- Не хочу, чтобы она расслаблялась и потеряла форму. А вот почему ты не уволишься?

- По той же причине, не хочу, чтобы Денис...

Валентин ее перебил:

- Ты мне льстишь, твоему Денису даже в голову не приходит, что я могу быть его соперником.

- Валя, он везде видит соперников.

Ирина огорченно покачала головой.

Они помолчали. Молчать тем, кто проводит вместе так много времени, совсем нетрудно. Никто никого не собирался увольнять, никто не собирался увольняться. И их половины, в общем, не слишком волновалась: Нина Валентину доверяла, Денис действительно не считал его достойным соперником. И они были правы. Точнее, почти правы. Все-таки года три тому назад у них было, несколько раз. Правда, Ирина тогда была еще не замужем. Так получилось. И получилось очень даже неплохо, впечатляюще, поэтому, наверно, Ирина больше не хотела Бога гневить. Рисковать. А Валентин... вы знаете, Валентин легко сходилась и еще легче расходился.

В это время послышался шум за дверью, выделялся грубый мужской голос, но о чем речь идет, было невозможно разобрать. Ирина вскочила.

- Кажется, Бочков явился. Посмотрю.

Она вышла, но через пару минут вернулась, давась от еле сдерживаемого смеха, закрыла за собой дверь и прыснула.

- Ой, Валя. Конечно, это неприлично. Чужая беда... Но... но... не могу. Ты, Валя, пророк! Как ты сказал, ой, не могу... Кто-то ему его откусит...

- Что, кому?

В дверь проскользнула, зажимая рот ладошкой, Оля.

- Ох... Валентин, вы как в воду смотрели, - она пыталась сдержать смех. - Он сунул его в клетку, и гиена ему откусила. Где... ох... где он нашел гиену?

Дверь снова распахнулась, и на пороге появился красный и возмущенный Бочков.

- Так себя нормальные люди не ведут. Интеллигенция! Я не позволю...

И он по привычке вытянул руку вперед. Вместо указательного пальца там была аккуратная наклейка. Валентин похолодел, он почувствовал, как между лопатками течет прохладный ручеек. Все поплыло перед глазами. Он ухватился за стол. И отчетливо вспомнил - это было сразу после того, как он вышел на работу после болезни - надоевший всем Бочков вышел из офиса, помахав на прощание перед ним указательным пальцем, и Валентин громко сказал «девочкам»: «Не удивлюсь, если кто-нибудь ему этот палец откусит». Тогда же в сознании промелькнула картинка, такая, как перед ним сейчас - ладонь и вместо указательного пальца аккуратная наклейка.

Вероятно, он побледнел, потому что Ирина испуганно сказала:

- Валя, тебе плохо? Что случилось?

- Н-ничего, - с трудом выдавил он. И знаком показал, мол, уведите его.

Ирина поняла:

- Бочков, видите, человеку плохо. В офисе поговорим.

Наверно, вид Валентина подтверждал, что это не симуляция, иначе бы Бочков не позволил Оле без сопротивления себя увести, пробурчав недовольно:

- Что смешного? Пошел с дочкой в зоопарк...

Ирина осталась.

- На тебе лица нет. Ты такой чувствительный?

- В... все в порядке. Кажется, утром перекачался, - голос был хриплым. - Дай мне, пожалуйста, немного коньяку.

Ирина торопливо выполнила просьбу, налила пол кофейной чашки. Он взял бутылку, долил доверху.

- Да что с тобой? Если сердце, тогда...

- Коньяк расширяет сосуды, - он выпил. - Спасибо, Ирочка. Ты собиралась к Александру?

- Ты уверен? - В ее голосе была обида и тревога, поняла, что он хочет остаться один. - Ладно, телефон с тобой... В случае чего, звони...

Она немного хлопнула дверью. Не сильно - все-таки человеку было нехорошо.

Ему было не просто нехорошо. Он был испуган, испуган по-настоящему, до дрожи в коленках. Главное слово было - откусит! У человека откусили палец! Откусили! Насколько вероятно, что у человека кто-то откусит палец? Такое совпадение невозможно. Ну отрезать, разбить... Но откусить?

С ним - в лучшем случае - не все в порядке. А в худшем...

Это, с ужасом подумал он, второй случай за последний месяц. И Спиридон к нему прицепился, а у алкашей - он где-то вычитал - очень сильна интуиция. Он бы это не связал с Бочковым, если бы не было повторения. Тоже вслух пожелал и тоже увидел картинку. И исполнилось!

Он встал, достал из шкафа бутылку - достаточно было руку протянуть, налил еще чашку, сел, отпил половину. Прислушался к себе - кажется, полегчало.

А вывод? Перед выводом он допил коньяк, еще немного расширил сосуды.

Валентин, разумеется, не верил, что желания могут волшебным образом исполняться. И что возможно видеть будущее. Можно только его угадать - это относилось даже к Нострадамусу и к Ванге, не говоря уже о нем, грешном. Значит, он сходит с ума, и ему все привиделось.

Коньяк помогал сохранить трезвость ума. Он решил проверить немедленно, а был ли мальчик, в смысле Бочков. Встал, открыл дверь и спросил сидевшую ближе к нему Рену:

- Бочков ушел?

- Ушел.

- С пальцем?

«Девочки» дружно рассмеялись.

- В смысле без!

- Вы, Валентин, как в воду...

Он закрыл дверь. Значит, либо это правда, либо галлюцинации продолжают. Посоветоваться бы. Чтобы человек посмотрел со стороны. Может, он действительно слишком много внимания уделяет чепухе. Хотя не только это. А сны? Нет, основания для беспокойства имеют место быть.

- Имеют место быть, - повторил он вслух.

Прозвучало солидно.

Главное, чтобы не узнали, особенно дома. И тут, на работе. Сознание, что рядом... скажем... не совсем нормальный человек, создает напряжение.

Сашка! Сашка это кладбище его секретов. Надежней сейфа!

С Сашей Гулько Валентин просидел за одной партой со второго по седьмой класс, пока их не рассадили по росту. Саша отправился в первые ряды к маленьким.

Профессия Гулько - журналист - позволяла быть в любое время в любом месте. Валентин позвонил ему и предложил встретиться в кафе рядом со своим домом в двенадцать часов.

- Припекло?

- Припекло.

- Буду.

Валентин решительно поднялся, с сомнением посмотрел на бутылку - нет, хватит. Поставил ее в шкаф. Позвонил Николаичу, извинился, сказал: «Что-то съел не то». Закрыл ноутбук, взял сумку и вышел.

- Девочки, скажите Ирине, что меня сегодня не будет.

- Вы на машине? - удивленно спросила Рена, пожалуй, почувствовала запах коньяка. С этим очень строго!

- Нет, оставлю на стоянке. До завтра.

Остановка автобуса была на трассе, туда нужно было пройти какое-то расстояние, не пять-семь минут, как сообщали в рекламе квартир, а десять-пятнадцать, потом спуститься по ступенькам. Вроде действительно недалеко, но все-таки не рядом,

Львовский автобус был хорош. Прежде всего, удачный маршрут, есть остановка в полутора кварталах от дома. Правда, будет немногим меньше часа езды, но на машине было бы еще

больше. И сиденье в автобусе удобнее, и рулить не нужно, и амортизация лучше. И выпить можно! Зачем они мучаются, частные собственники? Инерция мышления. Жаль, что не взял планшет, нужно носить в сумке, подумаешь – 300 грамм. А тут для него специальная рамка на спинке переднего кресла, и подлокотник с покрытием, для мышки.

Ладно, ему есть о чем подумать без Интернета, хотя, может, неплохо бы и отвлечься, не впадать в истерику. Может, еще обойдется. Бывают и не такие совпадения – впрочем, это утешение его по-прежнему не очень убеждало. Он вспомнил о снах, которые преследуют его после... да, пожалуй, после гриппа. Один на всю ночь бесконечный и бессмысленный фильм, с повторяющимися эпизодами и одними и теми же действующими лицами. Если он просыпался, то потом этот же сериал продолжался. И он неприменный участник. Именно повторение и бессмыслица угнетает. Валентин где-то вычитал, в серьезных источниках, что такие сны это тревожный сигнал состояния психики. И кстати, потом он у знакомого психолога - как бы невзначай - поинтересовался, тот был еще более категоричен.

Да, правильно он решил – с Сашкой поговорить. С ним только одна проблема, он заглядывает жене в глаза и даже виляет хвостом, но если попросить - не расколется. Он секреты держать умеет. Да их у него и у самого полно. В этом журналисте и по совместительству неплохом, хоть и не раскрученном писателе, противоречий на двух-трех нормальных людей хватит. Ну вот, к примеру, при таком подобострастном отношении к Любе, он вполне может забежать налево, при этом не колеблется, не сомневается ни до, ни после. На вопрос: «Не боишься ли ты погореть?» - отвечает:

- Боюсь, еще как боюсь, я очень боюсь ее потерять, а если проколюсь - тебе известен ее характер! Но без опасности нельзя почувствовать жизнь. Ты знаешь, что сказал Вольтер? «Человек рождается, чтобы жить в судорогах беспокойства и летаргии скуки». Третьего не дано.

Саша был человеком начитанным. Он и в журналисты пошел, чтобы испытывать судороги беспокойства. И острый язык приносил ему дополнительные ощущения. Его даже в дом ближайшего друга не пускали больше года. Это случилось на каком-то дне рождения Валентина, когда его мать, Софья Михайловна, жила еще на Гоголя, была еще Лавровой и пока не ушла к новому мужу. А его отец тогда уже жил в Польше. Приятный вечер приближался к концу, гости стали обсуждать, на кого похож Валентин. Это было нелегкое задание, потому что скорее у Нины было сходство с Софьей Михайловной - и внешне, и рост, и фактура, их часто на улице подозревали в родстве. А отец, Григорий Петрович, был среднего роста, крепкий, плотный довольно светлый русак, чьи мускулы со временем переходили в жирок. Постепенно пришли к выводу, что ни в мать и ни в отца. Софья Михайловна была недовольна. А Саша задумчиво проговорил:

- Что я могу сказать, глядя на Валю? Только одно - проезжий молодец был евреем.

Только после того, как мать переехала к новому мужу, Саша стал снова вхож в их дом.

Они многое друг о друге знали, наверняка больше, чем их жены. Саша, например, единственный, кто знал о существовании Милы Росевой и когда-то даже был с ней знаком, кроме, разумеется, бабки по отцовской линии Валентины, живущей в селе Болгарка под Одессой. Кстати, сам Валентин в честь этой бабы Вали и был назван.

«Вот интересно, - подумал Валентин, - почему о Миле всегда говорили, сочетая имя и фамилию - Мила Росева. Встретил Милу Росеву, передай Миле Росевой, вон идет Мила Росева,

эй, Мила Росева! - хотя вокруг больше знакомых Мил не было. Наверно, звучало красиво, как одно слово - Миларосева».

Все эти мысли беспорядочно бродили в голове Валентина, пока он задумчиво смотрел в окно, смотрел и не видел. Но отвлекся и трястись почти перестал. Вот уже и самоирония появилась, хороший признак.

А за окном показались знакомые места, дорога стала ощущаться даже через «вторые в мире и первые в Европе» амортизаторы. Скорость замедлилась местами до нуля. Въехали в бывший «центр».

Валентин из окна автобуса с сочувствием смотрел на знакомые улицы старого города. О дорогах я уже говорил, но и фасады зданий имеют потрепанный вид, а тротуары и дворы просто ужасные, они остались такими, какими были во времена юности Валентина и даже юности его матери. А некоторые - и их немало - даже бабушки.

А ведь очень многие здания в Одессе являются, без преувеличения, памятниками архитектуры девятнадцатого и начала двадцатого веков, их строило богатое и уважающее себя население. Почему же так запускают исторический центр? Парочку центральных кварталов для туристов еще поддерживают - и на этом всё. И туристическим центром знаменитая во всем мире Одесса не стала. Львов стал - еще доберись туда. А тут и море, и история, здесь Одесса! Но город приводить в порядок и создавать инфраструктуру туризма никому не хочется, проще поднять пару высоток и поделить результат. А легендарную Аркадию превратили даже не в муравейник - в термитник.

Валентин с Ниной осенью были в Лондоне, туманном, дождливом, вечно сыром, и какой там ухоженный исторический центр, старые дома скорей можно назвать вечно молодыми. А в солнечной Одессе по истории прошел Мамай, в лице четырех мэров. Интересно, почему?

Автобус полз по улице Преображенской, забитой до отказа всеми видами транспорта в обе стороны, включая трамвай. Когда Валентин вышел на своей остановке, то его сосуды - он чувствовал - снова сузились. Придется опять расширять с Сашей. Утешало только одно: на машине ему досталось бы больше.

Возле дома, это означало в кафе на углу Некрасовского переулка и Гоголя, столики на улице. Это хорошо, с утра было прохладно, а сейчас приятно. Саша уже ждал и испытывал нетерпение. Он всегда испытывал нетерпение, видимо считая это разновидностью беспокойства.

Я обратил внимание, что называю героев Валентином и Сашей. Почему не Валеи? Мне кажется, Валя звучит слишком по-домашнему, панибратски, а Саша - нет ничего, нормально.

Шаманство

Саша был небольшого роста - говорил, что метр шестьдесят восемь, Валентин знал, что метр шестьдесят шесть, но никогда эти сведения посторонним не выдавал. А ему возражал, ему можно. У них было принято подзуживать друг друга, но силы были неравны. У Саши солидное преимущество.

Я упоминал о противоречиях в характере Саши. Вот одно из них. Он абсолютно не страдал от комплекса Наполеона, говорил, что сейчас в моде маленькие. И доказывал это на практике. Но никаких напоминаний, связанных с ростом, не любил. Прическа у Саши короткая, сантиметра два-три, не больше, волосы были темные, сейчас выгорели, неопределенного цвета - он зимой и

летом ходит без шапки. Спереди, увы, скажем прямо - не густые, он потихоньку лысеет. То, что осталось, стоит дыбом, вроде непослушные. Вроде. Но почему он тогда их ерошит, а не приглаживает?

- Ты не метр с кепкой, - в пикировке иногда говорил ему разъяренный Валентин, - ты метр шестьдесят восемь с прической.

Это даже между ними считалось запрещенным приемом. Как же тогда быть с Наполеоном?

Саша был, в общем, довольно симпатичный. Глаза серые, всегда насмешливо прищуренные: Валентин толком не мог понять, он ехидный или ироничный. Саша отвечал, что это одно и то же, только ехидный – бытовое название. Немного портили лицо результаты юношеского увлечения. Учитывая рост и характер, Саша не мог не принять меры - он серьезно занялся боксом и стал кандидатом в мастера. Нос ему попортили не слишком, чуть-чуть, а вот губы разбили. Оказывается, и губы тоже от бокса страдают, так что улыбка даже без старания кажется ехидной.

- Почему попортили? - не соглашался он. - Шрамы мужчине только украшают.

И если судить по успеху у женщин, он был прав.

А кстати - знаете, почему он бросил бокс? Надоело отвечать, в какой категории он выступает - в наилегчайшей.

Так комплекс или только противоречия?

На работе Саша занимался экономическими проблемами, а когда становилось скучно, то подключался к журналистским расследованиям, от чего становилось «весело» не только ему, но и редактору. Редактор связывался с Любой и спрашивал, дорожит ли она мужем. Иногда помогало. Но чаще Саша переходил на нелегальное положение. Увы, и в новой довольно успешной Украине «всегда есть место подвигу».

Может, вам образ показался слишком эксцентричным, ничего не могу поделать - какой есть, такой есть.

- Ну, что стряслось? Валя, у меня мало времени. Через два часа планерка. Если я не найду чего-нибудь жареного, пожарят нас. Сгорим. Тираж падает.

- Все газеты падают, - Валентин думал не о газетах.

- Ну, конечно, для тебя все падают. А я не все. Но дело не в этом. Тебе нужно поговорить. Но у меня тоже есть желание.

Валентин понял его обиду, но переключиться на другую тему не мог.

- Саш, я понимаю, и хочу, чтобы твое желание исполнилось, - он остановился. - Но... у тебя одно на уме. Мне сейчас не до этого. Извини, ты пока ничего не заказывал? Давай, тебе сто коньяка, мне пятьдесят. Я уже причащался. И кофе. И по бутерброду.

Валентин знал, что Саша ездит общественным транспортом. Или - если припечет - то на редакционной с шофером. Он говорил: если бы был за рулем, то получал бы ноль информации. Не было бы контакта.

- Заметно, что причащался, аромат... С утра, в рабочий день, Лавров! Мой журналистский нюх говорит, что не зря приехал. Понял. Переключаюсь на тебя.

Пока они заказывали, пока им принесли, пока выпили коньяк и отхлебнули кофе, Валентин мрачно молчал. Саша вопросов не задавал, хотя время от времени ногой постукивал. Он знал, что в интервью нужно уметь ждать, как на охоте.

И действительно, шлюзы открылись, Валентин рассказал со всеми подробностями то, что вы знаете. Пока Саша слушал, на его лице был только все возрастающий интерес, никакого скепсиса или сомнений, в этом тоже проявлялась журналистская школа. Исповедь нельзя прерывать.

Когда Валентин закончил, на выразительном лице Саши пробежала целая гамма чувств, но насмешки, как ни странно, не было.

- Ну как? Ты думаешь, чепуха? Мнительность?

Ответ был неожиданным.

- Валя, я помню, у тебя со снами было какое-то время и после Милы Росевой. Я правильно помню?

Валентин вздрогнул.

- Черт, как же я мог об этом забыть.

- Вот в этом деле я тебе помочь не смогу, обратиться к Гольдбергуу, - имелся в виду тот психолог, о котором я уже упоминал.

- В этом не можешь, а в остальном?

- В остальном могу. Это моя работа. Расследование. Нужно выяснить, было ли в действительности то, о чем говорят слухи. Ты это и есть слухи. Ты их разносишь. Будем проверять.

- Как это?

- Очень просто. То, что с тобой произошло, или кажется, что произошло, невероятно? В этом вся изюминка? То есть главное, не совпадение, а невероятность. Так?

- Да, примерно. Хотя пес мог умереть, палец могли откусить, но я не мог быть с этим связан. Мои желания...

- План такой. Ты на тех же условиях пожелаешь чего-то реального, но маловероятного, от тебя не зависящего. Но сделаешь точно так, как это было: пожелал, увидел картинку, что там еще - сплюнул через правое плечо...

- Никуда я не плевал и заклинаний не шептал.

- Ну и отлично. Когда убедишься, что ты не Илья-пророк, забудем об этой истории.

- Ты думаешь, что мне нужно изображать из себя идиота и что-то задумывать, желать?

- Уверен. Я психологию людей знаю. Хочешь забыть - сделай хоть глупую, но проверку. Чем глупее, тем лучше. Потом будет неловко вспоминать. В комплекте и о проверке, и о твоём перепуге. Понял?

Саша имел влияние на Валентина, да и сама идея казалась правильной, будет потом над чем посмеяться. И над собой. Уже сейчас все происшедшее казалось курьезом. Хорошо, что обратился к Саше.

Они со смехом стали выбирать пожелания. В конце концов прошел вариант Валентина. Он так долго в автобусе думал о судьбе бедного заброшенного властью имущими «старого города», что по инерции предложил:

- Давай пожелаю, чтоб в ближайшее время этот Некрасовский переулок привели в порядок. Дорогу, асфальт, тротуары, цветы. Такое возможно?

Они посмотрели на запущенный квартал, по которому даже транспорт почти не ездил, тупиковое место. А ремонта переулок не видел последних столетий наверняка. И вокруг таких запущенных, но более центральных мест море необъятное. Короче, правильный выбор. Кому этот переулок нужен?

Валентин хотел шаманство - так он назвал процедуру - провести дома. Но Саша настоял:

- Здесь и сейчас. Во-первых, ты можешь передумать, а во-вторых, мне интересно.

Пришлось сдаться. Саша попробовал настроить его на серьезный лад - любое дело нужно делать ответственно и серьезно, тем более эзотерика, мистика! Оба прыснули, пришлось настраиваться заново.

Наконец Валентин решительно повернулся к переулку лицом - вид был не из лучших, - почувствовал раздражение и довольно сердито сказал:

- Я хочу, чтобы этот злосчастный переулок наконец привели в божеский вид, заасфальтировали и... - он неожиданно остановился. В глазах удивление.

- Ну, почему скис? - нетерпеливо спросил Саша.

- Я не скис, я увидел картинку. Каток на асфальте...

Саша насторожился, внимательно посмотрел на друга, потом успокаивающе проговорил:

- Вот и хорошо, условия соблюдены. Будем ждать результата.

Они помолчали. И Саша добавил:

- Но к Гольдбергу все-таки пойдя.

Валентин согласно кивнул - он понял, почему это предложение прозвучало. Саша снова попытался поговорить о своих проблемах, но было ясно, что Валентин сейчас мало что может воспринимать.

- Ладно, ты зациклен, я понимаю. Давай завтра-послезавтра встретимся, у меня тоже есть чем тебя удивить. Договорились?

- Хорошо, созвонимся.

Валентин после кафе пошел домой, нужно было отдохнуть, немного поспать, снять напряжение. Правда, с этой целью они с Сашей взяли еще по пятьдесят - не помогло. Недалеко от своего парадного он встретил Спиридона, и это настроения не улучшило.

- За злодейство всем придется отвечать... - алкаш явно собирался произнести большой монолог.

Валентин так посмотрел на него, что Спиридон осекся, повернул назад и засеменил во двор. Он определенно испугался. Но и Валентин пережил шок не меньше. Он с трудом удержался, чтобы не сказать Спиридону - заткнись, а то я отправлю тебя вслед за псом! До чего дело дошло! Нет, без Гольдберга не обойтись.

Саша

Саша понуро возвращался после планерки. Пешком. Некуда было спешить, да и пораскинуть мозгами бы не мешало.

Ямщик, не гони лошадей,

Мне некуда больше спешить.

Но ничего путного в голову не приходит. А должно бы. Редактор, он же босс, он же старший компаньон, он же по совместительству дядя Любы, сказал:

- Иди и не возвращайся без бомбы, а то читатели уже забыли, что есть такое название - «Одесский листок». Больше месяца мы не продержимся, нужна сенсация.

Да, торопиться некуда. Дома сейчас уже вернулись из школы девочки, ими занимается бабушка Любы, спасибо ей. Работать они все равно не дадут, через каждую минуту дверь в кабинет будет открываться. Вот когда придет с работы Люба и скажет: «Не трогайте папу, он работает», - тогда будет тихо. Любу они слушают. Ее все слушают, она признанная царица бабьего царства. Так сложилось.

Когда они поженились - десять лет тому назад, - Люба настояла на том, чтобы купить квартиру недалеко от ее семейства. С Сашиными родителями пока, тьфу-тьфу, все в порядке, отец и мать еще работают, недалеко от них живет замужняя младшая сестра Наташа. А семейство Любы нуждалось в мужской заботе. Состав - Любина мама, тетя, бабушка и прабабушка, которой ориентировочно было 90-95 лет. По документам 92, но во время эвакуации документы потерялись, потом заполнялись со слов. Хотя практического значения это уже давно не имеет: в таком возрасте небольшой плюс-минус погоды не делает. Мужья у них не сохранились - карма! - они их выгоняли, все, кроме Любы и ее тети, у которой его вообще не было. Помня эту печальную традицию, они трясутся над Сашей, тем более подозревают, что он может подать повод для громов и молний.

Я уже сообщил, что у Саши две дочки, но еще не уточнил, что они близнецы. Уточняю. Когда Саша узнал, что ожидаются близняшки, он официально отказался участвовать в продолжении воспроизводства.

- Я знаю, что будет. Будет восемь девок, один я - и это в лучшем случае, если не будет близнецов. С меня хватит семи.

Но, по правде говоря, он напрасно жаловался, Люба без проблем управляла всем семейством - включая его - и при этом получала неплохую зарплату, она была бухгалтером солидной фирмы.

«Так, бомбу, бомбу... Где взять бомбу? Хорошо бы эффектное уголовное дело кого-нибудь из элиты».

Все знали, что основные перемены в стране начались с «большой двадцатки». Только после этого события Украина нажала на газ и рванула вперед. Конечно, реформы, конечно, налоговая система, конечно, социальные сдвиги - все это сыграло свою роль и было необходимо. Но Украина находилась в критическом состоянии: на последнем месте в Европе по всем показателям, кроме коррупции, по коррупции на первом! Это была агония государства. Поэтому обычные методы для лечения не годились, только экстраординарные, хирургические! Новое правительство применило шоковую терапию. Суды почти одновременно посадили двадцать высших элитных воров во главе с их лидером. Только тогда все и началось. Никто даже не думал, что эти «весенние посадки» - народная острота - дадут такие бурные всходы. До 16-ти процентов роста годовых! Казалось бы, сажать - слишком примитивно, из серии простых решений, которые предлагают популисты. Большинство полагало, что из украинского народа тягу к коррупции, взяткам и воровству за долгие годы никакими посадками не выбьешь. Это большинство возражало малочисленным оптимистам - не приводите в пример Грузию, сколько там этих грузин? С гулькин нос. А нас 40 миллионов, и все разные.

Но оптимисты оказались правы: дело не в количестве, а в политической воле. На удивление быстро все всё поняли. Сообразили, когда посадки, продолжаясь в верхних эшелонах, опустились в средние, а потом и в нижние, и в лучшем случае заменялись солидными штрафами. Дольше всех держались врачи, но и их прижали. Десять лет большинством в парламенте была партия «Неотвратимость», и она свое название оправдала.

И выяснилось, не так уж это примитивно. Во-первых - почти не воруют, а во-вторых, если нельзя выжимать нетрудовые доходы, то какой смысл чиновникам не разрешать, вмешиваться, запрещать, указывать, то есть мешать желающим работать. А если никто не мешает, то люди могут многого добиться, что Украина и доказала.

А сейчас... Ведь шепотом говорят, что опять повадились... Вроде бы... И Саша нюхом чувствует, что можно найти острую тему, есть подземные течения. Но должно быть что-то новенькое, не говоря уже о доказательствах, сейчас за клевету и срок можно схлопотать. Те времена, когда журналисты и политики могли безнаказанно нести все что угодно, давно прошли. Или это всё иллюзии. Втягиваться в безнадежную и бесконечную авантюру не стоит, какой бы заманчивой она ни выглядела. Сколько времени понапрасну он потратил на Чичигина? Когда это было? Десять?.. Нет, восемь лет тому назад. А как хотелось принести редактору на блюде голову начальника городского управления полиции. Но не пойман, не вор.

Да, много времени Саша на него потратил, лучше бы за это время написал несколько хороших рассказов. Люба готова ему все простить за хороший рассказ. Но за литературу не платят, чаще нужно самому доплачивать, чтобы быть напечатанным. Ну, получил он вторую премию на конкурсе Бабеля, но это престиж, а не деньги. Правда, и журналистика богатства не приносит. Валя прав, вся печатная продукция падает, исторический процесс. А тут еще языковой вопрос. Непросто было русскую книжку издать, найти спонсора, потому что налоговое бремя и разные ограничения не были символическими в отношении такой литературы.

Но вот и улица Успенская, угол Канатной. Немного шумно, но что поделаешь. Зато в этом же дворе живет семья Лены, на дверях их квартиры написаны четыре фамилии, три из них - изгнанных мужей.

Квартирка у Саши с Любой неплохая, второй этаж, четыре комнаты, кухня и даже два туалета - бывшая коммуналка. В гостиной девочки делали вид, что готовят уроки. Саша привычно поцеловал их в лоб - наклоняться не нужно было, Любина порода телом, а головой возможно его -Люба почти блондинка, а они почти брюнетки. И похожи на него, определенно похожи.

Саша спросил: «Как дела?», ответа не стал дожидаться. В гостиной было чисто и рациональный минимум необходимой мебели - рука Любы. В это время зашла бабушка Аня, крепкая, крупная семидесятипятилетняя... женщина, ее старухой не назовешь. Саша поздоровался и сказал:

- Я иду работать, можно меня не дергать?

- Конечно, можно, - это было трио.

В кабинете стояло два компьютерных кресла спиной друг к другу посреди комнаты, перед ними два стола с компьютерами прижались к противоположным стенам - Любе тоже приходилось работать дома. Рядом с каждым столом у стены стояло по шкафу, один забит всякой всячиной - Саши, другой с аккуратными папками и литературой по специальности - Любы.

Саша сел за свой стол, включил компьютер. Это происходит автоматически, без компа нечего за столом делать.

Открылась дверь. Извиняясь, вошла Аня, на небольшом подносе чашечка кофе, бутерброд с колбаской. Любина школа. Мне остается повторить, что моим героям с женами повезло.

Ну, за работу. Бомба, бомба... Откуда ее возьмешь? Глупо сидеть, глядя в пространство, в ожидании наития. Лучше подработать последний рассказ, все руки не доходят.

Открыл рассказ «Синдром китайского Мандарина». Нашел текст, который ему казался шероховатым.

«У Бальзака в «Отце Горио» был задан такой вопрос... Гм, попробую по памяти, близко к тексту. Как бы читатель поступил, если бы мог, не выезжая из Парижа, одним усилием воли убить в Китае какого-нибудь неизвестного ему старого Мандарина и благодаря этому сделаться богатым?»

Я согласно кивнул. Знал, что это где-то у Бальзака, но что в «Отце Горио», то ли запомнил, то ли не знал. А может, вообще роман не читал. Скорее последнее.

- Этот проклятый Мандарин уже много лет преследует меня и удивительным образом влияет на мою жизнь».

Неизвестный китайский Мандарин... Китайский Мандарин снова вернул его мысли к Чичигину, который на днях объявил, что собирается в почетную отставку на заслуженную пенсию.

Китайский Мандарин из Тайваня... Как в этом рассказе, как в сказке! Оказалось, что Чичигин настолько чист и неподкупен, что заслуживает небесной благодати. Он так и писал о себе в Фейсбуке: «Правда побеждает и честность вознаграждается». С его-то рож... простите, мор... простите, лицом. Но прав был редактор, когда сказал, что физиогномика не принимается судом в качестве доказательства, и слухи тоже.

- Папа, а можно я...

- Таня, я же просил, я занят.

Саша не мог поверить и перенести то, что тогда произошло. На Тайване умер престарелый совладелец офшорного банка, не оставил завещания. Наследников, как и положено, разыскивали по миру, и нашли только одного - это был Чичигин. Сначала в это никто не поверил, даже неспециалисты в физиогномике. Но он не вылезался, его нашли. И он даже не знал, что у него есть такой родственник. Оказалось, родного брата деда Чичигина маленьким увезли в Харбин, а больного деда, которому тогда было три года, оставили в России. Брат деда окитаился, но не совсем, фамилию оставил, и его сын - покойный Мандарин Чичигин, таким образом, оказался дядей нашего непорочного полицейского начальника. Саша - и не он один - землю рыл, но все было бесполезно.

- Папа, у меня задача...

- Лида, неужели нельзя понять!

Чичигин вроде бы вспоминал, что в далеком детстве кто-то говорил о родственнике, но когда это было. Почему его отец молчал - а кто бы стал сообщать при советской власти о родственниках за границей? Отец и дома ничего никому не говорил. Объявление было в какой-то российской газете? Но он тех газет не читает, и там было напечатано Сисикин, что близко к китайскому произношению. Он ни о чем понятия не имел, пока его не нашли.

Саша уйму времени и денег - правда, в основном редакционных - потратил на это расследование, собрал все, что было в Интернете. Собрал, насколько возможно, биографию покойника и доступные данные на его бизнес, фотографии. Фирма относительно солидная, не однодневка, не прокладка, двадцать лет как минимум.

Чичигин имел сайт - играл в современность. Саша собрал его посты и форумы за несколько лет, это были открытые источники, ими можно пользоваться. Ничего интересного.

Покойный Мандарин, кстати, был похож на нашего полицейского, хотя его мать китаянка, сильна российская порода!

Он открыл в компьютере дело Чичигина, нашел фотографию в газете. Подпись – Сисигин Джу Де. Похож, но не настолько, чтобы его мог узнать далекий родственник. А где по-китайски ударение? Сисигин? Или Сисигин? И называли его фамилию там раздельно - Сиси гин. Гм, сиси, сиськи... Сиськи-мисиськи...

- Папа, у меня кончились тетради...

- Таня, я занят. Спроси у мамы.

Следом за фото шли посты и форум. Саша их изучил в свое время вдоль и поперек. Думал, что если нужно передать тайную информацию, то по телефону, по почте простой и мейлу побоятся, а в сайте и форуме могут вписать невинную на вид фразу. Он провел там уйму времени, бесполезно. Сейчас бездумно пробежал глазами одну, другую страницу форума. И вдруг мелькнуло слово «сиси». Он прочитал текст. «Сиси, и полное отсутствие мозгов. Если устраивает, дай знать». Он это, кажется, видел, но в форуме был и мат, и пошлость, и все что угодно... А аватар подходящий, буква «Б» на фоне неразличимого лица. Но сейчас он обратил внимание на «сиси» и поэтому внимательно посмотрел на аватар. А ведь, пожалуй, это мужчина. Но тогда у него нет «сисей» и буква «Б» не означает род занятий.

- Папа, мы закончили. Можно пойти погулять?

- Нужно! Только не мешайте.

Он включил компьютерную лупу, навел на аватар. Изображение увеличилось, но еще больше размылось. Собственно, из-за буквы виден один глаз, часть носа и краешек губ. И на глаз спускается чуб, не часто встречается у мужчин. Может, все же женщина? Нет, мужчина. И глаз, и складка у рта... Мужик. Он, может быть, выдает желаемое за действительное - очень сильно желаемое, - но чудится ему в этом глазе с чубом что-то знакомое.

Буква «Б» тогда начало фамилии, раз «Б» большое? Ну, тогда тупик, фамилий миллион... А вот если имя, то проще. На Б - Борис... и кажется, все. Нет, еще Бенья, бандитское имя - Бенья Крик. Бандитское...

В это время открылась дверь и вошла Люба.

- Люба! - заорал, вскакивая Саша. - Тебя мне Господь послал!

Он не дал ей сказать ни слова, усадил в кресло и стал целовать. Стоя целовать снизу вверх было неудобно.

- Любочка, ты мне всю жизнь приносишь удачу. Бенья Шило, Биньямин Шиловский - вот это кто. Любимая титущка Чичигина, вот это кто!

- Тетушка? - Люба не очень удивилась, к эксцентрике своего мужа она привыкла.

- Не тетушка, а титущка, ударение на «у». Так в двухтысячные годы называли бандитов спортивного типа.

- Саша, ты выиграл миллион?

- Не выиграл, а выкопал. Вот этим инструментом, - он постучал по виску. Подумав, добавил: - И повезло. Да, конечно, повезло. Но если бы я не нарыл столько материала, то ничего бы не было. Всё, всё, Любочка. Я должен не упустить удачу. Если рыбка сорвется, я не перенесу. Это не рыбка, это кит!

Он поднял Любу с кресла, сел на ее место, повернулся к столу и отключился от всего мира. Из-за этого Бени он стал заниматься боксом. Ему было... Да, лет пятнадцать. Как-то они с Любой

оказались на дороге у титушек, Саша, как обычно, пытался проявить характер, но Беня провел по его лицу сверху вниз - это называлось шмайс - и сказал:

- Наберись силенок, потом открывай рот.

Саша запомнил этот чуб.

Кое-какими навыками поиска он владел, тем более что за последние годы Интернет научился многому. Через несколько минут он выяснил, что Биньямин Шиловский, примерно 1990 года рождения, в 2022 году эмигрировал из Украины. Наверно, он поменял фамилию и документы, потому что больше сведений о нем Саша не нашел. Пока копать больше в этом направлении не стоило.

Он посмотрел дату форума. 2019 год, за три года до смерти Мандарина. Значит, он был заранее известен, а вероятней подготовлен, Беня Шило находился при нем, либо невдалеке. Теперь нужно посмотреть внимательней, что в это время происходило на Тайване. Саша поднял свои материалы и выяснил, что примерно в этот период у Мандарина начался Альцгеймер - «полное отсутствие мозгов». Логично предположить, что Чичигин - и может, не один - перекачивал ему деньги в расчете на наследство. Тогда основные поступления должны быть до двадцать второго года, потом воровать стало тяжелее. Хотя кто их знает... Специалист через Интернет может обнаружить, откуда и когда денежные потоки шли в банк, теперь «наука умеет много гитик» - Сашин отец любил этот карточный фокус. Такого специалиста (на грани хакерства) Саша знал, но сейчас уже...

- Ты собираешься ужинать? Уже восемь часов. - В дверях стояла Люба.

- Ого!

Он просидел пять часов за компьютером. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Или счастливые часов не наблюдают.

Встал, потянулся.

«Я Вальке утру нос и успокою. В жизни бывают такие невероятные совпадения, которые и вообразить невозможно. И не нужно для этого шаманить. Как можно было предположить, что из двухсот - как минимум - страниц материалов восьмилетней давности я сегодня наткнулся на эти «сиськи» именно тогда, когда они мне до зарезу понадобились. Жизнь неожиданной любых чудес».

Валентин

После разговора с Сашей Валентин почти успокоился. Втянулся в рабочий и жизненный ритм. Осталась одна нерешенная проблема - сны. Например, всю последнюю ночь они с соседом по лестничной клетке - Валентин даже не знал, как его зовут - считали деньги. Денег был мешок, они считали до ста. Потом сбивались и начинали сначала. Пришлось звонить Гольдбергу, ничего не поделаешь. Гольдберг сказал, что выезжает в командировку, когда вернется, позвонит.

Короче, после паники на работе и после явления Бочкова Валентин держался достойно. Даже Нина в тот вечер ничего не заметила. Хотя запах алкоголя почувствовала.

- Был чей-то день рождения?

- Нет, с Сашкой встречались. Посидели в кафе...

- А, с Сашей.

С Сашей можно, нет вопросов.

На работе было сложнее. Ирина еле дождалась его прихода – так волновалась. Это было заметно. Она увела его сразу в кабинет, приготовила кофе, и перед тем как налить коньяк, спросила:

- Можно?

- Коньяк расширяет сосуды.

Села и требовательно посмотрела на него.

- Ира, да ничего не случилось. Плохо спал, и я вообще крови не выношу - ты знаешь, есть такие люди, от вида крови и от укола падают в обморок...

Он приврал, к крови относился нормально, в обморок не падал.

- Ирочка, мне очень приятно, что ты волнуешься. Даже не думал.

- В конце концов, не чужие, - Ирина пыталась это сказать как можно суше. Сухо не получилось.

Валентин встал, подошел, наклонился и поцеловал в щеку. Даже немного попал в уголок губ.

- Ну все, Валя, за работу. У нас сегодня две продажи - одна тебе, другая мне.

Кажется, она - удивительное дело - покраснела.

И пошел нормальный рабочий цикл. Кончилась неделя, началась другая.

Увеличились продажи, работы и денег добавилось. У Валентина была дополнительная нагрузка - я уже упоминал о Грише, он был помощником по строительству евроквартир. Это считалось подработкой, но временами доход от продажи таких квартир был больше, чем от фирмы. Придумал эту работу и название «Евроквартиры», если я не ошибаюсь, сам Валентин.

Строители предлагают для продажи разные варианты нового жилья: квартиры без отделки, различная степень отделки, квартиры под ключ: считается, что в нее можно вселяться без ремонта. Может быть обычная отделка, а для солидных клиентов - евроотделка. Это все более-менее знают, поэтому не буду приводить подробности.

У Валентина был в друзьях Гриша Мельник, отличный, но невезучий дизайнер. Он не мог найти контакт ни со строителями, ни с хозяевами квартир. Не ладил. У него был такой надутый вид, что всем хотелось с ним не соглашаться. Бывает такое. Валентин ладить с людьми умел.

Это первый посыл идеи.

Второй - была группа покупателей, разумеется с деньгами, которые не только не хотели ждать, пока дом будет строиться, не только не хотели ремонтировать, но даже не хотели оборудовать готовую квартиру, покупать и завозить мебель. Часть из них покупала квартиру под сдачу - таким угодить было нетрудно, а часть для себя - это намного сложнее.

Валентин покупал несколько квартир, делал там евроремонт, в некоторых делал полный дизайн - включая мебель - для тех, кто собирается ее сдавать, а две-три квартиры дизайнер Гриша обставлял в соответствии с последней модой и даже опережая ее. Обязательно кто-то клевал, нюх и вкус у Гриши был отменный. Забота у Валентина при этом была только одна: мирить Гришу с рабочими, не допускать, чтобы его травмировали на производстве.

Работы хватало. И еще Николаич действительно предложил ему участие в строительной фирме. Валентин обещал подумать.

Встретиться с Сашей пока не получалось. Первые два-три дня после кафе Валентин утром при выходе на работу (он стал ездить общественным транспортом) еще посматривал в сторону Некрасовского переулка. Пристыженно улыбался - развел панику. А потом выбросил происшествие вместе с переулком из головы.

Была пятница, предпоследний день рабочей недели. Валентин и Ирина сидели в кабинете, что-то неторопливо дописывали, девочки уже ушли. За Ириной должен был заехать муж, а за Валентином Саша, он где-то недалеко, в этом районе.

- Ира, давай по рюмочке. Мы без транспорта, расширим сосуды.

Ирина согласно улыбнулась, пошла готовить кофе. Валентин взял две рюмки, посмотрел на них, потом поменял на красивые стаканы - из уважения к коньяку. Налил на глазок грамм по семьдесят: выглядело солидно, по-великосветски. Поставил каждому стакан и рядом положил салфетки. Ирина принесла по чашке кофе и шоколадку. Уселись.

Валентин поднял стакан.

- За тебя, моя дорогая помощница и - как ты говоришь - не чужой мне человек. До конца!

Они выпили, до конца. Кофе, шоколадка, откинулись расслабленно в креслах.

- Я очень тронут, что ты обо мне волновалась.

- Даже рвалась звонить по мобильному, но не хотела пугать Нину. Так все-таки, что тогда стряслось? И после ты был немного не в себе, было заметно.

- Заметно нечужому человеку, Ируся.

Она обратила внимание на «Ируся» - так он ее называл три года тому назад в те моменты, о которых я упоминал. Она не ушла от воспоминаний.

- Да, бывает и сейчас, что я к тебе не совсем равнодушна. А знаешь, когда?

Он встал, взял из шкафа бутылку и еще немного добавил ей и себе.

- Когда?

Пригубили.

- Так когда? Хочу знать, чтобы воспользоваться.

- Вот, в этом и дело. Пожалуй, меня задевает, когда такая красивая, как я... красивая?

- Очень, ужасно, невероятно.

- А на нее не реагируют.

- Нет, я очень реагирую, и наоборот...

- Ага, наоборот.

- В смысле для меня самое главное, чтобы у тебя не было неприятностей. А может, я флегма.

- Ха, флегма! Не скажу, что у меня большой опыт, - она немного пригубила, - но такую флегму я никогда... была как выжатый лимон! Нет, Валечка, ты не флегма. А вот в обычной жизни ты какой-то... Деловой, уравновешенный, спокойный, это да. Но кто тебя знает... настоящего, ты не то чтобы опустошенный, а какой-то потухший. Вот, потухший вулкан. Хотя дым идет иногда.

- Ты скажешь...

- Именно это я и хочу сказать. Поэтому иногда хочется тебя растормошить, зажечь. И реагирую, когда не получается. Это комплекс, я его называю комплекс Дениса. Наверно, и я заразилась.

Муж Ирины, Денис, был в общественном мнении не менее значительной фигурой, чем она. Прежде всего, он был тоже хорош собой. Острили, что его имя - это сокращенное Дионис. И действительно, он - особенно на пляже - мог сойти за одну из известных скульптур Диониса, только в плавках. Плюс к этому, он был скульптором, и довольно-таки популярным. У него были отличные связи в верхах, и по городу уже стояло довольно много его произведений, главной

изюминкой которых была оригинальность. Должен признаться, что Валентин и - как ни странно - Ирина к числу почитателей его творчества не относились. Имея такие данные, он вел жизнь плейбоя и Диониса одновременно, не чурался плодов виноделия, вакханок и - по слухам - вакханалий. И тут, как говорила Ирина, на свою беду он встретил ее. Она с ним не кокетничала, не завлекала, просто не скрывала, что никаких чувств, включая сексуальных, к нему не испытывает. Такое неожиданное равнодушие Дениса потрясло. Вакханки из его свиты растворились в воздухе, с тех пор он «знал одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть». И руки ее в конце концов добился. Как-то, будучи под влиянием тех же плодов виноделия, она сказала Валентину, что скорей всего виной тому тщеславию, ей многие завидовали, и это нравилось. Но нужно признать, что не меньше завистников было и у него, просто пол противоположный.

- Ира, он тебе предлагал работу в его мастерской. Дионисов нельзя оставлять без присмотра, история это доказала.

- Можно. Вполне. Это безопасно. На его жизненном пути произошло ДТП с тяжкими последствиями. Это не травма, это инвалидность. Дионис стал однолюбом.

В спокойном и ровном голосе Ирины прозвучало раздражение.

- И что в этом плохого?

- Все. Однолюб должен встретить однолюба. А я... Темпераментом бог меня не наградил.

- Я бы этого не сказал, - улыбнулся Валентин.

Ирина погрозила пальцем.

- А знаешь, - задумчиво продолжил он, - однолюбы бывают двух типов. Одни любят всю жизнь, вне зависимости от того, отвечают им взаимностью или нет. Желтковы из «Гранатового браслета»... Это либо счастье, либо большая беда. А другие...

Он замолчал.

- Что другие?

- Беда других... Они больше никого не могут полюбить.

- Я не поняла. То есть тех, кто был, уже не любят, и тех, кто будет, тоже?

- Ты правильно поняла. Их беда в том, что новые чувства по сравнению с тем... чудом, что было, это как бледная тень... Или пародия. Даже так...

- И тогда это несчастный человек?

- Почему несчастный? Нет, не несчастный. Нормальный. Не счастливый... это да, возможно.

- Слушай, Валя, а не про себя ли ты говоришь? У тебя еще немного, и будут на глазах слезы.

А может, уже появились.

Валентин улыбнулся.

- Это мои еврейские глаза, они имеют привычку самостоятельно выступать от моего имени. Я им такой команды не давал.

- А откуда ты знаешь все эти ужасы?

- Где-то вычитал.

Без стука распахнулась дверь и вошел Денис. По-прежнему красивый, легкая рубашка обтягивает мускулистую грудь. «Хорош, - подумал Валентин, - только чуть-чуть поправился. Ему и Нине это противопоказано».

- Пьете! Тет-а-тет. Если бы я был ревнивым, то обязательно устроил бы сцену.

- А ты не ревнив? - в ее тоне была явная ирония.

- В данном случае нет.

- Хорошо, что хоть в данном случае. Это тебя оправдывает.

Не нужно было Ирине столько пить, она не смогла полностью скрыть улыбку.

Они попрощались, Валентин вежливо привстал, а когда дверь закрылась, потянулся за бутылкой и добавил еще 70 грамм. Саша задерживался.

...Потухший. Это верно. Но не вулкан. Это была не страсть, не бурные чувства, не извержение. Что-то из другой категории, вероятно высшей, которая, конечно, включает все упомянутое, но только как составляющие. Он считал, что это было счастье, абсолютное счастье, невозможное счастье. И помнил все до мельчайших подробностей.

Когда Валентин окончил школу и благополучно сдал экзамены в строительный институт, они с отцом и его женой Мариной поехали из Пловдива на машине в Европу. Путешествие длилось двадцать один день. Через Германию, Францию до Голландии, потом спустились в Испанию, потом Швейцария, Италия до Венеции - и вернулись в Пловдив. Он еще пожил у отца неделю. Марина - которая по возрасту была где-то посередине между Валентином и мужем - оказалась очень приятной женщиной, которая не гордилась своим юридическим дипломом. Она не могла иметь детей и считала это не только своей бедой, но и виной.

Это был настоящий праздник, но праздник должен чередоваться с буднями, поэтому после окончания первого курса Валентин решил каникулы провести у бабы Вали в Болгарке, на берегу Хаджибеевского лимана. Получалось свободных два с половиной месяца. В это время власти Одесской области отрапортовали, что спуск сточных вод в лиман практически прекращен, соленость поднялась и купаться там практически можно. Конечно, смущало повторение слова «практически», но денег на иной вариант отпуска не было, а сидеть в жару в Одесе не хотелось. Тем более, что пляжи и транспорт будут забиты туристами. На пляж можно ходить в сентябре, милое дело, любимое время одесситов. А кроме всего, баба Валя соскучилась, да и он тоже.

Дом бабы Вали стоял во втором ряду от лимана - рукой подать. Приехал Валентин к вечеру, поэтому проверить, правду ли писали о лимане, не мог - до полночи давал подробный отчет о личных событиях и особо подробно о поездке в Европу в прошлом году с отцом и его женой. Баба Валя была похожа на отца - то есть наоборот, он на нее, - но более сухой и смуглый вариант. Волосы совершенно белые, хотя ей было тогда всего 67 лет.

На следующее утро все началось. Валентин проснулся часов в девять, помылся - в доме был туалет и душ, никаких «дворовых» удобств. Позавтракал блинчиками со сметаной, запил чаем с молоком - это было традиционно - и пошел на пляж. Он обошел дом, стоявший ближе к берегу, и увидел идущую впереди в сторону пляжа женщину или девушку - по всему видно, что молодая. Светлые волосы, довольно длинные - до плеч, стройная фигурка, кажется приличного роста, легкое приталенное голубое, немного выцветшее платье, по нынешним временам длинное, почти до колен. «Зря, - подумал Валентин, - ножки красивые и фигурка тоже». В руке красная сумка-пакет.

Он шел быстрее ее и перед выходом на пляж почти догнал. Девушка на ходу оглянулась, посмотрела на него - ее лицо сразу и навсегда запечатлелось в памяти. Красивое лицо, серьезное, умное - это он отметил сразу. Глаза голубые. Девушка остановилась и немного отошла с тропинки, пропуская его вперед. Валентин прошел мимо, искоса взглянул - классический профиль, строгая. Сделал пару шагов и неожиданно для себя и для нее повернулся. Они стояли

на расстоянии буквально вытянутой руки и удивленно смотрели друг на друга. Удивление не было связано с тем, что незнакомый человек остановился и смотрит, с чего бы это? Они удивились впечатлению от этой встречи. Оба. Это выяснили позже, но не намного позже - часа через два, три. И вообще события развивались с невероятной скоростью, но это казалось совершенно нормальным и естественным. Был тот самый случай, когда все прекрасно удается, складывается само собой - и стараться не нужно.

- Здравствуйте. Здравствуй. Я Валя.

- Здравст... вуй. Мила. Росева.

Он на фамилию тогда не обратил внимания.

- Полное Людмила?

- Нет, полное тоже Мила.

- Интересно... Я здесь в гостях. У бабы... У Валентины Лавровой. Вот за этим домом. Не знаешь?

- Я тут никого не знаю. Мы с мамой приехали на похороны. Моя бабушке Платова умерла. Может, слышал?

- Нет. А надолго приехали? - это было самое важное.

- Послезавтра уезжаем.

- Вот это фокус! Ну, посмотрим. Ты на пляж? Пошли, милая Мила.

Такое обращение после минутного знакомства тем не менее прозвучало органично и вызвало улыбку на ее лице. Она удивилась - почему «милая Мила» ее никто никогда не называл, а казалось бы, само напрашивается.

На пляже Валентин позволил Миле самой выбрать место. Она вынула из сумки большое полотенце и расстелила его поперек, так что могли лечь два человека.

- Я не беру подстилку на пляж. Лежу на песке.

- Сегодня полежишь, - прозвучало естественно.

Фигурка Милы действительно была хороша, но он ничего другого и не ожидал. Купальник тоже голубой, небольшой, но не выглядел нескромным. В ней - он понял сразу - все будет его восхищать. Они пошли купаться, вода была теплая и практически чистая. Правда, солнце часто пряталось за тучи, и они ворчали по этому поводу, но несправедливо. Не понимали, что это входило в комплект благоприятствования, - для обоих было начало сезона, и в солнечный день они сторели бы, потому что никто не собирался уходить с пляжа до вечера.

Общение давалось легко и было не типичным для первого дня знакомства. Валентин не острил, не пытался произвести впечатление, а Мила не кокетничала. К концу дня они уже не только разговаривали, но и молчали так, как будто знали друг друга много лет.

Он узнал, что Мила учится в Харьковском юридическом университете, перешла на третий курс, а вообще живет в Мариуполе, у нее там мама, бабушка... и отчим. Отчим был после паузы. И когда разговор стал уж очень небезразличным, она, немного поколебавшись, сказала, что осенью намечается ее свадьба.

- Ну ты даешь. Значит, невеста. Послезавтра отъезд, осенью свадьба. Ты перегибаешь палку. А кто он?

- Виктор? Юрист, работает в солидной фирме.

- А живешь в Харькове ты где?

Она покраснела.

- Живу я у тети, маминой сестры, - и даже рассердилась.

К Виктору он почему-то не приревновал, удивительно.

- Ладно, невеста еще не жена. Мало ли что у кого было. Было, да сплыло.

Мила согласно кивнула и тоже этому удивилась. Они многому удивлялись в те дни.

В обед позвонила мама Милы.

- Зовет обедать.

- Надолго?

- Ну, часа на два.

- Ты что? Два часа! Кто это выдержит. Нет. Давай так. Я тебя хочу с бабой Валею познакомиться. У нас поедим. Борщ у нее потрясающий... Специально к моему приезду готовила.

- Хорошо. А это удобно? - с удивлением услышала себя Мила.

Валентин тоже удивленно посмотрел на нее.

- Не познакомиться вас - вот это неудобно.

Мила позвонила маме.

Бабе Вале она понравилась, это было видно. А как могло быть иначе?

- Вы выиграли миллион? Такой вид.

Она сразу увидела, что лица у них... какие-то счастливые. Во взгляде Валентина был восторг, а у Милы удивление - куда меня несет?

- Как минимум миллиард. Не меньше.

Борщ Миле очень понравился, и она приняла приглашение на завтра.

С пляжа они ушли, когда солнце было уже совсем низко.

- До завтра, пораньше, - сказал Валентин.

- Хорошая у тебя невеста, - вечером сказала баба Валя.

- Она не моя невеста. Моя, - он помолчал, - моя... наверно, жена.

На второй день в обед на пляж пришла мама Милы посмотреть, какое там у ее дочери завелось знакомство. Она была моложавая, тоже стройная, похожа на Милу. Спокойная, уверенная в себе. «Кажется, властная», - подумал Валентин.

Не скрывала, что в восторг от Валентина не пришла – студент, первокурсник.

- Второкурсник, - поправила Мила.

- Виктор солиднее.

Этот разговор она вела негромко, но с расчетом, чтобы он услышал.

Валентин не расстроился, он знал, что выглядит вполне прилично - стройный, подтянутый, за солидностью не гнался. Но и обижаться не стал - это ее мама.

После ее ухода состоялся серьезный разговор, который был скорее монологом Валентина. Короткий монолог с паузами на обдумывание между предложениями.

- Ты не должна уезжать... Дело даже не в том, что будем потом всю жизнь жалеть... Я уверен, что мы жизнь просто поломаем... Не может такого и даже ничего похожего в жизни еще раз случиться... Так не бывает.

Валентин говорил, повернувшись к ней, а Мила слушала, уткнувшись лицом в подстилку.

Потом повернулась к нему.

- Я не уеду.

И они поцеловались. Удивительно, первый раз. Но в то лето было, чему удивляться.

Валентин, сидя у себя в конторе, думал, что эти воспоминания не приукрашены временем. Именно так все и было, и даже лучше, светлее, романтичнее. Он помнил, что тогда сказал Миле:

- Нам повезло. Такое редко бывает.

- Не боишься сглазить? А вдруг испортим.

- Конечно, боюсь. Но не за нас, чтобы что-то снаружи не случилось... землетрясение, конец света. С остальным мы справимся.

Мила даже как-то немного испуганно сказала:

- Валя, не зарекайся. Не буды лыхо, покы тыхо...

Мама уехала, Мила осталась в опустевшем доме своей бабушки. В этот же день Валентин собрал свои вещи и перешел к ней.

Интересно, в наше время привыкли ко всему: когда он и она регулярно уединяются на пару часов, чтобы заняться любовью - это называется встречаются, - такое уже никто не осуждает. Но... какая-то общественная неловкость все же остается. А когда живут вместе, даже не поставив в известность мэрию, это вполне нормально и называется семья. Так бывает в любом возрасте.

Не думаю, что баба Валя была бы довольна, если бы Мила приходила к ним и запиралась с Валентином в комнате.

А так они начали совместную жизнь - и прекрасно, пожелаем счастья.

Счастье было. Они не обменивались клятвами и объяснениями, это было не нужно, достаточно было посмотреть на счастливые лица друг друга. На них был с трудом скрываемый восторг. Может быть, они со стороны выглядели глуповато? Иногда так и было, но это вызывало не насмешку, а зависть.

Однажды они собирались на пляж. Мила подошла к зеркалу, взглянула на себя.

- Черт-те что, - сказала она, - мне всегда говорили, что я важничая, самоуверенная, холодная. А тут - цвету, как майский лапоть.

- У тебя был такой характер, как у мамы?

- Так говорили.

Валентин встал рядом с ней у зеркала.

- Два майских лаптя. Цветут.

Выход на пляж отложили на час.

Уже ближе к отъезду Мила сказала:

- Совсем другое дело, когда ведешь дом. Хозяйство, забота.

- Я тоже помогаю.

- Помогаешь. И когда встаешь - лохматая, заспанная... Это все иначе.

- Тебе нравится?

- Да, но это совсем иначе.

- А мне нравится, когда ты заспанная и лохматая. Я открываю глаза раньше и тихонько жду, чтобы посмотреть, как ты просыпаешься.

Мила даже задохнулась от удовольствия...

Вокруг них собралась компания, Валентин кое-кого из местных ребят знал, ходили на танцы, ловили на лодке рыбу и потом готовили ее на костре. Два с лишним месяца пролетели, как один день.

Дыхание прозы почувствовалось накануне отъезда. Принципиальное решение было принято - Мила переедет жить к Валентину, будет четыре человека на пять комнат. И переведется в Одесскую юридическую академию. Но как и когда это произойдет, возможно ли перевестись сейчас, за три дня до начала сессии?

- А за счет чего будем жить?

- А как ты раньше?

- Ну, стипендия, немножко мама, немножко тетя...

- Стипендия останется, - он немного подумал. - И потом, ты сказала - будешь вести хозяйство. А у главы семьи другие обязанности.

Он хотел сказать «у мужа», пока не получилось. Мила поняла и поцеловала его в щеку.

- Мне предлагали вторую смену в квартирном бюро. Пока не было необходимости, папа прилично присылает.

- А если откажут в переводе? Брать отпуск? Этого никто не поймет. Скажут - мы не верим друг другу. Вот за год проверим свои чувства...

Валентин понимал, в этом логика есть, но... посторонняя логика. Он просто не представлял себе, как они смогут прожить почти год друг без друга. И есть ли причины для этого, кроме форс-мажора и землетрясения?

- У нас с тобой только начало, и началось так... так... - он не находил слова, поднял руки, пошевелил пальцами, бессильно опустил, но так и не нашел, - так началось, что нельзя рвать, отвыкать, потом привыкать, нужно, чтобы все плавно перешло в счастливую жизнь до глубокой старости. Красиво сказал, - похвалил он себя, - и это правда.

- Валечка, я сделаю все, что смогу. И даже больше. Я тоже без тебя...

Она заплакала, Валентин до сих пор даже не представлял себе, что такое возможно.

Предусмотрительно он взял номер телефона ее подруги Светы - на случай, если Мила потеряет свой или уронит его в воду - все бывает. А ей дал номер телефона Саши.

Отец Саши был солидным чиновником и купил сыну недорогую «мицубиси». Валентин позвонил, попросил привезти его в Одессу с молодой женой. На такое Саша не мог не откликнуться, то есть отъезд был эффектным, а в городе, в ресторане «Глечик» - возле Горсада, - они отметили все события сразу, но в основном пили за Милу. Она - а опять-таки как могло быть иначе - Саше очень понравилась. Домой к Валентину только забежали - время уже поджимало. Мама была на работе, а бабушка не очень Милой интересовалась. Будущее жилье Миле понравилось.

- Про-о-сторно!

- Знаю Вальку со второго класса, и никогда не видел его таким счастливым и глупым. Глупым в смысле счастливым, - сказал Саша.

В пять часов вечера они посадили ее в автобус, идущий в Мариуполь.

Валентин, конечно, был огорчен ее отъездом, а с другой стороны... был рад, что началось решительное превращение курортного романа в «счастливую жизнь до глубокой старости». Он верил, что все будет хорошо, и никакие предчувствия его не терзали.

Маме он ничего не рассказал, не хотел слушать комплект, который они с Милой предвидели. И вообще, он с ней мало делился. А отцу написал смс: «Не хочу учиться, хочу жениться».

Подробности по телефону». Отец сразу позвонил, Валентин дал отчет, сослался на бабу Валу, которая его выбор одобрила.

Утром Миле не звонил, не хотел будить: тринадцать часов в раздолбанном автобусе по раздолбанным дорогам – серьезная нагрузка.

Она позвонила в десять, сказала, что получила от мамы все, что они предполагали, и даже больше. Но голос у нее был бодрый, веселый. Он ждал, что услышит «соскучилась», но этого не было. Завтра в шесть утра она выезжает в Харьков за второй порцией нотаций от тети и постарается попасть в институт.

- А у нас тут по соседству в Донецке становится весело. Не слышал?

- Слышу, что тебе не скучно...

- Да уж какая там скука, одно на другое. Сегодня встречаюсь с подружками, мне положен девичник или нет? Завтра Харьков... Да, мама, иду! Ну, целую, пока.

Валентин почему-то помрачнел. Он-то успел соскучиться. Хотя девичник, значит, сказала, что выходит замуж, или как там это назвала. Но настроение все-таки испортилось, и даже выплыл в памяти «более солидный» Виктор, о котором он забыл начисто. Валентин тряхнул головой - экая чушь! Решил отвлечься от глупых мыслей и послушать, что там происходит в Донецке. Все лето, слава тебе господи, политикой не интересовался.

Он знал, что уже два года выстрелов на границе нет, и даже есть результаты переговоров в будапештском формате. Все, казалось, должно было закончиться мирно, но включив наконец телевизор, Валентин услышал, что на территориях Донецка и Луганска началось бурление. Что-то опять не поделили...

Хорошо, что Мила завтра на рассвете выезжает в Харьков... хоть там есть Виктор. Черт с ним, с Виктором!..

Вечером поговорить с Милой толком не удалось, Валентин попал на девичник, заглушали нетрезвые веселые голоса. Правда, услышал «скучаю»... Решил в Мариуполь больше не звонить, позвонит, когда она будет в Харькове. Уснул поздно, долго ворочался. Вот и предчувствия появились. А может, действительно проверить себя... Обоих...

Утром его разбудил звонок Саши. Было десять часов.

- Телевизор смотришь? Или планшет? На территориях, говорят, обострение, но мне кажется, это больше похоже на войну. И передают, начали обстреливать Мариуполь.

Он не дослушал, отключил Сашу и стал лихорадочно набирать номер Милы. Длинные сигналы, нет ответа. Звонить подруге? Саша сказал - начали обстреливать. Но ведь Мила должна была выехать в шесть утра, значит до обстрела. Может быть, едет в автобусе, не слышит звонка? Он бы почувствовал, если бы что-то случилось...

Валентин решил опять подождать, пока она не приедет в Харьков. До Харькова шесть часов езды. В час дня она уже должна быть дома. Он догадывался, что не хочет звонить подруге, потому что оттягивает момент истины. Нет, лучше бесконечный ужас, чем ужасный конец...

Включил телевизор. Да, обстрел был, вроде бы после шести. Точно не говорят. О жертвах тоже.

Наконец Валентин не выдержал и в одиннадцать часов позвонил в Мариуполь Свете. Услышал плач. Снаряд попал прямо в квартиру. Мама и Мила убиты, бабушка ранена, соседка... Он не дослушал, уронил трубку.

Бог или черт, или дьявол, или кто там есть - почему они не переносят, когда на этой долбаной земле кому-то становится слишком хорошо...

Святотатство

Саша вошел какой-то встрепанный, даже его поредевшие «непослушные» волосы торчали выше обычного.

- Привет.

- Привет.

Он сел за стол Ирины. Вскочил, подошел к столу Валентина. Посмотрел на него испытующе. Вернулся, снова сел в кресло Ирины. Даже для эксцентричного Саши это было слишком.

- Это называется - он не находил себе места.

- Найду, - Саша постарался взять себя в руки. - Кое-какие проблемы, у нас проблем хватает. Пьешь?

- Помаленьку.

- Нальешь и мне немного?

- Ты на редакционной?

- Так нальешь?

Валентин ему налил, себе немного добавил.

- Возьми орешков, - придвинул поближе вазочку. - Так что у тебя стряслось?

- Нужна информация, - Саша внимательно смотрел Валентину в глаза. - Ты сидишь на продажах. Может, слышал, что теща мэра купила этаж?

- Теща мэра? Нет, не слышал.

- Мне это очень важно. Вспомни, может, краем уха...

- Да говорю тебе. Не слышал. А в чем дело?

- Дело в том... - он допил коньяк, - ты сегодня утром, когда ехал на работу, ничего необычного не заметил?

- Да говори толком, оставь свои журналистские штучки.

- Хорошо! Толком так толком. Я сегодня был на Преображенской. На Некрасовский переулок завезли каток и оборудование. Будет евроремонт по высшему разряду. С цветами.

Глаза у Валентина стали стеклянными. Рот открылся. Он побледнел. На лбу мгновенно появились капли пота. Саша тоже не выглядел розовым.

- Я узнал, туда переезжает теща мэра. Поэтому праздник. Может, ты знал, может, подсознательно... зная это, указал на переулок? Подумай. - В голосе Саши прозвучала надежда, уж очень не хотелось оказаться в паранормальном мире. - Хорошо бы обойтись без мистики.

- Или психиатрии, - выдал из себя Валентин. - Но, Саша, ничего, даже намека.

Они безнадежно замолчали. Выпили - единственно разумное, что могли сделать.

- Тебя ждет Митя? - чтобы нарушить молчание, спросил Валентин. Митя был шофером редакционной машины.

- Нет, я приехал на автобусе, так быстрее. Хотел убедиться, что ты о теще не знал. И чтобы выпить; чуяло сердце, без этого не обойдется.

Саша взял инициативу - бутылку - в свои руки, разлил.

Пригубили, знали, что это еще не конец. Помолчали.

- Без Гольдберга не обойтись, - пробормотал Валентин.
- Гольдберг не поможет. Факт имеет место, ты предсказал два возможных...
- Три.

- Да, три возможных, но совершенно маловероятных события. И Гольдберг тут ни при чем, отменить факты он не сможет.

- А объяснить?
- Не больше, чем мы. Либо это совпадения, либо мистика. А Гольдберг не экстрасенс.
- Для совпадений многовато, - безнадежно сказал Валентин.

- Может быть, уверяю тебя, может быть. Я об этом думал. Все-таки исследования – мой конек. Вот плохой пример. Есть невезучие люди, с которыми так часто случаются неприятности, что никакая вероятность рядом не ночевала. На них кирпичи падают с чистого неба. Бывает? Всем известно, что такое бывает. .

- Допустим, - не очень весело согласился Валентин.

- А вот хороший пример. Это я еще раньше хотел рассказать, чтобы обнадежить. Хороший пример - это я. Со мной такое невероятное случилось, что тебе с твоими фокусами в духе Нострадамуса до этого далеко. Мне до зарезу нужно было найти... до зарезу... раскопать одно дело - потом расскажу - десятилетней давности. Я им раньше занимался, собрал кучу материала. И не я один - ничего не нашли. А тут нужно было что-то такое, до зарезу. И меня потянуло взять старую папку - страниц двести, а то и триста, - представь себе, открыл несколько страниц наугад. И углядел такое, такую мелочовку рассмотрел, какую не увидел никто до меня. И вместе со мной. Это всем совпадениям совпадение. Нашел то, что нужно. И я не считаю себя из-за этого прорицателем... Ты что?

Валентин молча смотрел на Сашу, тот не выглядел оптимистично. Теперь оба молчали и становились с каждой секундой мрачнее и подозрительнее. В них зашевелились воспоминания.

- Ты в кафе уже думал о своем деле?

- Да, и что?

- Я сказал, что хочу, чтобы твое желание исполнилось... примерно так.

- Ну и что? Уж не думаешь, что теперь любые твои пожелания будут сбываться, - Саша старался быть убедительным. - Это уже мания. Тут точно нет связи. Ты даже не знал, о чем речь.

- Да, наверно, - Валентин облегченно вздохнул, - нет связи. И потом я в таких случаях вижу... - он замолчал.

- Картинку? Что ты мог видеть, если не знал ничего? - Саша становился агрессивным, может, из-за внезапно возникшей тревоги. - Это уже точно мания величия.

- Да, ты прав. Я думал ,очередная девица.
- Ну вот, ничего подобного, никакая не девица.
- Да, помню, я сказал, что у тебя одно на уме.
- Почему?
- А ты, как тот солдат, всегда об этом думаешь.
- А все-таки почему?
- Кажется, и увидел девицу... Не всю, только грудь.

- Что? - закричал Саша, теперь он еще сильнее побледнел. - Грудь?

- Грудь.
- Сиськи... Сиськи-мисиськи...

Оставим их на полчаса, пусть они толково расскажут друг другу, что произошло, и попытаются хоть как-то это объяснить. Замечу только, что с пылу с жару Саша назвал имя и должность Чичигина, нарушив правила конспирации.

Через полчаса они пьяными не были, хотя выпили прилично под орешки, напряжение сказывалось лучше сытной закуски. Валентин впадал в прострацию, Саша собирался с мыслями, он сдаваться не привык.

- Гольдберг, - начал Валентин.

- Ах оставь. Гольдберг может только сказать, что мы два сумасшедших.

- Один точно.

- Нет, либо два, либо ни одного. - Саша явно обретал решительность. - Валя, мы должны пойти на крайние меры. Нужно или прервать цепь случайностей или убедиться, что никакая это не случайность.

- Не случайность, а что?

- Давай убедимся, что не случайность, потом будем переживать по мере поступления. - Саша был очень настойчивым. - Смотри, все, что ты задумывал, было почти невероятно, но возможно. Давай ты со всеми прибабасами - это обязательно, чтобы потом не пенять, - захочешь чего-то невозможного.

- Звезду с неба?

- Не такое глобальное. А то на землю упадет комета. Или еще один тунгусский метеорит.

Они засмеялись, Валентин не слишком весело. Зато Саша все больше утверждался в своей идее.

- Это очень важно, нужно решиться. Так больше продолжаться не может.

- Что ты имеешь в виду? - подозрительно спросил Валентин.

- Я имею в виду, - Саша заколебался, но продолжил, - ты должен очень захотеть, очень сильно захотеть то, что абсолютно невозможно.

Валентин начал догадываться, может быть потому, что совсем недавно вспоминал счастливое лето и страшный финал. И Саша почувствовал, что есть контакт, поэтому подтвердил:

- Да, именно так - очень хотел бы, но это совершенно невозможно.

- Саша, это святотатство.

- Святотатство? Это протест. У тебя есть причины восстать...

- Есть, конечно, есть. Ты имеешь в виду, чтобы Мила?

- Да.

--Во... вос... - Валентину давалось с трудом, - воскресла?

- Да. И это будет наш общий протест.

- Нет ничего, на что бы я не пошел... если бы такое было возможно. Но ведь это значит рвать душу. Больше ничего.

- Посмотрим. - Кажется, хмель все-таки проявлялся. - Посмотрим. А почему они там, - Саша указал наверх, - с тобой шутки шутят? У тебя есть право восстать и вывести... все и вся вывести на чистую воду.

- Нужно подумать, - Валентин не мог, не подумавши.

- Ты всегда не можешь, не подумавши. Сейчас или никогда!

Хмель все-таки был. Валентин поднял глаза кверху.

- Ты прав. У меня много причин для того, чтобы восстать. Сейчас или никогда. Я восстаю!
Будем шаманить.

Он шаманил искренне, внимательно и от всей - от всей! - души.

Саша сидел в кресле Ирины тише воды и ниже травы. Потом спросил:

- Видел?

Валентин молча кивнул.

- Милу?

- Да.

Они взяли такси - в таком состоянии ехать в общественном транспорте солидным людям неприлично. По дороге больше молчали, на душе у них было беспокойно. В принципе, это действительно святотатство. Спиритизм вызывает только духов, тени, а они... Конечно, ничего там наверху нет, оба были атеистами, но все-таки...

- Я себя чувствую Дон Жуаном, - сказал Валентин.

- В смысле легкомыслия и женщин? - удивился Саша.

- Нет, бросил вызов тайным силам.

- А, статуя командора. О, тяжело пожатье каменной его десницы! - Саша был начитанным и образованным.

- Мила когда-то сказала «не буды лыха», я не послушал, опять бужу...

Какое-то время опять ехали молча, потом Валентин спросил:

- Интересно, сколько нужно ждать, чтобы убедиться в том, - он внезапно вспыхнул, - что мы два идиота.

Саша демонстративно спокойно ответил:

- Думаю, недолго. У тебя все происходит быстро. Переулок - неделя. Мисиськи в тот же день. Правильно?

- Бочков максимум две. Собака сразу.

- Дадим месяц? - Саша взглянул на мрачного соседа. - Выдержишь?

- А есть выход? Может, получу предупреждение - заявки в нетрезвом виде не подавать!

- Наоборот. Что у трезвого на уме, то у пьяного... в заявке, - Саша определенно остался доволен своей находчивостью.

В машине их постепенно развезло. Валентина больше - он раньше начал и был менее опытным. Но и Саша был хорош. Его выгрузили первым. Валентин с трудом вышел из машины, расплатился с помощью таксиста, который открыл бумажник, взял деньги, отсчитал сдачу и сунул бумажник ему в карман.

Жены были недовольны, но у обоих была надежная отмазка - в таком сочетании им пить позволялось. Назавтра Валентин пришел на работу к обеду - хозяину можно.

Саша

Когда Саша шел по следу, для него не было ни выходных, ни праздников. Поэтому утром в субботу, на следующий день после событий, описанных в предыдущей главе, он сидел за компьютером и работал. Безусловно, приключения Валентина, в которые каким-то образом теперь уже включился и он, причем не только как слушатель, но и как соучастник, не могли не внести определенную смуту в его мысли. Но Саша романтиком не был и предпочел все-таки считать это совпадениями. Может быть, Валентин, у которого сейчас с нервами, а может даже с головой, не все благополучно, кое-что мог выдумать. То есть - как бы помягче сказать - вообразить то, чего не было. Ну скажем, что про палец он никому ничего не говорил, привиделось задним числом, когда ему показали наклейку. Хотя насчет переулка - он сам был живым свидетелем. И когда они разговаривали в кафе, Валентин почти наверняка не мог знать о теще. До вчерашней встречи с ним Саша специально проверял - распоряжения о ремонте переулка тогда еще в управление не поступало. А как Валентин мог знать о сиськах-мисиськах? Как минимум телепатия, в чем никто из них раньше замечен не был.

Запутавшись в этих если, Саша твердо решил переключиться на работу, а переключаться он умел. За эту неделю он много успел сделать. Тема получила условное название - «Бомба». Он договорился с редактором на определенную сумму расходов – под обещание доставить на блюде голову некоего большого человека. И только под это обещание редактор обнищавшей газеты взял ссуду в банке. Авторитет у Саши был. Да собственно, на нем - по существу - газета и держалась, без его жареных фактов «Одесский листок» давно не остался бы даже в воспоминаниях.

Чью голову он собирается принести, Саша не сказал, но - как обычно поступал в таких случаях - объяснил, что для здоровья редактора так будет полезней. И это была правда, Саша - не первый год замужем - прекрасно сознавал, что это дело опасное; может, даже самое опасное из всех его авантур, и ни с кем сведениями делиться не собирался. Для их же безопасности. Абсолютно ни с кем! Начальник городской полиции, даже уходящий на пенсию, имеет все возможные и невозможные рычаги воздействия, тайные и явные. Как только он узнает (а это неизбежно), что под него кто-то копает, Саша окажется в лучах прожекторов. Как на ладони. И все, кто с ним связан. Поэтому никаких связей ни с кем не должно быть. Правда, получилось так, что он Чичигина назвал Валентину, но это были экстремальные обстоятельства. И кое-что пришлось сказать хакеру, частично. А как иначе он смог бы работать?

В материалах Саши были сведения о том, что Чичигин взял в качестве наследства личные средства Мандарина (около десяти миллионов), но фирму не закрыл и контрольный пакет акций оставил за собой. Саша хакеру сообщил только название фирмы и попросил сведения об основных денежных потоках за последние 25-30 лет. Слабая предосторожность, хакер, конечно, встретится с фамилией Чичигин в числе прочих акционеров, но хотя бы будет отсрочка времени. И данные Биньямина Шиловского пришлось тоже сообщить хакеру - чтобы он попытался обнаружить его следы за границей. Следов обнаружить не удалось, зато спустя недолгое время, увы, засветился сам хакер.

Саша был настойчивым, когда нужно. Он часами сидел у компьютера, поднимал файлы Одноклассников, Фейсбук, спортивные сайты, сайты гражданских отделов полиции и прочая, и прочая. И в результате упорного труда нашел несколько фотографий Бени, самое главное - ту фотографию, которая использовалась для аватара. Теперь это может быть принято в качестве доказательства.

Я пока не назвал хакера, потому что не знаю, как это будет звучать в отношении Дины Зак. Хакерша? Да, это была женщина, и довольно молодая. Саша ввел афоризм: «Гэбисты бывшими, а компьютерщики старыми не бывают». Симпатичная брюнетка, сексуальная, хотя немножко худовата, простите, нет такого слова - немножко худошава. Среди мужчин распространено мнение, что полные женщины в сексе не активны и не азартны, а вот тощие, как правило, страстные. Дина это подтверждала. Она секс любила, знала в нем толк, и уговорить ее было не очень трудно. Когда-то Саша уговорил. Но они довольно быстро перешли только к профессиональным отношениям. Дина была прекрасным хакером, и Саша везде, где только мог, распространял слухи, что девушку с татуировкой дракона Стиг Ларсен писал с Дины Зак. Многие ему верили, хотя автор «Миллениума» умер до того, как Дина родилась, - настолько был велик ее авторитет. Для нее не было ничего невозможного.

В десять - хакер Дина, лицо свободной профессии, вставала поздно – он ей позвонил и попросил свидания.

- Ничего особенного, я могу по телефону...

- Никаких телефонов. Я просил.

Свидание было назначено через два часа. Можно было не торопиться. Саша спокойно позавтракал в кругу семьи. Потом, не слишком нажимая на газ, отправился к Дине, которая жила на улице Короленко. На углу переулка Некрасова и Преображенской он остановился - не бурное, но все-таки движение там происходило. В субботу! Трудовой энтузиазм! Он увидел знакомого прораба, вышел из машины и подошел к нему, поздоровался.

- Привет, Глеб.

- Привет, - тот хитро прищурился. - Так и знал, что ваш брат заинтересуется, с чего это мы станем наносить дорогую заплату на старую ветошь.

- Ты о бывшем центре? Старая ветошь?

- А ты посмотри вокруг.

- Смотрю. Да знаю я, Глеб, знаю про тещу. Это станет одесской традицией. Был Тещин мост, теперь переименовывают Некрасовский - да простит меня поэт - в Тещин переулок. И теща останется в веках, когда мэра уже давно забудут.

Саша без особых трудов узнал, в какие городские планы включены работы, на каких основаниях. Сумма даже его удивила. Ничего не записывал, привычно запоминал - при свидетелях Глеб ничего не расскажет, если появится записная книжка. Он и так оглядывался по сторонам.

- Опасаешься?

- А что? Могут турнуть запросто. Босс совсем отвязался, когда это следствие началось. Как двадцать лет назад. Так что никаких...

- Не волнуйся. Защищать источник информации - для нас святая святых.

Он попрощался, сел в машину, вынул записную книжку и записал разговор близко к тексту - такая была привычка, диктофоном пользовался только при открытых интервью. Просмотреть запись, найти нужное место в книжке - секунды, а прослушать с той же целью диктофон - морака.

«Смотри ты, - подумал он, - опять стали бояться говорить, и опять стали воровать. Во всяком случае злоупотреблять, хотя это одно и то же. Пожалуй, одно с другим связано. Можно, пока суд да дело, написать статью по этому поводу, на бомбу не тянет, а на гранату-лимонку пожалуй».

И решил после Дины переговорить с редактором.

Квартира Дины была во дворе, на первом этаже. Но дверь солидная, три ступеньки и крыльцо, видно, что жилец обеспеченный. Прихожая, гостиная, кухня, отличная ванная и... спальня - Саша когда-то побывал везде. Обстановка не дешевая, но... не слишком аккуратно и чисто. К сожалению, эмансипированные женщины часто этим грешат.

Дина его встретила в мужской рубашке, любимом летнем наряде, который задавал посетителям при смелых поворотах ее тела загадку - а есть ли что-нибудь из одежды под ним? «Как в кино, - ехидничал Саша. Она его поцеловала в губы. - Тоже, как в кино. Интересно, она всех так приветствует или для него делает исключение?» Саша в виде компромисса решил, что он входит в избранный круг.

Дина предложила кофе, принесла, и они рядом сели возле компьютера.

- Смотри, почти определенно потоки были в основном из нашего района. Из других поменьше, намного меньше. Откуда наши – буду уточнять, хотя вряд ли что-то толковое получится. Много переадресовок и пересадок. Но что интересно, поступления из наших районов резко сократились, а то, что шло извне, примерно осталось. Но так, крохи.

- Понятно, потом стало трудно воровать и нечего было отмывать.

- Погоди, самое интересное. Последние два года опять активность. Несколько миллионов.

- Ух ты! Это важно. Кажется, действительно начался рецидив. Из какого района?

- Этого я не знаю. Может, и из нашего. Из банков, которые связаны с Украиной и Россией.

- Дина, ты гений. Я бы посмотрел, нет ли у тебя татуировки дракона, но боюсь, что под рубашкой кроме дракона ничего нет.

- Что-то ты стал труслив. Мужики пошли... Ну ладно. Не перехвали, потому что твое Шило я найти так и не смогла. Вообще, это слабое место. По этому запросу меня можно найти. Я дала адрес для ответа. Фиктивный, но через него опытный хакер может добраться.

- У меня на этот счет есть идея. По моим прикидкам он где-то в двадцать втором до примерно двадцать пятого года появился в Тайване. Языков не знает. Вынужден писать, что русский. Я тебе дам фото, думаю, ты сможешь войти куда надо и посмотреть фотографии прибывших на Тайвань русских, начиная с двадцать второго до максимум двадцать девятого. В это время он уже был там.

- Это да, это идея. Где ж ты был раньше?

- Задним умом крепок. Да, Дина, еще раз напомню: я не шучу, дело серьезное. - Он хотел сказать «опасное», но тогда поднялась бы цена, обошелся «серьезным». - Никаких телефонов и ни с кем ни слова.

- Перестань пугать, а то запрошу больше, - ну и интуиция у этой Дины.

Они еще немного поговорили о работе. Потом Саша понял, что мысли Дины переключились с профессиональных интересов на другие.

- Так ты не хочешь поискать татуировку дракона? - хихикнула она.

Он встал и попросил разрешения позвонить редактору.

- Звони, - обиженно сказала Дина и вышла.

Суббота была в редакции самым выходным и разгрузочным днем. В четверг к ночи отпечатали газету, на рассвете развезли - все свободны. Редактор должен быть дома. Он дома был, но работать отказывался, выезжает к семье на дачу. Саша сказал, что есть граната, и пока

еще бомба не готова, он может сообразить статью, которая впечатление произведет. Шеф согласился принять.

Дина вернулась, Саша извинился, сказал, что редактор ждет, а он человек подневольный, однако у них все впереди. Она милостиво вышла его провожать.

Вышли на крыльцо. Дина его поцеловала в губы - она с ним всегда так прощалась, но сегодня на этом не остановилась.

- Что-то твой дружок совсем увял, - сказала она и подергала за то место, где был уснувший дружок. Это произвело эффект, потому что он стоял лицом к воротам, Дина почти спиной, а мимо по тротуару проходила Любина тетя. Она бросила взгляд во двор - и замерла. Саша испуганно закрыл глаза, когда он их открыл, тети уже не было. Исчезла. Но была, определенно была! И двор небольшой, все как на ладони. Ужас!

Вот теперь Саша перепугался отчаянно, это было пострашнее любой бомбы. И главное - за что! Ведь он чист, как ангел, отказался искать дракона, даже рисковал ссорой с хакером. Он хотел броситься за тетей, но почувствовал слабость в ногах - не добежит.

- Саша, что с тобой? Тебе нехорошо? Ты побледнел...

- Моя судьба висит на волоске, - ответил он и медленно побрел к машине.

Бежать оправдываться? Бесмысленно. Журналистский опыт его учил: известная фраза «нужно переживать неприятности по мере их поступления» - это результат многовекового опыта. Признаться он всегда успеет. Нужно ехать к боссу, а по совместительству дяде Любы. Дело есть дело.

Он постарался взять себя в руки. Хотя такой тревоги, скорее страха, давно, а может, никогда не испытывал. Ведь Люба... вполне возможно, что при входе в квартиру его будет ожидать чемодан с вещами. Вот они, случайности жизни!..

Редактор жил тоже в старом городе, недалеко от семейства Любы. Квартира была приличная, но не из богатых - хозяин не слишком популярной газеты имеет больше неприятностей, чем денег. А дача на 16-й станции Фонтана - сейчас большая ценность - досталась ему в наследство от отца, который получил ее в незапамятные времена, еще от советской власти.

Семен Львович, так звали босса, был из Любиной породы, высокий, крепкий, еще не располневший в свои шестьдесят, на вид решительный и энергичный. Он угостил Сашу чаем с булочкой, они сели напротив друг друга за обеденный стол. Разговор начал Саша по делу, без предисловий, он так был озабочен предстоящим объяснением с Любой, что придерживаться политеса просто сил не было.

Он вынул записную книжку и прочитал все, что выудил у прораба.

- Подарок теще даже не просто дорогая, а золотая заплата на старом городе. Я думаю так и назвать статью - «Золотая заплата». Название «Подарок теще» будет слишком прямолинейным.

Саша несколько слов сказал о будущей статье, и мысленно возвратился к своим проблемам, откуда полностью и не уходил, сунул записную книжку в сумку и собирался прощаться. Продолжения разговора он не ожидал - все, казалось, ясно. Но продолжение было.

Семен Львович на глазах стал терять свою решительность и энергичность.

- Погоди, Саша, идея, конечно, хорошая, и я знаю, что напишешь ты отлично. Это действительно граната. И мы тоже можем попасть в зону поражения, - он не слишком естественно засмеялся, ему было неловко. Саша эту остроту явно не оценил и удивленно смотрел на босса.

-Что вы хотите этим сказать?

- Своевременно ли это? Мэр сейчас не в том настроении, чтобы...

- Я не понял? Какое нам дело до его настроения? Семен Львович, вы боитесь? Что он нам может сделать. Закрыть? Посадить? Подать в суд за клевету? У нас сто процентов правды. И я знаю, как писать. Те времена прошли.

- Саша, зачем такие сложности - посадить, суд. Можно проще. Помещение мы арендуем у города, можно повысить аренду, можно внезапно - как в том переулке - внести дом в план реставрации и начать ремонт, то есть выгнать нас на улицу, можно прижать типографию, намекнув, что из-за нас. Или потребовать вернуть просроченную ссуду, а у меня квартира в залоге. Люба не разрешила закладывать вашу, - он, как и все, побаивался своей племянницы.

- А зачем тогда газета? Описывать природу и передавать мелкие сплетни? Семен Львович, давно ли вы стали таким предусмотрительным?

- Недавно, Саша. Мне все это напрямую сказали после твоей предыдущей статьи. Там ты только задел мэра...

- Да, кажется, времена меняются. Я все больше убеждаюсь: ничто не вечно под солнцем, как сказано в Екклесиасте.

- И ничто не вечно под луной, сказал Карамзин, - Семен Львович не уступал своему образованному младшему компаньону. - Давай так - в понедельник вернемся к этому разговору, у меня проблемы на даче, пол проваливается.

Саша подумал: «У меня под ногами, может быть, земля разверз... нется, развер... зется? Как будет правильно?»

Продолжать дискуссию не хотелось. Они попрощались, недовольные друг другом.

Саша сел в машину и медленно под звуки сигналов следующих за ним машин поехал домой. Торопиться стимула не было, он готовился к худшему. Сегодня Люба вроде никуда не собиралась выходить, поэтому тетя Вера скорей всего уже доложила.

Сигналы машин ему надоели, и он припарковался на свободном участке, увидев невдалеке скамеечку. Сел, скамейка была на солнцепеке, жарко. Дурацкая привычка ходить в жару без шапки; пора признаться, что лысеет.

Он старался не думать о грядущей встрече. А вообще-то интересно, сегодня день истины - стало очевидно, что времена меняются. «Как писал Шолохов, – подумал начитанный Саша, - «старое начиналось сызнова». Может, для классика не совсем грамотно, но звучит.

И что теперь делать? Опять начинать сажать? Вот и в Румынии снова сажают. Почему у нас нужна регулярная прополка, чтобы сорняки не прорастали, а на Западе, в Европе обходятся без этого? Может потому, что там есть постоянный пестицид - мораль и уважение к закону. У нас воровать боятся, а там стыдятся - большая, принципиальная разница. Так они с детства воспитаны. Там вор нерукопожатен, а у нас запросто. Деньги вызывают уважение независимо от способа их приобретения. Интересная статья могла бы получиться, и не абстрактная, а вполне конкретная под названием «Золотая заплатка». Говорят - имейте уважение к должности мэра. Или президента. А как отделить должность от человека?

Ну все, решительно поднялся Саша, сколько можно тянуть - и вспомнил свою любимую поговорку насчет ужасного конца и бесконечного ужаса. Сел в машину и направился к дому - но слаб человек - все-таки в сопровождении недовольных сигналов. Свободное место для парковки возле дома найти было непросто, и разыскивая его глазами, он увидел стоящую у ворот тетю

Веру. Что за черт?! Может, она от имени Любы хочет дать ему «от ворот поворот» - в конкретном, а не фигуральном смысле этого выражения. Вряд ли. На тетю Веру не похоже. Он поставил машину, вышел, поплелся к воротам. Тетя Вера решительно – это было заметно - двинулась ему навстречу. Подошла вплотную и, почему-то понизив голос, сказала, глядя на него сверху вниз:

- Саша, что я хочу сказать. В жизни всяко бывает, я понимаю. Но я тебя жду, чтобы ты не вздумал рассказать Любе. Выгонит, она из их упертой породы, - она имела в виду свою маму и бабушку. - Выгонит, как они выгнали, и будет одна куковать. Потому и жду.

Тетя Вера! Она ждала, наверно, два часа.

И поцеловала его в лоб, ей сверху было удобно.

Саша почувствовал неимоверное облегчение. И благодарность. И дал себе зарок...

Но где-то там, на заднем дворе сознания промелькнула мысль: а может, жаль, что так и не выяснил, из какой породы Люба и как она к нему относится. Мысль появилась и... растаяла. Правильно сказал Валентин - не буды лыха, покы тыхо. Еще будет у них в жизни возможность проверить на излом свою природу и свои чувства, жизнь сложная штука, и без серьезных испытаний ее не пройдешь. Торопить не нужно.

Валентин

Валентин, в отличие от Саши, был не только реалистом, но реалистом консервативным, что означает здравомыслие в квадрате. И тем не менее к данной ситуации он отнесся иначе, не махнул рукой на «чудеса», не занялся текущими делами, а все больше и больше втягивался в тревожное состояние. А тревога - он где-то вычитал - является самым убедительным свидетельством нервных или, еще того хуже, психических проблем. Он даже начал подозревать в себе раздвоение личности. Одна личность, консервативный реалист, не сомневалась, что шаманство полная чушь, что произошедшее имеет совершенно реалистическое, в крайнем - и самом неприятном - случае психологическое основание. Но его другая личность, подвергающаяся насмешкам и даже издевательствам со стороны первой, почему-то вглядывалась во встречных, вздрагивала от стука в дверь, дергалась, если кто-то сзади потрогал его за плечо. Эта вторая личность то ли ждала, то ли опасалась, что действительно может произойти «Явление Милы народу», чем не только возмущала, но больше того, пугала здравомыслящую первую. Валентин бы хотел пойти к Гольдбергу, но рассказать ему всю ту ахиною, которая творится у него в мозгах. не решался. А кстати, Гольдберг далеко не всегда считает своим долгом хранить врачебную тайну, во всяком случае их компанию он время от времени веселит рассказами о приключениях своих клиентов. Нет, нужно подождать хотя бы этот месяц, который они выделили на Милу, а потом... потом ему все-таки придется что-то решать.

А пока все силы уходили на то, чтобы никто не заметил его состояния. Это было непросто, стараясь унять тревогу, он невольно становился немного заторможенным, не всегда реагировал должным образом - то слишком быстро, то слишком медленно. Он все время контролировал себя, а такое не могло пройти безнаказанно: если давление не сбрасывается, то рано или поздно происходит взрыв. И примерно это однажды произошло - в разговоре с рабочими, которые очередной раз собирались побить Гришу, он сорвался. Валентин с ужасом и удивлением услышал, что он говорит и каким противным, неизвестно откуда взявшимся голосом. Он схватил

постоянного смутьяна, здоровяка Квасюка за предплечья, приподнял, стиснул так, что остались следы пальцев, и отшвырнул его метра на три. Тот еле устоял на ногах. Авторитет Валентина у рабочих вырос, а Гриша посмотрел на него с ужасом. После, уже придя в себя, он анализировал: действительно ли так силен, или - где-то вычитал – необыкновенная нечеловеческая сила появляется у тех, у кого снесло крышу. Похоже, что в этот момент снесло.

Дома, с Ниной он старался быть особенно терпимым и предупредительным, потому что физически ощущал свою вину перед ней. Мало того, что он не может забыть свою первую, а скорей всего единственную любовь, так теперь он еще «нашаманил», чтобы она вернулась. И его слова, сказанные Саше: «Нет ничего, на что бы я не пошел... если бы такое было возможно», конечно же, были правдой, но с другой стороны – предательством по отношению к доверчивой любящей жене.

Но, что удивительно, Нина не замечала того, что с ним творится, и происходило это, понимал Валентин, не от безразличия или невнимательности. Она по своей природе предпочитала видеть во всем и во всех в первую очередь хорошее, а во-вторых, увы, и раньше у него были перепады настроения и отношения к ней, и внешне они выражались куда определеннее. А сейчас он старался компенсировать свое, как мы говорили, предательство заботой и терпением, и ей этого хватало.

Когда Валентин был с Милой - имеется в виду его дочь, - то напряжение его оставляло, и он понимал, почему ангелов рисуют детьми. Он старался теперь проводить с ней как можно больше времени, и Нину это радовало больше, чем если бы он уделял это время ей.

А мудрая Регина Сергеевна смотрела на него исподтишка испытующе и однажды вроде бы шутливо спросила:

- Ты что? Влюбился? Смотри, отравлю.

И Валентин не поручился бы, что это шутка.

Прошла неделя, явление Милы не произошло, а напряжение, владевшее Валентином, увеличивалось по экспоненте - откуда-то к нему попало это слово, вероятно вычитал. Вести себя нормально становилось все труднее. Вторая личность в нем почему-то решила, что явление - если оно состоится - произойдет через две недели после «шаманства», то есть в следующую пятницу. Еще семь дней... Даже Нина сказала однажды утром:

- Какой-то помятый ты сегодня.

Но когда Валентин еще по разу поцеловал ее глаза, вернула свои благодушные и улыбку.

В воскресенье ему удалось немного «облегчить душу» - был день рождения Паши, из их компании, я о нем, если не ошибаюсь, упоминал. Как обычно в ресторане, теперь мало было желающих дома готовить, ухаживать за гостями, мыть посуду и убирать квартиру.

Валентин «облегчил душу», пожалуй, сверх нормы, это расширило сосуды и сбрасывало напряжение. С Сашей они почти не говорили, какая-то взаимная неловкость все-таки ощущалась - вызывать умерших выглядело как минимум странно. Только перебросились напоминанием: никому ни слова.

И началась новая рабочая неделя. Девочки, само собой, заметили, что босс выглядит все более мрачным, но задавать вопросы не решались. Они посчитали это результатом семейных неурядиц. Ирина пыталась как-то спросить:

- Валя, я же вижу, что-то у тебя завелось...

Он как можно естественней улыбнулся, сослался на проблемы у Гриши. Ирина удовлетворилась таким объяснением, тем более что у нее тоже настала черная полоса и она нуждалась в слушателе. А Валентин изо всех сил старался этого слушателя изображать.

Однолюб и ревнивец Денис ее допек. У них в семье наступил кризис. В понедельник, наверно после воскресных баталий, Ирина пришла непричесанная, такое даже вообразить было трудно. Она привычно налила в кофе Валентину две ложки коньяку, а себе из бутылки долила до верха чашки.

- Нет моего терпения. Пусть найдет себе однолюбку. Поцелуй, ревность, вопросы, объяснения. Я жду не дождусь, когда уйду на работу. И сюда теперь звонит несколько раз в день.

- Значит, любит, - изобразил интерес Валентин. Хотя изобразил не совсем верно, он ей сочувствовал от души, просто своих проблем хватало.

- Проверяет! Я этому чертову Дионису не бычьи рога, как в мифах, а настоящие, ветвистые роскошные повешу, он меня доведет.

Валентин очень удачно вставил:

- Я всегда к твоим услугам, - видно, что человек слушает и равнодушный.

Ирина даже не улыбнулась. Довели женщину.

На работе между тем дела шли неплохо, даже хорошо. Даже отлично. Косяком пошла летняя сдача квартир, на такое и не рассчитывали. И продажи неплохо. Николаич сдал дом, а Гриша закончил в нем три квартиры Валентина на продажу, в одной - современной - на стене спальни просматривался барельеф Венеры Милосской.

- Мягко так, легким абрисом.

Валентин не совсем понял, что это значит.

- Чтобы пыль не собиралась.

- А-а...

И какой-то чудаков уже готов был ее купить за неожиданную цену.

А Николаич действительно предложил партнерство. Валентин, насколько удавалось, избегал разговора, так как в эти дни сомневался в своем «здоровом уме и трезвой памяти», но пришлось все-таки согласиться на приглашение в ресторан.

Николаич был среднего роста, средней упитанности, крепкий, накачанный. Утром ходил быстрым шагом вдоль моря 10 километров, словом – держал себя в форме. Не так давно развелся и собирался жениться на молодой. Говорил, что ему пятьдесят восемь лет, правда говорил это третий год подряд. Строительным бизнесменом стал не сразу. Сначала - в молодости - он немного побыл рэкетиром, потом немного посидел в местах отдаленных, там стал читать книги, образовался. После выхода в рэкетир не вернулся, пошел в строительный бизнес. Но мужик в принципе не злой и довольно-таки обязательный, в отличие от многих собратьев по профессии, у которых два похожих принципа: не подмажешь - не поедешь и не обманешь - не поедешь.

Валентин старался держаться спокойно, не расслабляться, по возможности не слишком расширять сосуды. И в общем, вел себя достойно. А Николаич поведал ему самую большую их общую будущую проблему.

- Понимаешь, некому работать. Не хотят. В свое время те, кто хотел работать, уехали за границу, почти полстраны. Ну, третья часть. Остались те, кто работать не хочет. Хочет перебиваться.

- Или не может.

- Я об этих не говорю. Я о тех, кто не хочет. К такому легко привыкнуть, а отвыкнуть сложно. Вот смотри. В Америке черные и всякие другие не белые от вэлфера - пособия - тяжело отвыкают. И мусульмане, прорвавшиеся в Европу. Так теперь и наши. Разложить народ нетрудно, а восстановить - проблема. Националисты приняли и имплементировали закон, запрещающий привозить иностранных рабочих, это правильно. А своих нет, назад мало возвращаются. Мы Польшу подняли...

- Да, мой отец в Польше.

- А кто нас подымет?

Валентин обещал подумать и на следующей неделе дать ответ. Разумеется, не о том, кто нас с Украиной подымет, а войдет ли он компаньоном в фирму Николаича. Кажется, поторопился.

Николаич пригласил его с сотрудниками в пятницу на корпоратив (он любил красивые слова: имплементация, корпоратив, вэлфер) по случаю сдачи дома. Валентин с благодарностью приглашение принял. Очень кстати в пятницу, по мнению его второй личности в день возможного появления Милы, он постарается добиться такого состояния, так расширить сосуды, чтобы сам черт ему был не страшен.

В ночь с четверга на пятницу Валентин спал очень плохо, несколько раз просыпался. Он старался не дергаться, не ворочаться, чтобы не беспокоить Нину, и это тоже напрягало.

«Это же нужно, - думал он, - довести себя до такого безобразия. Нет, надо принимать меры. И не только в порядке самодеятельности. Странно, я всегда собой владел, как удалось дойти до жизни такой?»

Он начинал понимать, что не напрасно врачи говорят, что при серьезных нервных и психических расстройствах (а кажется, они у него достаточно серьезны) одними самоговорами не поможешь.

Нелегкая ночь даром не прошла, и Нина утром немного встревоженно спросила:

- Плохо спал?

И Валентин почувствовал, что крышку над котлом снова может сорвать, слишком много нервной энергии накопилось.

- Хороша жена, - голос как в скандале с рабочими стал незнакомым и неприятным, - муж уже почти месяц места себе не находит, а ты беззаботна и шаловлива. Не только в радости, но и в горести жена должна...

- В горе? - Нина перепугалась, на глазах появились слезы. - Валечка, какое горе, что случилось? Горе?

Валентин спохватился, взял себя в руки. Почти.

- Нет, это я фигурально. Таки плохо спал, получил предложение от Николаича, соображал. Дело серьезное. Успокойся, все хорошо, - потом поправился: - Все будет хорошо.

- Валя, не шути так, у меня чуть сердце не оборвалось.

Он ее поцеловал, постарался, чтоб это было нежно. И Нина вернулась в привычное состояние. С улыбкой готовила завтрак, мыла посуду, подтерла в кухне и возле стола, собирала Милу, писала инструкцию Регине Сергеевне и напевала:

- Я беззаботна и шаловлива, меня ребенком все зовут.

И Валентин снова виновато подумал, что с женой ему повезло. Допустим, другая бы на ее месте поняла, почувствовала, что с ним неладно. Стала бы выяснять, в чем дело, попытаться, он бы отбивался. Было бы легче? И тоже пришла бы к подозрению, как Регина Сергеевна - шерше ля фам.

А может, он тогда поделился бы, разделил на двоих? Ан нет, о Миле все равно бы не рассказал. И все-таки нехорошо, когда человек в горести остается один...

Но пример Нины, быстро вернувшей себе хорошее настроение, благотворно на него подействовал. Он даже попытался улыбнуться.

Вышли они, как обычно, вместе, всей семьей, дошли до переулка Некрасова. Там разошлись: Валентин пошел прямо по Гоголя на автобус, они по переулку к Преображенской. Работа в переулке кипела, и это вернуло Валентина в исходное состояние. Он с привычной тревогой стал вглядываться в лица встречаемых молодых блондинок с хорошей фигурой, и обида на бесчувственность жены снова победила. Единственное, что его утешало, - все-таки этот день даже его больная вторая личность считала последним, и если сегодня ничего не произойдет, то станет намного легче. Тогда он с собой справится, может быть с помощью Гольдберга.

Как бывает в таких случаях, день тянулся бесконечно, и Валентин с огорчением понял, что ему хочется не просто выпить, а напиться. Опасная тенденция. Благо в этот день было много хлопот с Гришиными квартирами, появились клиенты, это отвлекало... на какое-то время. Но к концу рабочего дня в конторе он опять почувствовал, как в висках пульсирует кровь, и...

- Мальчики кровавые в глазах, - услышал он свой голос.

- Что? - оторвалась от телефона Ирина.

- Нет, ничего, это Пушкин. Не обращай внимания.

Ирина раздраженно продолжала говорить по телефону.

- Денис, я тебе объясняла, что пригласили не семьи, а сотрудников. Да, мы сотрудники в строительном бизнесе. Нет, ты не можешь прийти на банкет. - Она отнесла телефон от уха и прикрыла его рукой. - Убью, сил моих нет, убью! - последнее предложение предназначалось для Валентина.

Тот принял меры - взял из шкафа бутылку, две чашечки, налил в них коньяк, нашел вазочки с орешками и поставил на стол.

- Госпожа Иванова, входите. Я уже свободна, - громко сказала Ирина, и в трубку: - Все, ко мне пришли.

Из трубки еще что-то доносилось, но она так нажала на стоп, что пальцы побелели.

До начала банкета под названием корпоратив было полчаса. Они молча тянули коньяк, потом еще по рюмке добавили. Пару раз звонил телефон Ирины, она не реагировала. Когда вместе с девочками - сегодня были все три, включая Надю, - вышли из офиса, у них лица немного посветлели.

Празднование состоялось в салоне нового дома, двадцатипятиэтажки. Николаич не был большим демократом, и рабочих на корпоратив не пригласил. Пришли белые воротнички его фирмы и те гости, от которых он зависел. Человек сорок, а то и пятьдесят было. Столы вполне приличны - Николаич не мелочился. А для тех, кому не хватало, работал бар, где можно было купить дополнительно выпивку и закуску. Все выглядело современно и вполне пристойно.

У «ЖК Валентин» был отдельный столик, там стояла бутылка вина и соответствующая закуска. Валентин взял в баре большую бутылку армянского пять звездочек. «Девочки» пили вино, они с Ириной небольшими порциями - на дне стакана, интеллигентно - коньяк. Хмель не наступал, коньяк в бутылке практически не уменьшался, веселья за столом не получалось. «Девочки» вскоре ушли - у них были мужья и дети, начальство невесело сидело за столом, изредка перебрасываясь репликами. Торопиться домой смысла не было.

- Ира, - предложил Валентин, - хочешь я тебе покажу Гришину квартиру с Венерой Милосской? Ту, которую продаю?

Она кивнула в знак согласия. Валентин взял бутылку - Ирина подозрительно на него посмотрела, но ничего не сказала - в карманы орешки, конфеты. Они на лифте поднялись на верхний этаж. Валентин сегодня эту квартиру показывал покупателю, и ключ оставался у него - современная карточка, много места не занимала. Поднимаясь, они почувствовали - коньяк из бутылки не испарился...

Вошли, Валентин включил полный свет. Отправились на балкон - прекрасный вид на море. Салон отменный. Кухня - люкс, посуда на любой случай - под ключ! Взяли по стакану, немножко налили, в такой обстановке чокаться было пошло, сказали «Прозит».

- А где Венера?

- В спальне.

В спальне Валентин показал Венеру.

- Легкий абрис, точно не знаю, что это означает...

Кровать была огромная.

- Шкафы, вот простыни, полотенца.

Их бросило друг к другу. Как в кино - дрожащими пальцами расстегивали пуговицы, срывали один с другого одежду.

Это было похоже на грозу с ливнями, бурей, громами, молниями, могучими порывами ветра после томительных дней неподвижной жары, духоты, пыльного зноя.

Они не могли сказать, сколько эта гроза продолжалась - минуты, может, часы, скорее второе, потому что Ирина, когда отгремел последний раскат грома, с трудом проговорила уже знакомую нам фразу:

- Я как выжатый лимон.

- Один раз в три года можно, - Валентин был не намного бодрее.

Спустя еще какое-то время продолжили разговор.

- Валя, это нужно прекращать. Я на других мужчин даже смотреть не смогу...

- Один раз в три года можно.

Еще немного позже:

- Конечно, это нехорошо, а с другой стороны... Я теперь ему прощу намного больше. Буду понимать, что у него есть право, а у меня... - и неожиданно она засмеялась.

- Ты что?

- Представила себе его с ветвистыми рогами. Король-олень. Знаешь, а с оленьими он симпатичней, чем с бычьими.

- А я понял, что жизнь хороша, если не заниматься всякой херомантией - через букву «е». Удивляюсь, как этот вздор мог попасть в мою голову. Все, Ируся, все хорошо. Прекрасно!

- Раз в три года... - задумчиво проговорила она. Он так и не понял, это был вопрос или утверждение.

В субботу на работу Ирина не вышла, взяла отгул. Валентину не прийти было неудобно, он к обеду появился.

В выходные дни в семье Ирины царили мир, покой и благодать. А Валентин только удивленно пожимал плечами, вспоминая, какой чепухой занимался всерьез в последнее время. Человек разумный, в двадцать первом веке! Бывает же такое необъяснимое наваждение!

Вот и разберись в этой жизни, что такое хорошо и что такое плохо.

Саша

Саша упорно и целеустремленно продолжал идти по следу. Интересы и беспокойства с каждым днем становилось все больше, Вольтер был бы доволен. А интуиция опытного журналиста-расследователя говорила ему, что и до судорог дело дойдет; люди, с которыми он начал борьбу, отнюдь не травоядные, это хищники. Почему я говорю «люди», ведь речь шла только о Чичигине? Потому что след не только становился отчетливей, но и раздваивался. Последние сведения, которые сообщила великолепная Дина Зак, еще не доказывали появления второго хищника, но пищу для подозрений давали - я имею в виду неожиданный поток солидных сумм в этот банк последние два года.

Может быть, и сам Чичигин перед уходом на покой решил на последнюю авантюру - откусить еще один солидный кусок. Может быть и такое, но интуиция - опять-таки интуиция - в этом сомневалась. Психологический портрет Чичигина в настоящее время, по мнению Саши, выглядел примерно так: всем довольный, немного усталый шестидесятилетний человек не похож на искателя приключений и авантюр. Деньги Мандарина он практически сохранил, вложил в недвижимость, иностранными языками не владеет, за границу не поедет... Зачем ему эти хлопоты?

Саша решил не основываться только на интуиции, а обложить его по всем правилам. Он использовал все свои связи. Люди, которые могли знать о возможностях Чичигина или догадываться о них, или пользовались сплетнями и слухами, однозначно утверждали - сейчас доступа к черному налу у Чичигина нет. Косвенно это подтверждала по своим каналам и Дина. Почему косвенно? Была у нее особенность: за границей, скажем в далеком Тайване, она могла действовать решительно. Взломать любую защиту, замести следы - кто там ее разыщет? А на своей территории была очень осторожна, пользовалась в основном открытыми, точнее незакрытыми источниками; здесь ее знали, знали ее почерк, и последние годы законы были достаточно суровы. Саша слышал краем уха, что неприятности у нее уже были.

Дина действительно талант. Она не последовала совету Саши и проверила, а не был ли Биньямин на Тайване до эмиграции. И оказалось, что он «гостил» там в 2012 году, жил в одном доме с Сисигиным, и именно тогда никому не известный до тех пор даже в Тайване Мандарин открыл свою фирму. А после возвращения Шиловский купил большую квартиру в элитном доме за 210 тысяч долларов, и получил должность в патрульной службе. Это было серьезным, хоть и косвенным доказательством того, что вся история с наследством была подготовлена заранее. Если бы не внезапная активность последние два года, то можно было бы считать, что дело

приближается к концу. Но деньги сейчас отмываются очень большие, и риск тоже серьезный. Чьи это деньги, узнать практически невозможно. Возможно - только возможно, что отсюда, Дина предположила это потому, что они шли из банков, которые имеют связи с Украиной и Россией. Шаткое основание. Но вдруг?

В таком случае, рассуждал Саша, кому-то срочно понадобился большой куш. Вряд ли - вспомните психологический портрет - Чичигин сам решил рисковать, а значит кто-то его использует, значит главный человек в одесской полиции кому-то не может отказать. Наиболее вероятна причина такой покладистости: Чичигин этого гипотетического человека боится. И уж если он боится, то это не просто хищник, это монстр. Бр-р-р, не очень успокаивающие умозаключения. Пока, к счастью, только предположения.

Возникла в этом расследовании еще одна серьезная проблема – нехватка денег. Дина работала почти бесплатно. Не новичок, она давно поняла, что они обкладывают Чичигина, а значит дело в лучшем случае не безопасное, а в худшем - тяжело себе представить, что будет в худшем. С откровенностью, ей свойственной, она однажды спросила, на чем и на чьем он хочет въехать в рай.

Саша пытался добыть деньги, но босс, он же компаньон, отказал.

- Саша, ты мой компаньон, и наш долг, как огромное небо, должно быть одно на двоих. Заложи свою квартиру, моя уже заложена.

- Семен Львович, вы знакомы с моей женой? Это ваша племянница...

Оба вздохнули.

Но тут повезло. Тем, кто верит, всегда везет, а Саша верил в удачу.

Оказалось, что Дина Зак проявляет бескорыстность не случайно. Несколько лет тому назад Чичигин, считая себя еще не старым, открыл дело против Дины за взлом какой-то безделицы (кстати, тоже банковского счета). Формально грозил срок, хотя тогда этим пользовались только при большом желании начальства, обычно от суда откупались. На сей раз кроме денег - а Дина «тогда была моложе, и лучше, кажется, была» - начальник полиции, ходили слухи, поставил еще одно условие. Чем дело кончилось, Саша не знал, но Дина неожиданно сказала, что будет работать «за те жалкие гроши» - цитата, - которые он ей платит. Саша обрадованно согласился и в подробности вникать не стал.

Но деньги были нужны. Даже такая мелочь: никто с ним не стал бы разговаривать о жизни, о политике и - как бы случайно - о связях Чичигина не в кафе или как минимум в баре за рюмкой или кружкой. Платить за информацию журналист не мог, но пригласить выпить и закусить дело святое. Саша подрывал ради дела не только свое здоровье, но и финансовое благополучие.

Он уже лично, под честное слово должен был сумму, которую выплатить не мог. А его слово было золотым запасом, его слову верили...

Нужно скорее заканчивать дело, для этого нужны были юристы, а это (известно всем) дорогого стоит, в прямом и переносном смысле. В конце концов, факт участия Чичигина практически доказан, можно с юристами оформить дело, и пусть он сам выпутывается из последних двух лет. Так будет безопасней. Вряд ли открыто обвиненный рискнет на насилие - понятно будет всем, кому это выгодно.

Саша какое-то время еще считал, что паниковать нет нужды, нужно попытаться выяснить, кто второй и есть ли этот второй. Но после одного случая и он засомневался. Хотя, может быть, это тоже совпадение, которые последнее время случались на каждом шагу.

Однажды, уже темнело, он стоял на остановке и ждал автобуса. Кроме него было две женщины, потом подошла третья, сразу за ней молодой парень, из тех, кого называют спортивного типа, то есть помесь спортсмена с хулиганом. Женщина стала недалеко от Саши, молодая и, даже в сумерках видно, разбитная. Парень, проходя, ее задел.

- Смотри, куда идешь.

- Тоже мне цаца.

- Всякий алкаш мне будет...

В ответ пошел мат.

Саша в группе был один мужчина, к тому же бывший боксер и уже не в наилегчайшем, с утра в первом полусреднем, а к ужину даже в полусреднем весе. Он промолчать не мог, встал между дамой и парнем, который не выглядел пьяным, но запах алкоголя определенно был.

- Выбирай слова, если не хочешь...

Закончить фразу он не успел, у его горла появился нож, кончик даже, кажется, проткнул кожу, кольнуло выше кадыка.

- Если ты будешь совать нос в дела, которые тебя не касаются, то останешься без носа и без яиц. Не лезь, куда тебя не просят. Сейчас у меня нет времени, но если еще раз влезешь - пеняй на себя.

Мимо проезжало такси с зеленым огоньком. Он свистнул, выскочил на дорогу, спросил что-то у водителя, сел рядом с ним, и они уехали. Саша даже отреагировать не успел. Потрогал горло - немножко крови было. Женщины заохали, столпились около него, одна предложила салфетку.

- Ужас, какой ужас.

- До чего дошло, ничего не боятся...

Подошел автобус. Саша и одна женщина, не та, которую толкнул парень, сели в автобус.

«Не суй нос», но ведь он действительно вмешался в спор, который его не касался. Конечно, совпадение, начальник полиции на такой дешевый номер бы не пошел. Но неприятно. А впрочем, кто его знает...

Словом, деньги нужно доставать и закругляться. Но где они водятся?

Никаким достойным и приличным способом Саша такую сумму достать не мог. Как ни ломал голову, вариант был только один, и состоял он из двух этапов - сначала шантаж, а потом предательство и вероломство. Вот такой джентльменский набор. Теперь, думаю, понятно, почему он оттягивал этот момент, надеясь, что как-нибудь рассосется.

Не рассосалось. И на следующее утро после совпадения на автобусной остановке - он так и не решил, брать слово совпадение в кавычки или не брать - он сидел в кабинете босса и компаньона.

- Ну давай, давай, - сказал Семен Львович со свойственной ему решительностью и энергичностью после нескольких вежливых слов на общую тему, - говори, зачем пришел. Я же вижу, что ты вертишься... как уж на сковородке.

- Хорошо, - решительно начал Саша, - скажу. Без денег я больше продолжать дело не могу.

- Брось.

- И бросить не могу. Да и вы без бомбы разоритесь.

- Допустим. Но ты знаешь, денег действительно нет. Влезать в еще большие долги я не буду.

И что ты предлагаешь? Да не вертись, говори.

- Хорошо. Положение безвыходное и... для меня даже опасное. И учитывая вашу перемену позиции, я не уверен, что вы решитесь бомбу напечатать.

- Опасное положение? Так высоко ты метишь? - Семен Львович стал терять на глазах решительность и энергичность.

- Я рассказать не могу. Но риск есть.

- И какой другой вариант?

- Хорошо. Другой. Вы знаете, что новый редактор «Вечерки»...

- Хм, такой же авантюрист, как ты...

- Да, приглашает меня на работу. Я могу дать согласие и продать ему бомбу. Уф! - он с облегчением вытер пот со лба. Высказался.

- Но без тебя я точно прогорю.

- За это не расстреливают. А я помогу вам вернуть деньги за залог на квартиру...

Они еще долго ходили по замкнутому кругу. В конце Саша стал терять терпение.

- Семен Львович, или вы влезаете в еще больший долг и авантюру, или становитесь безработным. Мне нужны юристы, больше я ждать не могу.

- Юристы! - луч света блеснул для босса и редактора. - Значит, дело идет к концу?

- Да, думаю, недели через две. Если юристы закончат работу, тогда публиковать будет можно. Будет защита от обвинения в клевете.

Вы уже поняли, что решительность и энергичность была скорее манерой, чем сутью Семена Львовича. На третий день он согласился продолжать свое участие в деле, еще через два влез в новые долги, и Саша смог загрузить работой и деньгами адвоката Леонида Спасова, профессиональности и честности которого он доверял.

Конечно, вариант с «Вечеркой» был бы менее ответственным, сейчас шанс пустить «Одесский листок» на дно все равно оставался, но тогда в газете с властным редактором Саша был бы подчиненным, а независимостью и свободой он дорожил больше всего.

Словом, все что ни делается, решил он, делается к лучшему.

Прошло тем временем больше недели после их встречи с Валентином на именинах Паши. Саша был так увлечен делами, что почти забыл о загадочных проблемах друга. Он помнил, каким невеселым и напряженным был Валентин на тех именинах, хоть изо всех сил старался казаться спокойным и нормальным. Он мог обмануть доверчивую жену, но не того, кто знал его со второго класса. Глаза Валентина, казалось, говорили: «За что мне все это? За что?» - и становились еще больше похожи на еврейские.

Саша понимал, что «Явление Милы» не произошло, иначе бы Валентин ему позвонил. Да и как этот бред мог осуществиться? Они вообще не перезванивались, и это, конечно, черствость с его стороны, поэтому в воскресенье, перед очередными именинами, на этот раз Николая, Саша все-таки позвонил. Голос Валентина показался спокойным и даже веселым. Договорились встретиться у входа в ресторан. Может, он уже выбросил эти химеры из головы, справился с собой? Хорошо бы.

Встретились. Валентин был не просто спокойным и веселым, а даже жизнерадостным. В ресторане накрыли длинный стол, как обычно человек на двадцать. Они немного запоздали, четырех свободных стульев, чтобы сесть рядом, не было, и официант усадил их напротив.

Причем, как часто бывало, пытался усадить Любу с Валентином, считая их парой. Саша не мог упустить такой случай, и усаживаясь с Любой напротив, перегнулся через стол и сказал:

- Сколько мы можем путать общественность? Давай хоть на неделю пойдем обществу навстречу и устроим ченж. Обмен.

- Я тебе покажу ченж, - сказала Люба и легким движением руки усадила его на стул.

Говорить через стол было трудно, секретничать невозможно, и после нескольких тостов они с разрешения жен вышли поболтать.

Валентин определенно был и в настроении и в форме. Саша все-таки спросил, не исполнилось ли его последнее желание. Валентин засмеялся.

- Исполнилось. Как в старом анекдоте про ведьму. Помнишь?

- Нет.

- «Идет Иванушка-дурачок по лесу. Видит – Баба-яга, беззубая, горбатая, нос крючком. Хотел пройти, но бабка сказала:

- Ванечка, хочешь я тебе нагадаю? Там, за опушкой на дороге тебя будет ждать красавица в белом мерседесе.

- Мерседесе?

- И дом у нее есть.

- Хочу!

- Но за это ты мне должен справить удовольствие.

Что делать, справил, как мог, и рванулся к опушке. А бабка вслед:

- Ванечка, милоч.

- Чего, старая?

- Ты, милоч, до сих пор в сказки веришь?»

Саша сказал, что намек понял. И рад это слышать.

Валентин с облегчением сказал:

- Сашка, как хорошо не чувствовать себя всесильным, ты даже не представляешь. Такая ответственность, тяжесть. Представляешь, я посылаю тебя к черту - чего ты заслуживаешь, - и тут же является рогатый и утаскивает тебя в ад.

Теперь Саша оказался в роли скептика.

- Хорошо, но про переулок, ты же не мог знать...

- Переулок самое простое. Тут все ясно. Я разобрался. Когда мы были в кафе, теща мэра уже купила дом?

- Да, купила.

- И в план реконструкции работы уже включили?

- Включили.

- То есть все произошло не по моему желанию, и ничего от меня не зависело. Это главное.

- А как ты узнал?

- Это совсем другое дело. Может, телепатия, может, совпадение. Мы еще много о человеке не знаем. Но главное не это - нормальный человек не должен заниматься всей этой херомантией - через букву «е», - а наплевать, растереть и забыть. Нормальная жизнь хороша и без паранормальной.

- Да, это хорошо. Интересно, - в Саше заговорилследователь, - какая причина таких перемен?

- Не причина, а повод, прекрасный повод.

После именин Саша с Любой пошли домой пешком - гуляли недалеко, на Канатной улице в китайском ресторане. Настроение было отличное. Люба обнимала его за плечи, он ее за талию. Дома неожиданно зазвонил мобильный Саши. Это была Дина. Что за срочность?

- Дина, привет. Я же просил не по телефону. Завтра приеду...

- Уже можно по телефону.

- Не понял.

- У меня недавно был гость. Только что ушел. Поговорили. Я дала твой телефон.

Наступила пауза.

- Это то, что я думаю? - охрипшим голосом по-одесски спросил Саша.

- Да.

- У них нет выходных? - вопрос прозвучал глупо, Дина на него не ответила.

- Можешь приехать завтра, если захочешь... и если сможешь, - сказала она и отключилась.

Первой мыслью Саши было: «В какую историю я втянул бедную Дину».

Потом оглянулся на Любу: «И не только ее одну».

Валентин

Вечером после именин, укладываясь спать, Валентин сказал Нине:

- Мне нужно будет завтра выйти на двадцать минут раньше. Я каждый день опаздываю минут на пятнадцать. На машине опаздывал, теперь на автобусе. Пока дойду до остановки...

- Ты хозяин, тебе можно.

- Некрасиво. И завтра ровно в десять придет покупатель на квартиру с Венерой - помнишь, я тебе говорил.

- Хорошо, выйдем с тобой, пройдемся по бульвару, полезно.

- Ниночка, тогда вам с Милой вставать нужно раньше. А идти вместе всего полквартала.

- Я люблю с тобой выходить. И когда тебя нет, мне в квартире... скучно.

Он знал, что когда его не было, Нина уходила с Милой куда-нибудь. Без него квартиру не любила. Но никогда не надоедала вопросами: где ты был? когда будешь? Он поцеловал ее в лоб - хорошая жена ему досталась. Он Нину очень ценил и уважал... и понимал, что этого мало. Может быть, с возрастом будет достаточно, и тогда это будет самым главным? Ближе к старости? А насчет корпоратива в пятницу - нет, никаких угрызений не появилось, только радостная улыбка.

Поставил будильник на без двадцати восемь, организм разбудил его в полвосьмого. Десять минут на приведение своих мыслей и чувств в порядок.

Нина проснулась безропотно, Мила немного покапризничала. Вышли вместе.

В этом автобусе оказалось больше народу, чем в более позднем, каким Валентин обычно добирался. Свободными оказались только два кресла, стоявшие лицом друг к другу. Он их не любил. Во-первых, потому, что не было возможности пристроить планшет, а во-вторых, потому что нынешняя молодежь считала хорошим тоном укладываться на противоположное сиденье ноги. Впрочем, в молодости он тоже так поступал. Однако выхода не было, он для очистки совести рукой стряхнул что-то невидимое с сиденья и уселся.

Взял в руки планшет - было неудобно. Включил новости. Послушал пару минут - новости были местными. Выключил, не интересно. Люди потеряли интерес к правительству, раде, президенту очень быстро, как только их оставили в покое, перестали доить, прижимать, душить. Сейчас гораздо интереснее новости международные. Вот там уже не только интрига, но и драма, грозящая перейти в трагедию. Исламские террористы потихоньку уступили свое место большим игрокам. Мир снова разделился на два лагеря, но сейчас состав изменился. Один финалист тот же, что и был раньше, - большая семерка во главе с Америкой, а другой - Китай с Северной Кореей и огромной территорией в Азии, Океании и Африке, зависящей от него экономически. Индия и Бразилия замерли, не решив, к кому присоединиться. Даже Россия помирилась с Украиной, Грузией, Молдовой и вернула, что могла. Ей сейчас не до мелочей, Сибирь во много раз важнее и больше Крыма, Донбасса, Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии вместе взятых. А ведь если американцы начнут проигрывать, то вполне могут расплатиться признанием Китайской Сибири по аналогии с Российским Крымом.

Китай заявил, что не позволит наступать ему на мозоль, а это, честно говоря, попыталась сделать Америка. Он перестал скромничать и признал, что у него и ядерного оружия, и народа, и денег не меньше, чем у всех остальных, а решимости и дисциплины больше, чем у болтунов-демократов. «Мы можем это доказать», - сказал председатель Китайской Народной Республики. Фраза - «Мы можем это доказать» - стала шлягером последнего года.

Теперь, когда жители Украины стали жить немного лучше и не так погружались в свои беды, как раньше, они стали больше обращать внимание на то, в каком сумасшедшем мире мы живем.

Но все-таки держать планшет в руках было неудобно. Спрятал его в сумку, а сам смотрел для разнообразия в окно, на дорогу. Кто-то - женщина - села напротив. Он поднял глаза - Мила Росева. Точная копия Милы! К счастью, он сразу понял, душой почувствовал, что это не она, просто похожа, иначе могли бы быть непредсказуемые последствия, и так его сердце мгновенно набрало бешеные обороты. Но возраст, внешность, движения... поразительное сходство! Он закрыл глаза, открыл - напротив по-прежнему сидел дубликат Милы Росевой.

Случайность, опять случайность? Какая, к черту, случайность при таком сходстве. Даже если объявить всемирный конкурс, не много найдется настолько похожих. Они не оставили его в покое, нашли такой выход из положения. Если бы он не пожелал возвращения Милы, не «шаманил», то такую встречу еще можно было считать совпадением, но сейчас это определенно работа... чья? На Бога он покушаться не решался, с чертом связываться не хотелось. Назвал это Закулисой, где, как известно, и интригуют темные силы. Он улыбнулся, попытка острить немного привела его в чувство. Вероятно, они читали «Солярис» Станислава Лема. Но там «гостью» создавали специально, по воспоминаниям, а тут живой человек, который родился, рос, имеет свою историю, свой характер. Такая подстава кажется примитивной - ведь он хотел возвращения близкого, родного человека. Это было главным, а не сходство. Все эти мысли мгновенно промелькнули в его голове и позволили ему немного успокоиться.

Он знал и помнил каждую черточку Милы, внимательно посмотрел на девушку и нашел - естественно - отличия. Она была тоже красивой, безусловно красивой, хотя немного попроще, тоже была в платье, и оно тоже было ниже колен. А отличия: у незнакомки между бровями была морщинка - наверно, часто хмурилась, небольшая родинка на правом виске, чуть больше скулы, верхняя губа немного тоньше нижней. На правой голени у Милы был небольшой шрам (упала в детстве), у незнакомки его не было. Он поднял голову, посмотрел девушке в лицо. Глаза похожи,

очень, но выражение совсем другое - злое, раздраженное. Так Мила не смотрела на мир. Интересно, какой голос?

- Со мной что-то не в порядке? - очень раздраженно спросила незнакомка.

Нет, голос угадать не удалось, у Милы был выше, хотя все-таки сходство есть... И Валентин спохватился. Под действием шока - а это определенно был шок - он совершенно бесцеремонно рассматривал визави с ног до головы. Это наверняка выглядело вызывающе. Солидный человек, как дешевый ловелас. Ситуация была неловкой, но Валентин не стал извиняться. Напряжение позволило ему найти лучший выход.

- Одну минуточку, - сказал он и вынул из сумки планшет. Довольно быстро нашел фотографии Милы (они были закодированы, чтобы Нина случайно не открыла, не то чтобы боялся - впрочем, я это уже объяснял), выбрал портрет, который ему очень нравился, и протянул планшет. - Посмотрите.

Девушка, с трудом сдерживая раздражение, взяла планшет, и на лице ее появилось удивление.

- Я? Откуда у вас мое фото? Хотя такой блузки у меня нет, но это определенно я.

Валентин, не отвечая, взял планшет, нашел новое фото и вернул. Девушка долго всматривалась в фотографию, потом посмотрела на Валентина и неуверенно спросила:

- Это вы со мной? В молодости? - она смутилась. - А может, монтаж? Это я, но платье не мое.

- Да, это я, в молодости. Но не с вами. Такое сходство. Надеюсь, вы понимаете мое удивление. И простите.

- Да, конечно. В такое сходство трудно поверить.

- Трудно. Очень трудно.

Она еще раз посмотрела на счастливую и молодую пару на фото. Видно было, что это не фото случайных знакомых, скорее семейный снимок. Поэтому вопрос прозвучал естественно:

- Это ваша жена? Ох, извините.

- Она погибла двадцать пять лет тому назад. В то лето.

- Простите...

- Поэтому я помню ее такой, как вы.

- Да, я понимаю.

Они помолчали, но мостик был переброшен, и постепенно разговорились. А Валентин даже немного отвлекся от вновь овладевающих им мыслей о происках Закулисы, хотя поводов не забывать о них хватало. Кроме внешнего сходства были еще совпадения. Звали ее Алла Лосева, невольно возникала аналогия с Милой Росевой. Училась она на третьем курсе института, приехала из села Усатово - недалеко от Болгарки, неизвестно, считать ли это совпадением. Но тоже жила в Одессе, у тети. Летом подрабатывала в новом магазине одежды в одной из высоток по соседству с офисом Валентина. Ездит на работу этим автобусом. Вышли они на одной остановке и поднялись вместе по лестнице, потом разошлись. Закулиса обкладывала его со всех сторон.

Ирина твердо решила показать Валентину, что, по ее мнению, ничего не было и быть не могло. Его приход раньше времени она поняла как результат приятных воспоминаний, и еще ироничнее, чем обычно, ледяным тоном сказала:

- С чего бы начальству приходиться вовремя, как простым смертным? Думаю, нет никаких оснований для этого, - она сделала акцент на словах «никаких оснований».

Но ошарашенный очередным ЧП, Валентин поздоровался со всеми, посмотрел на нее невидящим взглядом и прошел в кабинет. Это уже было слишком! Ирина мгновенно забыла все свои благоразумные планы, оскорбленное самолюбие оказалось сильнее здравых мыслей. Как он мог забыть, каким счастьем его одарили? Нет, прощения ему никогда не будет.

Она зашла несколько минут спустя, все-таки с подносом - работа есть работа - кофе, коньяк орешки. Валентин смотрел в пустоту.

- Человек не должен быть таким деревом, - все-таки не выдержала она и устыдилась своей слабости.

Валентин, кажется, понял ее состояние и растерянно сказал:

- Ируся, ты понимаешь, со мной действительно что-то творится. Кажется, я сдвигаюсь. Что-то происходит... И конца этому не видно, Ируся...

«Ируся» примирило Ирину, и она обеспокоенно на него посмотрела. Вид и взгляд действительно были... не от мира сего.

- Валя, что случилось? Мы же с тобой не чужие люди.

- Еще какие не чужие, - в лице Валентина промелькнула радость воспоминаний, и... он опять отключился.

- Что происходит? - Ирина не на шутку разволновалась.

- Ирусь, расскажу. Обязательно. Дай сначала самому разобраться...

В это время в дверях появилась «девочка» Оля и сказала, что пришел покупатель. Объяснения были отложены. Оформление продажи квартиры не такое простое дело, много формальностей и неформальностей, договора, гарантии, согласования. Когда супруг Ирины заехал за ней в конце рабочего дня, Валентин еще был весь в делах. Они уехали, ушли девочки. Наконец и он освободился, остался один в кабинете, взял бутылку, чашку и орешки. Это становилось дурной привычкой, поэтому он в чашку коньяк налил, но бутылку решительно поставил в шкаф.

Как отнестись к очередному повороту событий? Сбылось его пожелание или не сбылось - это, с его точки зрения, было главным. А они, те, старались его запутать, чтобы он был ни в чем не уверен, чтобы здравый смысл и то, что с ним происходит, не совпадали. То есть по существу - раздвоение личности. Скорей всего это их цель. Или объективно происходит следующее: то ли кто-то или что-то старается лишить его рассудка, то ли рассудок оставляет его по своей инициативе, а все происходящее ему только чудится. Вот такой здравый консервативный вывод из этой ситуации можно сделать.

И все-таки, на что они рассчитывали, подбрасывая ему чужого человека, клон вместо родной души? Это выглядит глуповато. Может быть, и поэтому сейчас страхи и напряжение его не так терзают, как в предыдущих случаях. Может, начал привыкать к этим аномалиям? Во время загруженного дня он, конечно, не забывал о встрече в автобусе, но думал больше об Алле, вспоминал их разговор, выяснял, что общего и в чем различие их с Милой, чем терзался страхами за свой рассудок. Может, и сейчас поэтому налил только одну чашку коньяка, хотя, казалось, оснований выпить более чем достаточно.

Он решил пока не звонить Саше и не сообщать о «явлении народу». Заранее задумал сюрприз - ничего ему не рассказывая, пригласить в тот ресторан, где когда-то познакомил их с

Милой... и появиться там под руку с Аллой. Трудно представить себе Сашину реакцию! Очень эффектно! А почему он решил, что еще увидится с ней и что она с ним пойдет в этот ресторан? Это тоже из серии наваждения, или что-то другое?

Интуиция подсказывала, что все-таки интриги Закулисы не так просты и глупы, как это ему показалось сначала.

Возможно, коньяк сыграл свою роль, и домой Валентин приехал в почти нормальном настроении. А собственно, что произошло, по факту, без эмоций? На этот раз он никого не убил, никому ничего не отрезал, даже трансцендентальной информации о ремонте не получал. Встретил симпатичную девушку, похожую на его первую любовь, так к этому и нужно относиться. Поэтому он дома был таким же спокойным и разговорчивым, как в субботу и воскресенье. Сразу же предупредил, что теперь будет выезжать на двадцать минут раньше - как сегодня, очень удобно. Никто с ним не спорил.

Во вторник он сделал зарядку в полном объеме - пора прекращать халтуру, последнее время то настроение неподходящее, то после выпивки. Они вышли всей семьей, простились, и Валентин быстрым шагом, посматривая на часы, пошел на остановку. Автобус подошел тогда, когда ему было положено. Во вторник народу было поменьше, он нашел два свободных кресла в обычном ряду, подумал: «Рядом будет удобней разговаривать», - и таким образом выяснил, что готовится к встрече с Аллой. Спросил себя - с какой такой радости? Для того, чтобы удивить Сашу? И вообще, так веселее ехать? Нет, конечно, не только это. Интересно, с какой целью ее подставили - только удивить? Вряд ли. Они понимали, что близкого человека с чужим не спутаешь. Как было с Милой - один взгляд, и все ясно. А чужой - он чужой и есть. Так что они задумали? Но может, все-таки только поразить? Посмотрим, время покажет.

Сел в кресло у прохода, на другое положил свою сумку, хотя по правилам хорошего тона это не принято. Алла прошлый раз вошла на следующей остановке. Однако на этот раз она не появилась. Он неожиданно расстроился. Опять-таки - почему? Связь потеряна, и Сашку нельзя будет удивить? Хотя - тут же мелькнула мысль - можно пойти в магазин. С какой, опять-таки, радости? И дело даже не в испорченном настроении, а в том, что вернулись беспокойные мысли. Снова они играют с ним. Вот и огорчился... А если он придет в магазин, а ее там никогда не было, фантом, миф? Что тогда? Раздвоение личности? Может, в этом фокус? Теперь появились серьезные основания для огорчения. Он с трудом удержался от проверки магазина. Терпение, только терпение. Вдруг заболел человек.

И все же в офисе он появился мрачный. Ирина принесла кофе, села за свой стол, на лице крупными буквами написано намерение выяснить наконец, что с Валентином происходит. Тем более, что с понедельника она уходит в отпуск, и они с Денисом едут на две недели в Турцию. Если хозяин заболеет... а тут пошли продажи квартир Николаича... но главное, конечно, что с ним?

- Валя, что с тобой? Давай, как на духу.

Конечно, он открывать тайны мадридского двора не собирался, чем позже Ирина узнает, что ее хозяин... не совсем нормальный, тем лучше. Рассказал о снах, о растущей тревоге. Об аномальных явлениях не говорил. И тем не менее, впечатление произвел.

- Валя, не относись к этому несерьезно. И сны, и тревога - это сигналы опасности, не нужно доводить дело до депрессии. Ты идешь в отпуск через месяц, может мы с тобой поменяемся? Ты знаешь, не хочется тебя одного оставлять. Я вижу, ты какой-то напряженный.

В ее обычно прохладной, отстраненной манере появились тепло и искренняя забота. Валентин был растроган.

- Ируся, вы уже взяли путевку, о какой замене может идти речь? Одна твоя забота, растаявшая снежная королева, меня вылечит.

Он поднялся, протиснулся между шкафом и столами и поцеловал ее по-отечески в лоб.

- А знаешь, - задумчиво, скорее про себя, сказала Ирина, - может, нам с тобой еще раз встретиться, до нашего отъезда?

- Что ты, милая моя, ни в коем случае! Ты хочешь себе наделать бед? Как ты будешь месяц наедине с Денисом? - Он прочитал обиду в ее глазах. - Как бы мне этого ни хотелось, я не могу позволить тебе такую глупость. Именно потому, что мы не чужие люди.

- Я знаю, ты прав. Но когда вижу, что тебе плохо... Не чужие... Может, сходи к Гольдбергу.

- К Гольдбергу? И ты туда же?

Круг замкнулся.

Вторник тоже был трудовой, на личные проблемы времени почти не оставалось. Нужно было заканчивать с Венерой Милосской, и появилась еще одна продажа, и тоже из Гришиных квартир - Валентин богател на глазах. О своих странных проблемах старался не думать, и это получалось. А об Алле иногда вспоминал - с улыбкой. Появится или нет? И чувствовал, что интерес к задуманной Закулисой интриге возрастает. А может, к Алле? Нет, конечно, к интриге.

На следующее утро к автобусной остановке он шел более быстрым шагом, чем это нужно было по времени. В автобусе занял то же место и сумку положил на свободное кресло рядом.

Алла пришла. Хорошо, что она хотя бы не фантом. Когда она пошла по проходу, Валентин, как старой знакомой, приглашающе помахал ей рукой. Она - как старая знакомая - кивнула в ответ, подошла, он подвинулся к окну, она села рядом.

- Вчера прогуляли?

- Нет, я работаю через день, на полставки. Понедельник, среда, пятница. Забыла вам сказать, - это звучало даже немного виновато. - Отдыхать тоже нужно, на пляж сходить...

- Видно, что пляж посещаете, - одобрительно сказал Валентин. Как и Мила, она тоже красиво загорала.

- Да, солнце меня любит.

Разговор легко и без напряжения стартовал. Прежде всего они разобрались, как обращаться друг к другу, в прошлую поездку обошлись без обращений. У Валентина проблем, в сущности, не было - по имени, пробовал на «вы» не пошло. Перешел на «ты», хозяйская манера. Алла поддержала:

- Какие там «вы»! Мне только профессора выкают.

А сама пыталась узнать отчество Валентина. Он немного помолчал, потом сказал:

- Алла, вот я подумал - меня еще никто по имени-отчеству не называет. Даже подчиненные, совсем молоденькие. Никто. Ну что ж, значит пришло время перебираться в следующую категорию.

Алла покраснела и энергично возразила:

- Никакое не время! Никуда не перебирайтесь... Валентин.

Так и осталось, по именам. Он на «ты». А у нее «ты» не получалось.

С Аллой тоже, как с Милой в далеком прошлом, могли и поговорить, могли и помолчать - без проблем. Валентин понимал, что невольно его воспоминания, отблеск тех настроений переносятся в настоящее. Но дело было не только в этом. Говорить с ней было интересно. В принципе, это было следующее поколение, те, о ком он и его друзья говорили: «Эта современная молодежь...» Хотелось понять их образ мыслей. Таких молодых близких знакомых у него, пожалуй, сейчас не было. Правда, вспоминалась девица лет восемнадцати-двадцати, с которой он не так давно переспал - был грех, но там до разговоров дело не доходило.

Алла действительно была неглупой и знающей. Валентин в соответствии с теорией совпадений решил, что она учится в юридической академии.

- Нет, - даже с каким-то превосходством возразила она, - теперь в Одессе этих юристов пруд пруди. Я в политехе, - и добавила не без гордости: - Бизнес и информационные технологии.

- Ого, - с уважением произнес Валентин.

Они говорили, к удивлению Валентина, и о совсем серьезных вещах. Алла о многом имела свое мнение. Например, строительство в Одессе ничтоже сумняшеся назвала хищническим.

- Вы, разве, не видите? Максимальная сверхплотная застройка модных прибрежных зон выше всяких норм, без всякой логистики, без инфраструктуры. Валентин, вы это знаете не хуже других. Это муравейник.

Валентин удивился - муравейник это определение из его лексикона.

А когда они обсуждали успехи Украины, она сказала:

- Если бы не Донбасс, где бы мы сейчас были...

- А что Донбасс?

- Мы на десять лет отстаем из-за него. Когда Западная Германия объединилась с Восточной, она десять лет не только не развивалась, но не могла даже достичь старых результатов. Германия! Провалилась. А Восточная Германия считалась самой развитой частью Советской империи. Но все немцы были против русских, стоило мучиться. А нам достались недружелюбное население и сплошные развалины.

- Так по-твоему не стоило... Алла, это непатриотично. Это наши люди. И я помню то время - в отличие от вас - тогда говорили, что только присоединение Донбасса позволит промышленности...

- Говорили это коллаборационисты. Там, кроме угля под землей в залитых шахтах, ничего не осталось, а уголь сейчас не ценность. Тогда людям забивали голову, но разве теперь не ясно? До сих пор и в экономике, и в отношениях с автономией проблемы.

- А вывод?

- Что сделано, то сделано. Наверно, правильно. Но нужно видеть реальность. Чего это стоило.

Валентин даже почувствовал себя ретроградом. Ну Усатово, вот тебе и провинция! Интересно, что же наметила Закулиса, какую западню? Найти такого внешне похожего, да еще толкового персонажа непросто, и какие-то планы за этим стоят. Какие?

Час в автобусе пролетел незаметно.

Ему о многом хотелось ее расспросить, и больше всего - нет ли у нее ощущения... или подозрения, что они участвуют в странной мистификации. Конечно, говорить об этом нельзя, если он собирается выглядеть психически нормальным человеком. А жаль...

Когда они выходили, Валентин с трудом удержался от того, чтобы подать ей руку, - это было бы допотопно и несовременно. Поднялись по лестнице, попрощались. Валентин сказал себе: пятница будет послезавтра, и отправился в офис. Настроение было неплохое. В офисе уже все сотрудники на месте. Ирина при встрече необычно приветливо и даже заботливо улыбалась.

Он поздоровался, спросил - у всех, - как дела. Услышал в ответ: хорошо, и прошел в кабинет. Спустя несколько минут зашла Ирина с кофе.

- Ты сегодня в норме. Приятно видеть.

- Да, спасибо. Вот только сны.

- Что с ними?

- Представь себе, только закрыл глаза - мажу на хлеб масло. Потом должен вроде положить сыр. И думаю: положить или не положить, положить или не положить? Потом пауза, и начинается сначала - масло, сыр, положить, не положить.

- Ну и что?

- Так до утра. Без перерыва. Просыпаюсь, засыпаю, опять сыр и масло. Всю ночь. До утра. Одно и то же.

- А-а-а. Да, Валечка, это плохо. Это проблема. Нужно пойти...

- Только не говори, к Гольдбергу.

- Именно к Гольдбергу...

- Ируся, ты совсем растаяла. Что-то материнское. Вам с Денисом нужно девочку. Не представляю, каким может быть ребенок у таких двух совершенных - в отличие от его скульптур - произведений. Или мальчик, беленький, ангельский...

- С еврейскими глазами, - негромко сказала Ирина.

Валентин укоризненно на нее посмотрел и не ответил. Попили кофе.

- Ну, за работу. Твои дела будем заканчивать. У вас в понедельник самолет в пять? В пятницу не выходи.

- Спасибо. Отвальная завтра.

- Хорошо. Я сегодня раньше уйду, меня Николаич в кабаке зовет, обсуждать условия. У него новый дом намечается наполовину на берегу, как в Венеции. Он боится обсуждать в кабинете, думает, что там прослушка. А Николаич не из нервных, ты знаешь. Кажется, подули старые ветры... А пока сегодня кабака, завтра отвальная, в субботу именины тещи. Так и спиться недолго. Один свободный день пятница. Гм, пятница, - он замолчал, но видно, что появилась идея: - На пятницу я что-нибудь придумаю.

Они с Ириной поработали, в основном закрывали ее дела. Потом она поехала в бухгалтерию, а Валентин позвонил Саше.

Голос у Саши был почему-то невеселый.

Они обменялись общими фразами, вопрос «Было ли явление Милы?» не прозвучал; после встречи на именинах Саша решил, что проблема отпала.

- Нужно бы повидаться. Ты вечером в пятницу свободен?

- Я теперь все время свободен, - непривычно уныло ответил Саша.

- Забросил удочку и ждешь, когда клюнет?

- Жду, когда жареный петух клюнет... в темечко.

- Ты заскучал. Попробую тебя развеселить. Приглашаю в ресторан «Глечик», на Ланжероновской, помнишь, где мы с Милой были? - он специально напомнил о Миле. - В шесть вечера.

- Почему в «Глечик»?

- От меня близко. Мне удобнее.

- Хорошо.

В четыре часа они на такси - Николаич не нарушал правила дорожного движения, а предстояла выпивка - приехали в тихий узбекский ресторан, скромно сели за столик в уголке, народу рядом не было. Сначала заказали шашлык, водочки - к радости Валентина, немного, триста грамм, - значит разговор будет серьезный.

Николаич вынул папку: цифры и наиболее важные темы он записывал на листах бумаги. Это немного смешило Валентина.

- Тут снимают, но думаю, не подслушивают.

По мнению Валентина, Николаич на этом заикнулся, тем более, что забывался и иногда говорил куда более опасные вещи вслух, чем писал на бумаге.

Почему ему предложили партнерство, Валентин знал - Николаич начал строить солидную многоэтажку в Крыму, ему нужно быть там, не разорваться же, а в Одессе как раз сейчас удалось получить редкую и не очень законную - в охранной береговой зоне - площадку, которая как в Венеции.

Николаич даже план набросал, написал проценты свои и его, суммы доходов и прочее. Много чего написал и дал будущему напарнику. Почти документ. Валентина все вроде устраивало, и Николаич, поколебавшись, перешел, как показалось Валентину, к основному.

- Для Венеции нужно внести благотворительный взнос, гм, гм... такое условие. А я не могу это сделать, уже много раз вносил. Меня предупредили, что можно подставиться. Нужен свежий человек. А деньги я дам. И насчет площадки точно договорено.

- Так, с этого момента поподробнее. Пахнет откатом.

- Не только пахнет. Это такая форма... Есть и другие методы, но пожертвования сейчас в моде. Дашь деньги в официальные благотворительные фонды, куда они идут дальше, меня не касается. Даже фамилию в печати не объявляют, от скромности. Но лучше, чтобы благотворительность с дефицитными площадками не связывали... А ты белый и пушистый. Через полгода оформим компаньонство - кто тогда вспомнит?

- Мне мой товарищ говорил, что это снова началось. Давно?

- Лет пять, - Николаичу не хотелось говорить на эту тему.

- А думали, что очистились. Ведь все хотели навести порядок - сильная рука, посадки, децентрализация...

И тут Николаич завелся. Он любил порассуждать.

- То-то и оно. Власть закона и децентрализация - это главное. И борьба с коррупцией. Так решили. А ты сам подумай: что, по нашей ментальности, нужно, чтобы не воровали?

- Что?

- Следить, все время следить, чтобы не воровали. Глаз не спускать. Украдут - сажать. Наверху порядок навели. Следят, чтобы олигархи не покупали депутатов, министров и чиновников, а те чтобы не продавались кому попало - это первое. И настоящая децентрализация -

это второе, все отдали на места, и деньги, и все-все, владейте, распоряжайтесь, так что наверху уже и украсть толком нечего. Это называется поменять систему. На местах сейчас и власть, и сила, и деньги. А этих мест много, за всеми не уследишь. А тогда, по нашей ментальности, что получается?

- Будут воровать.

- Молодец. У нас сейчас феодализм, местные феодалы и вассал моего вассала не мой вассал. У феодала и адвокаты, и суды, и деньги, и полиция. А местная власть у нас испокон, исторически всегда была продажной, подкладывалась под начальство. И тишина - одни воруют, другие боятся пикнуть. Критиковать не модно и опасно. И снова надо что-то менять. Опять систему.

- И кого-то сажать.

Николаич печально заказал еще по сто.

- Получается, что не кого-то, а меня. А откат не дам - и площадки не будет. Прогорю. Вот такой выбор передо мною поставлен.

Конец вечера прошел в миноре. Валентин обещал подумать.

- Я тебя, Лавров, давно знаю и верю тебе. То, что я сказал, думаю, дальше тебя не пойдет. А не сказать не мог, раз совместное дело предлагаю. Вот такой когнитивный диссонанс получается.

Он любил красивые слова.

Валентин вначале решил в пятницу рассказать об этом Саше... но передумал. Саша за правду - и за статью в газете - не пожалеет ни мать, ни отца, тем более какого-то Николаича. Хотя промолчать тоже нехорошо. Но и в солидное дело войти хочется. Уже не мальчик, а такие предложения не часто делают. Да и человек довольно-таки порядочный.

Да, когнитивный диссонанс.

Дни были заполнены до отказа, и Валентин еще раз убедился, что не только пессимизм, как он где-то вычитал, но и глюки рождаются от безделья. У занятого человека просто нет на это времени. И его настроение, поддержанное кабаком и отвальшой, в эти дни было почти в норме. Правда, сны... В ночь на пятницу снился такой ролик - стол, за столом дама в балахоне, вроде судья. И говорит: «Человек такое существо. Он все может, а отвечать потом не хочет. Может. Не хочет. Не хочет. Может...»

Потом закольцованный ролик повторялся. Валентин не понял - это насчет воровства? Реакция на Николаича?

Послевкусие сна постарался перебить зарядкой. Почти перебил.

Нина, конечно, его проблем не замечала.

«Счастливо устроена», - не в первый раз подумал Валентин об этом ее свойстве. Она то ли интуитивно, то ли сознательно пропускала мимо все плохое, пока на это можно было не реагировать. В таком смысле с ней было очень хорошо, удобно. Валентин это ценил, повторял себе - вы уже знаете, - что многие жены вместо помощи и поддержки создают лишние проблемы, Он предпочитал Нинин бескрайний оптимизм.

В пятницу он вошел в автобус почти спокойным и даже в приподнятом настроении. Занял свое, уже привычное, место и понял, что с удовольствием увидится с Аллой. Может, будет что-то новенькое? Какой-нибудь намек?

Алла при входе улыбнулась, заняла свое место, обменялись приветствиями, поговорили о море и температуре воды.

- У тебя нет для меня ничего интересного?

- Для вас? Нет, ничего.

- Какого-нибудь предложения?

- Нет, почему...

- А у меня есть, - Валентин решил не тянуть. - Я предлагаю тебе сегодня вечером пойти в ресторан.

На лице у Аллы появились удивление, разочарование, растерянность, настороженность - целая гамма ощущений, и все отрицательные, - что Валентин заторопился и даже перешел на «вы».

- Аллочка, вы меня неправильно поняли. Думаете, что я собираюсь за вами... приударить? Ничего похожего, уверяю вас. Просто я придумал одну шутку, сюрприз, а без вас эта... шутка не сработает.

Они быстро вернулись в нормальное состояние, и Валентин продолжил уже на «ты».

- Та девушка, Мила, на которую ты похожа... Мы с ней познакомились не в Одессе, да, кстати, недалеко от вас, в Болгарке.

- Совсем рядом.

- Да. Здесь ее никто не знал... И сейчас о ней не знают.

- Я понимаю, вы хотели... чтоб это было только ваше.

«Умничка», - подумал Валентин и продолжил:

- Когда она уезжала к себе - через Одессу, я познакомил ее со своим другом Сашей, мы дружим со второго класса. С ним вместе мы тогда праздновали нашу помолвку в ресторане «Глечик». Я ему еще не рассказал, что встретил копию Милы.

- Ну да, не оригинал...

Слово копия, кажется, было неудачным. Женщины не любят быть копиями, даже копиями звезд. Похожа - другое дело.

- Я с ним договорился сегодня встретиться в «Глечике» в шесть часов. Подойдем? Если ты занята, то сможешь быстро уйти. Интересно, как он отреагирует. Я-то сразу понял, почувствовал, что ты... ну... не она.

- Копия...

- А как он отреагирует на ожившую Милу?

Алла подумала и нашла неожиданный для Валентина аргумент:

- Это не будет жестоко?

- Почему?

- Не каждый может спокойно встретить выходца с того света... Ох, извините.

- Он может, это журналист Александр Гулько. Может, слышала? Он любит преподносить сюрпризы. Нет, я такой случай не упущу.

- Александр Гулько? Я его читаю. Интересно пишет.

Возможность познакомиться с журналистом сыграла свою роль. Словом, Алла согласилась. Они обсудили подробности одежды - должна быть похожа на ту, в которой на помолвке была Мила. Договорились о месте встречи, как подойти поближе и только тогда повернуться к нему лицом.

На прощание Алла вздохнула и сказала:

- И все-таки что-то в этой затее мне не нравится.

В ожидании интересного вечера день прошел незаметно.

Валентин ждал ее на скамейке, на круге у фонтана, любимое место встречи одесситов - триста метров от ресторана. Когда Алла появилась в красивом, похожем на Милю голубом платье, в туфлях на высоких каблуках, с замечательной хоть и простой прической, немного макияжа - у него что-то внутри оборвалось. И Валентин понял, что посмотрел на нее почти так, как на Милу при встрече в Болгарке. И сердце снова набрало бешеные обороты.

Кажется, действительно сомнительная идея. Но нужно доводить ее до конца.

- Пошли?

Она молча взяла его под руку - тоже что-то почувствовала, - и они направилась в ресторан. Совпадения продолжались, Саша сидел за тем же столиком, где когда-то они праздновали помолвку. Вероятно, тоже вспоминал. Как было договорено, они подошли ближе, Алла вроде бы поправляла прическу. Когда удивленный Саша вежливо встал, она повернулась к нему лицом и сказала:

- Здравствуйте, Саша.

Валентин правильно предсказал, что Саша в ней не увидит другого человека, но не учел эффект «шаманства». Стойкий, мужественный и находчивый журналист побледнел и рухнул на стул. После Саша отрицал, но это был обморок. Пришлось даже побрызгать водой.

- Саша, Саша, - перепугался Валентин, - это не Мила, она просто похожа. Это Алла.

Алла осталась с ними надолго, до девяти. Кому-то позвонила и отменила встречу. Саша вернул свое остроумие и находчивость, и тут же выяснил, что это был ее парень. Проявил интуицию и Валентин, он предположил, что у них намечается осенью свадьба.

- Как вы догадались?

- Был прецедент.

На этот раз Саша сказал:

- Невеста еще не жена.

- Почему? Если любят друг друга...

Сашу это не смутило, и он стал ее откровенно обаять. Алла реагировала спокойно, весело отшучивалась. Разговаривали в основном они, Валентин задумчиво помалкивал. Алла как-то пыталась его втянуть в разговор, но он почти не поддавался.

- Где ты находишь таких необыкновенных женщин? – сказал Саша. И обратился к Алле: - Это его хобби. Вы, Аллочка, Мила, а есть у него в обойме еще Ирина, снежная королева. И очаровательная жена, - это он добавил, чтобы убрать конкурента, но конкурент и не возникал, сидел тихо.

Выпили умеренно, они коньяк, она вино. Вкусно поели. Вечер прошел хорошо, и Саша не скрывал своего восторга от Аллы. Они на равных поспорили на серьезные экономические темы, после чего он объявил:

- Таких женщин не бывает.

В девять часов Алла посмотрела на часы и сказала:

- Ну, мне пора. Большое спасибо. Все было очень хорошо, но вам, семейным людям, и мне, почти замужней даме, пора по домам.

При этом она с такой шутливой серьезностью назвала свой статус, что было видно, как много это для нее значит.

Валентин расплатился - он всех приглашал, - попросил порттье вызвать такси. На улице, пока они ждали машину, Саша все еще пытался назначить Алле свидание, в крайнем случае с ними двумя. Улыбка и «до свидания» на двоих было ему ответом. Но Валентину еще отдельно: «До понедельника».

Алла уехала, Саша сразу потух и стал непривычно унылым, а Валентин, вы знаете, и до этого был не слишком общительным и веселым. Они молча отошли немного подальше от ресторана.

- Значит, явление состоялось? - нарушил молчание Саша.

- Как видишь. И опять скажешь совпадение?

- Не скажу.

- А что скажешь?

- Что тут скажешь? С ума сойти!

- Или уже сошли. Коллективно.

- И что собираешься делать?

- Не знаю, нужно подумать.

- Ты никогда не можешь не подумавши.

Они опять помолчали. Валентин вздохнул. Он, кажется, начал понимать, к чему дело идет... Но сначала действительно нужно подумать. Посмотрел на непривычно тихого и унылого друга.

- А у тебя что стряслось?

- Стряслось. Еще как стряслось. Сиськи-мисиськи, будь они... Но рассказать пока ничего не могу. Табу.

Валентин очень печально, глаза стали совсем еврейскими, смотрел на Сашу.

- А ведь это тоже я, если разобраться, втянул тебя в эти мисиськи.

Саша удивленно поморгал - ему это в голову не приходило.

- Давай, Сашка, по домам. Я пешочком. Мне недалеко. Нужно подумать.

И не ожидая ответа, он повернулся и пошел по улице Гаванной. Подумать было о чем.

Откуда источник и как эти чудеса происходят, он, естественно, не понимал. Сумасшествие было бы самым простым объяснением, но - как говорили они с Сашей - факты действительно имеют место быть, и это банальным сумасшествием не объяснишь. Переулочек Некрасова, Алла, сиськи-мисиськи - все реально, и даже реально отсутствие пальца Бочкова. Ну хорошо, Закулиса или что-то там еще - аномальное явление, как его объяснишь?.. На то они и аномальные.

Но хуже всего то, что Валентин понял, в чем суть последнего чуда - явления народу Аллы. В чем замысел. Если бы Валентин не был противником мелодрамы и красотостей, он бы назвал его адским.

Валентин наконец в их намерениях разобрался и понял, что этот замысел уже начал осуществляться. Понял, что полюбил Аллу, и произошло это не сегодня вечером, а с первой встречи, исподволь. Полюбил девушку, которая любит - и любит по-настоящему - другого. Что ж, случается в жизни, и многие знают, как это тяжело. Но такой вариант для Закулисы был бы слишком простым. Замысел в другом. Сначала они убедили Валентина в том, что его желания действительно исполняются. И теперь поставили перед нелегким выбором. Либо он пожелает, чтобы Алла его полюбила, то есть совершит подлость и насилие, с которым жить будет невозможно, врагу не пожелаешь. Тогда он всю жизнь будет сознавать, что это не любовь, а

обман, фальшь, подделка, в сущности хуже, чем изнасилование. Либо до конца дней останется однолюбом Желтковым, порядочным, но несчастным человеком. И - добавьте - сознающим, что все было в его руках.

Я оставляю вас с Валентином. Обдумывайте эту ситуацию. А сам возвращусь к проблемам журналиста Александра Гулько.

Саша

Объясню, почему он такой невеселый и неактивный. Для чего возвращаюсь в предыдущее воскресенье, вечер после именин Николая.

После разговора с Диной Саша с такой осторожностью положил трубку, как будто это было взрывное устройство. А собственно именно такую роль телефон сейчас играл.

- Что-то случилось?

- Да, Люба, случилось. Но я, как обычно, выкручусь.

Саша ей о Чичигине не рассказывал, это как раз был тот случай, когда она бы такую авантюру не разрешила, и ему пришлось бы уходить в подполье. А так она могла его осудить только за неразглашение.

Он разговаривал с ней о работе, рассказывал интересные случаи, иногда просил совета. Но в принципе у них было заведено, что работа у каждого своя, Люба тоже, кроме сплетен о сотрудниках, с ним обсуждением проблем своей бухгалтерии не делилась. Поэтому она спокойно продолжала заниматься своими делами. У Саши замешательство от сообщения Дины прошло довольно быстро - такой вариант был ожидаемым. При необычных обстоятельствах, требующих быстрого и верного решения, он вел себя - по его собственному определению, как обычно не слишком скромному - как боевой конь, услышавший звук трубы. Он начал действовать немедленно. Нужно было торопиться.

Дина сказала, что «гость» только ушел. Вероятно, слезку и прослушку еще установить не успели. Насколько он понял, его пока не подозревали, обнаружили только ее. Надо действовать быстро, могут подключиться к телефону. Главное сохранить Спасова. Никакой связи с ним, пока дело не оформлено. Только обнародованное дело может служить хоть какой-то гарантией безопасности Саши и - об этом думать не хотелось - его семьи.

Он позвонил Спасову.

- Леня, добрый вечер. Извини за поздний звонок, но нам с тобой нужно сегодня увидеться.

- Сегодня? Может, завтра? Я возвращаюсь из...

- Леня, именно сегодня, поверь мне. Когда будешь дома?

- Часа через два.

- Хорошо, я подъеду. Извини, нужно...

Он быстро собирал необходимые документы в сумку и продолжал планировать свои дальнейшие ходы.

Слаб человек, даже журналист-расследователь. Если раньше он желал сложных и даже опасных поворотов, то сейчас стал искать смягчающие и успокаивающие доводы. Прежде всего, не нужно паниковать. Вряд ли Чичигин пойдет на какие-то крайние меры, в этом для него нет смысла. Материал в газете к суду не приведет, максимум будет открыто дело в прокуратуре. Доказательства Дины в основном добыты незаконным путем, хакерство в судах не поощряется.

Можно доказать, что Чичигин знал о родственнике и помогал ему открыть фирму. Откуда у мелкого чиновника, да еще недавнего эмигранта миллион долларов на уставной фонд? То, что он потом посылал в банк деньги, тоже трудно доказать законным способом. Но наследство-то было? Было, официально. Налог за наследство уплачен? Уплачен. Да, жулик, обманщик, потеря репутации, но она Чичигина и раньше мало волновала. А доказать, что он воровал во времена Януковича и Порошенко, сейчас невозможно, тогда косили деньги, как траву. И после была капитализация - в сущности амнистия. Доказательств, что статья в газете не клевета, хватит, а на осуждение не наберется. Нет, не такая опасность для Чичигина, чтобы он пошел на грязные и мокрые дела, он рисковать не станет.

Вот только одно - последние многомиллионные взносы... Это не тогда, это сейчас. Как он с ними связан? И может ли он понять, что мы это знаем? Хорошо, если Дина ему этого не сказала. И если он сам не узнал. Саша испытал прилив скромности - почувствовал, что вполне достаточно эффектной статьи с громким резонансом, и влезать в новые опасные дела не стоит.

Он решил немедленно поехать к Дине, звонить не стал, она наверняка на подслушке. Не нужно, чтобы знали, что он к ней едет. Подготовятся и увяжутся за ним. Нужно уезжать быстро, пока слежку не организовали.

- Люба, я уезжаю, не знаю, когда буду.
- К женщине? - юмор у нее был серьезный и внушительный.
- К мужчине, Дине Зак.
- Тогда можно.

Он позвонил Дине, она открыла дверь в такой же, как обычно, мужской рубашке. Значит еще спать не ложилась, нервничала. Он поманил ее. Вышли к воротам.

- Ну, ты меня втянул...
- Знаю. Такая у нас с тобой работа. «Наша служба и опасна и трудна».
- Хватит фальшивить. Говори толком.
- Кто был?
- Сам. Чичигин.
- Ого!
- Мы ведь с ним были когда-то знакомы.
- Да? - Саша сделал вид, что не в курсе. - Что ты ему рассказала? Повтори все точно. Сказала о последних двух годах?
- Я не дура, соображаю. Ни слова.

Она повторила сказанное Чичигину. Что они узнали о поездке Шило в Тайвань в двенадцатом году, и что он там после эмиграции до сих пор крутится возле банка, что Чичигин фактически учувствовал в создании фирмы, об уставном фонде. Нашли даже подпись Шиловского под документом. То есть, что Чичигин давно знал о китайце и врал суду, когда это отрицал.

- Он даже вроде почувствовал облегчение. И спросил - и это все? Я сказала - этого мало? Всем покажем, что ты лгун, жулик и вор... Что я давно мечтала расчитаться...

- Она спохватилась и замолчала. Саша «не заметил» случайного «ты».
- А он?
- Посмеялся, сказал, чтоб отдохнула, если не хочу проблем, и... ушел.

- Ты его расстроила или он ушел довольный?

- Ты о чем?! - подозрительно спросила она.

Саша понял, что поняли его неправильно.

- В смысле, что мы его не сильно напугали? Как тебе показалось?

- Ах это... Мне показалось... Он думает, что до последних дел мы не добрались.

- Это я и имею в виду. Дал бы Бог.

- Саша, давай по рюмочке, а? И поищем дракона, это лучше всего помогает от стресса, проверенный способ.

- Диночка, не могу, я...

- Не могу или не хочу?

- Не могу. Договорился с Леней Спасовым. Хочу предупредить, чтобы не болтал и никаких контактов. - И для надежности добавил: - Он ждет на улице.

- Ладно, выпью сама. А с Леней ты зря связался.

- Почему? Он знающий и порядочный.

- Бояться стал последнее время. Мне все уши прожужжал - это незаконно, это незаконно.

- Все стали бояться в последнее время, это опять вошло в моду.

Леонид Спасов был немного постарше Саши. Он относился к распространенному типу юристов - был полноват, лысоват, солиден, в очках, и считал, что именно такая внешность вызывает наибольшее доверие клиентов. Он не был любителем приключений, а работал время от времени с Сашей, потому что в Одессе уже много лет существовало учебное заведение, чей попечитель личным примером доказывал, что юридическое образование отлично помогает обходить законы. Поэтому правоведов всех расцветок было в избытке.

Он провел Сашу в кабинет, делал вид, что недоволен поздним визитом, но в действительности был напуган. Он уже не один раз пожалел, что впутался в дело против такого опасного человека, каким был Чичигин.

- Ну, что там у вас стряслось?

Саша рассказал ему, что стряслось. И Леонид перестал сдерживаться.

- Ох, чуяло мое сердце. Не нужно было ни вам, ни мне связываться с таким человеком. Он на все способен. Говорят, он своими руками...

Саша попытался его успокоить теми же доводами, какими уговаривал себя, что Чичигин не станет рисковать, пока ему ничего серьезного не грозит.

- Сейчас самое опасное время. Если бы мы выступили, он бы, может, и опасался. Люди бы подумали *cuiprodest* - кому выгодно. А пока о нас никто не знает, возможно все что угодно. Он связан с бандитами... На улице подойдет бандит и пырнет.

Саша вспомнил о приключении на автобусной остановке. А может, Леня и прав? Но говорить ему это не стоит.

- Леня, у нас все связаны с бандитами. Такая особенность Одессы. Историческая. Кто самые известные одесситы? Писатели и бандиты. наших бандитов все знают - Бенья Крик, Мишка Япончик, Сонька-Золотая ручка. Из нынешних - Ангел. А из ученых один Мечников, и то потому, что университет его имени. Сейчас вся верхушка - особенно в строительном бизнесе - поголовно с ними накоротке, а многие оттуда родом.

- Это не только особенность Одессы. Я адвокат, знаю - до посадок «большой двадцатки» во многих городах Украины мэрии срослись с криминалом. Но вроде это закончилось. А тут опять... Чичигин ни перед чем не остановится. Он беспредельщик. Ты видел его рожу - рожа уголовника.

Саша хотел сказать, что раньше нужно было думать, но побоялся истерики. Солидный и уважающий себя правовед превратился в черт знает что.

- Леня, погоди. Чичигин с такой, как ты говоришь, рожей при всех властях подымался по лестнице. Что это значит? Он не беспредельщик, он на глупость не пойдет. Он реалист. Давай по делу. Со мной и Диной никаких связей. Вот тебе материалы, - он достал папку из сумки, - остальное у тебя есть. Готовь только обман с получением наследства - и больше ничего. То, что потом нашла Дина, не используй, ее не подставляй.

Он еще дал некоторые то ли советы, то ли распоряжения. Леонид более-менее успокоился, обещал за неделю подготовить черновик заявления в прокуратуру, Саша сказал, что напишет статью. Пока выступать не стоит - против лома нет приема. Да они и не готовы. Подождем сигналов от Чичигина. Должны быть.

Они попрощались, пообещав друг другу держаться.

Саша поехал домой. Вы уже знаете, он любил ехать медленно, не торопясь, когда было о чем подумать. Сегодня повод для размышлений был, и ночью - транспорта мало - в спину ему никто не сигналил.

Леня прав, у Чичигина достаточно исполнителей на любую легальную и нелегальную работу, и сейчас действительно опасный период - его может соблазнить безнаказанность. Нужно бы подстраховаться, объявить о нашей конфронтации. Хорошо бы в газете опубликовать анонс, «иду на вы» против Чичигина, ждите статью, и какой-то намек, вроде «если с нашим здоровьем будет все в порядке», что-то похожее на это, но тоньше и остроумней. Нужно подумать. Хотя редактор и босс вряд ли согласится. Однако анонс все равно нужно подготовить, и если Чичигин не даст о себе знать - тогда плохо, тогда придется к боссу и компаньону опять применить шантаж, дело уже привычное.

Когда он вернулся, Люба уже спала. У него сна ни в одном глазу. Сел писать анонс, но острота, которую он задумал, не рождалась. Писал, что в голову придет, черновик. Вот тут и потянуло в сон. Он тихонько забрался Любе под бочок и уснул.

Утром его разбудил звонок телефона - на часах без четверти девять. Люба с детьми уже ушла.

- Алло, я слушаю.

Грубый голос.

- Это Гулько?

- Да, я слушаю.

- Ты знаешь, кто говорит?

- Догадываюсь, - Саша старался, чтобы его голос звучал ровно. Со сна хотелось прокашляться, удержался.

- Вот и хорошо, что догадался, - он не уточнял, не называл себя, Саша не настаивал.

- Сейчас я занят, с тобой нет времени разбираться. Вот немного освобожусь, позвоню - поговорим. А пока я тебе советую отдохнуть. Лето, море, сколько можно работать? Отдыхай спокойно, - он еще раз с ударением повторил, - спокойно. Подожди, пока освобожусь.

- А сколько ждать?

- Неделя, две. Не горит. Будь здоров, Гулько.

Саша с Чичигиным говорил пару раз, голос и манера были такими, что не ошибешься. По фамилии и на «ты», понятно - демонстрировал, кто есть кто. И пауза, наверно для этого же - чтобы клиент нервничал. Клиент почувствовал, что нервничать будет, уже начал. И самое ужасное, чего Саша терпеть не мог, ничего нельзя предпринять. Только сидеть, ждать и прокручивать в голове бесконечные: «А может, он...»

Понедельник в газете был почти выходным днем. Он туда не пошел - выслушивать вопросы от хозяина и редактора не хотелось. Сел писать рассказ - настроение для творчества не самое подходящее, «ничего не вышло из пера его». Саша уже не в первый раз попадал в сложные положения, какая-то закалка была, но противники все-таки не были такими профессионалами и - главное - не имели столько власти. В общем-то, Чичигин прав, когда обращался к нему демонстративно уничижительно - на «ты». Саша может его - нет, даже не напугать - только расстроить, а для Чичигина в принципе нет ничего невозможного. Исчезнувших журналистов много, несущих за это ответственность почти нет. Такова реальность.

И Саша принял решение - демонстративно подчиниться приказанию Чичигина, отдыхать, не работать, всем своим поведением демонстрировать, что он спокоен, подчеркивать свое спокойствие и согласие на переговоры. Желательно сообщить о своем решении Чичигину, и в этом тоже проблемы не было. Саша позвонил Дине, она-то уж без сомнения на подслушке.

- Дина, привет.

- Явился, не запылелся. А я уже думала, что ты в местах не столь...

- Послушай, - перебил ее Саша, - мне сегодня позвонил тот же человек и посоветовал отдохнуть. Сезон отпусков, солнце, море. А через несколько дней мы с ним обсудим, что и как. Я думаю, мы с тобой так и поступим. Сколько можно трудиться без перерыва?

Дина помолчала. Потом со вздохом сказала:

- Хорошо, Саша, так и сделаем, хотя это скучно. Отдохнем. А для развлечения можно поискать дракона.

- Обязательно поищем. Как только...

- Так сразу, - отреагировала Дина. И опять вздохнула: - Пока.

- Пока.

Саша понял, что она напугана. Если честно признаться - и он тоже. Погода была не пляжная: небо заволочили тучи, шли грозовые дожди. Завтра обещали хорошую, завтра и начнет «отдыхать». А пока погода подходила для того, чтобы отоспаться за почти бессонную ночь.

На следующее утро он подождал, пока уйдут Люба с девочками, взял плавки, оделся полегче и попроще и отправился в Отраду на пляж демонстрировать свое решение. Машину оставил на прибрежной стоянке.

На пляже наметанным глазом журналиста-расследователя нашел двух симпатичных девушек в районе двадцати лет, неподалеку разложил подстилку. Дальнейшее было делом техники - он попросил посмотреть за вещами, пока пойдет купаться, для девушек его маневры

были тоже ясны. На пляже Саша выглядел неплохо, он поддерживал тонус - хоть и невысокий, но фигура пропорциональная и мускулистая.

День прошел хорошо, пообедали с пивом в кафе над пляжем. Потом перешли под зонтик, заказанный Сашей. Правда, он время от времени тормозил, привычной легкости не было, но время проходило незаметно. Даже одна, которая повыше, хотя они обе были далеко за метр семьдесят, приезжая из Черновцов, намекала, что она снимает однокомнатную квартиру. Но Саша не хотел давать наблюдению повод для лишнего шантажа, Чичигин это не тетя Вера.

По дороге домой он все-таки решил зайти к начальнику и редактору. Зашел на правах родственника домой. Семен Львович был один, семья по-прежнему на даче.

- Явился, не запыхался.

- Здравствуйте. Сейчас эта фраза в моде, - Саша сразу решил вызвать огонь на себя, чтобы избежать вопросов и жалоб. - Семен Львович, я хочу попросить у вас неделю отпуска. Пока юрист работает, мне делать особо нечего. Да и устал, ничего в голову не лезет.

Редактор потерял дар речи, во всяком случае связной.

- Когда тираж ниже плинтуса... квартира на волоске... долги душат... нет, чтоб написать что-нибудь.

- Я могу написать про тещин переулочек, - нашелся Саша.

- Ты что? Мэр сейчас под следствием, он опасен, как загнанный в угол... мэр, - хотел сказать зверь, но не решился.

- Ха! Хорошее название для статьи: страшен, как загнанный в угол мэр.

- Нет, я лучше буду тебе платить, чем связываться с мэром. Только этого мне не хватает.

На том и порешили.

Дома Саша сказал, что взял неделю отпуска в газете, у него одно частное расследование. Он соблюдал технику безопасности, знал, его отпуск выплывет - Люба с дядей были в контакте. Люба подозрительно посмотрела на его свежезагорелое лицо.

- Да, - на незаданный вопрос ответил Саша, - дело связано с сезоном отпусков.

Молчаливое согласие было получено.

Два дня прошли на том же пляже и в той же компании. Потом пляж пришлось поменять по двум причинам - вдали появились знакомые, и та, что повыше и довольно симпатичная, стала такой настойчивой, что Саша побоялся... проявить слабость.

На другом пляже, но тоже в Отраде, он пристроился к симпатичной женщине лет сорока, которая эмигрировала в Израиль еще в то время, когда жители, не надеясь на порядок в Украине, массово пересекали все границы в поисках денег и лучшей жизни. С ней было интересно, женщина неглупая, с образованием, которое на новой родине не знала, как применить. Она дала Саше хорошую тему для статьи. Вы уже знаете, что он был в определенной степени русофилом, хотя и не украинофобом, это не обязательно сочетается. И считал, что украинизация навязывается из сугубо националистических соображений. Разговор с Ритой - так звали израильтянку - натолкнул его на другой подход к этой теме.

Она рассказала, что понимает иврит, говорит на нем, но все-таки с трудом. А писать и читать еще труднее - и дело не в том, что справа налево. Все-таки то, что в детстве не выучил,

дается с трудом. Для туриста чужой язык экзотика, а житель в таком случае чувствует дискомфорт. Русского языка в Израиле осталось немного, большой заезд был пятьдесят лет тому назад. Дети привыкают, потому что сначала овладевают ивритом, русским постольку-поскольку, а взрослые, даже относительно молодые, такие, как она, находятся все-таки в серой зоне.

И Саша впервые подумал, что насилие - как он считал - националистов это одновременно и забота о молодежи. Уже сейчас даже в Одессе украинский звучит чаще, чем русский. Это правда, что все понимают друг друга, но в украиноязычной среде русскоязычный будет всегда себя чувствовать менее комфортно. Люба молодец - его девочки скорее украиноязычные, знающие русский, чем наоборот. Вот и он сам живой пример - если бы мог писать рассказы на украинском, его бы издавали чаще, и он наверняка бы уже был довольно известным. Это ли не дискомфорт? - еще слабо сказано. Чем выше запросы, тем дискомфорт больше. Он хотел бы перейти на тележурналистику, но русскоязычных каналов и программ осталось немного, сначала резали квоты, потом появилась привычка. Конкурс на русскоязычные огромный. Мог бы работать и на украинском, но тяжело, и - нужно признать - понадобятся курсы. Тоже дискомфорт.

- Не знаю, как в Швейцарии, а у нас, в Украине, так, - подвел он итог.

Рита была приятной собеседницей, но у нее тоже была отдельная съемная квартира, и Сашу мучила совесть - она тратила с ним напрасно золотые курортные дни.

Так он с трудом, но добрался до пятницы, когда, вы это знаете, у него был ужин в ресторане с Валентином и Аллой.

Нарастающая загадочность приключений Валентина, конечно, произвела на Сашу впечатление. Но как-то в абсолютную реальность этого верилось с трудом. Там была смесь мелодрамы и фэнтези, причем значительную долю этой фантазмагии Саша списывал на слишком бурную и экзальтированную фантазию друга. А у него суровая и опасная реальность, жесткий детектив. И вскоре реальность в его мыслях вытеснила занимательную, но во многом надуманную, по его мнению, мелодраму.

Суббота и воскресенье дались ему в кругу семьи особенно тяжело. Люба сказала:

- Саша, не темни, я же вижу, что ты какой-то не такой.
- Уже случалось, что я был какой-то не такой?
- Случалось. Но проходило.
- И сейчас пройдет, дай время.

В понедельник с утра Саша сел писать текст анонса, который мысленно назвал «Иду на «вы». В соответствии с планом пора было готовить контрмеры. Но дописать не удалось. Позвонил телефон, и приятный женский голос сказал:

- Говорит секретарь начальника городского отделения полиции. Вас Степан Захарович Чичигин приглашает в десять часов утра на прием.

Уф!!! Лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас...

Валентин

Теперь у Валентина появился еще один (и мощный) стимул снова попытаться дать «чудесам» какое-нибудь совершенно земное и реальное объяснение. А главное, избавиться от

подозрений в своем могуществе. Основа рассуждений все та же - его желания не должны и не могут исполняться, только сумасшедший верит в такое. Но пять совершенно маловероятных событий произошли после того, как он их пожелал. И этому были свидетели. И каждый новый случай перечеркивал все предыдущие попытки логических объяснений. В голове его, казалось, бесконечно перемалывались различные варианты этих объяснений, только от одной такой нагрузки можно сойти с ума - если этого еще не произошло.

И вот Алла, Алла... Он еще какое-то время пытался уговаривать себя не преувеличивать чувства к ней - было-то всего три встречи. Правда, он помнил, что для любви хватило одной встречи с Милой, но тогда он был моложе. Все возрасты покорны... Чувству не прикажешь... Любовь зла... Что еще есть из банального набора?

А может, это тоже наваждение?

У него был испытанный проверенный способ борьбы со своими недостатками, или тем, что ему недостатком казалось. В таких случаях он не только иронизировал над собой, но и мог от души поиздеваться. И часто помогало. Сейчас он с сарказмом представил себя Онегиным с бантом на шее, цилиндром на голове и лорнетом в руке. В двадцать первом веке!

Что шевельнулось в глубине
Души холодной и ленивой?
Досада? Суетность? иль вновь
Забота юности - любовь?

Карикатура удалась. Но пользы - никакой.

При одной мысли об Алле кровь прилиwała... нет, бросалась в голову, в груди возникало какое-то странное напряжение - он не мог даже мысленно объяснить себе это состояние. Радость и боль одновременно. Счастье и несчастье вместе. Может быть, думал он, в этом суть выражения «всеми фибрами души»? Он криво улыбнулся - сущая мелодрама, но спустя короткое время убедился, что от него ничего не зависело.

Проворочавшись осторожно, чтобы не разбудить Нину, всю ночь с пятницы на субботу, он не только примирился с этим - еще одним! - удивительным фактом, но и понял, как будет жить дальше. Он твердо решил оставаться порядочным человеком и - не дай бог, даже случайно, даже в нетрезвом виде, даже во сне - не пожелать, чтобы Алла его полюбила. Если его могущество просто бредовое следствие какой-то путаницы, все равно не стоит рисковать. Он должен оставаться честным человеком. И первым является его долг перед Ниной. Он обязан сказать, что ее муж стал не совсем нормальным. Делиться с ней «чудесами», в том числе и чувствами, которые тоже, может быть, относятся к «чудесам», он не будет, но знать, что в их семье далеко не все в порядке, - ее право. В этом сомнений нет.

Нина сама дала ему повод для объяснений. Утром, не открывая глаз и даже не подставляя их для традиционного поцелуя, она удивленно спросила:

- Мне показалось, или ты всю ночь ворочался и не спал? Как ни проснусь - ты спиной ко мне. Все-таки что-то случилось?

- Да, Ниночка, случилось, - решительно сказал Валентин.

- Ты влюбился?

Валентин подумал - ну и интуиция у этих женщин.

- Дело не в этом. Мне кажется, у меня проблемы с психикой.

- С психикой? - удивленно ахнула Нина и даже испуганно отшатнулась от него. - Ты хочешь сказать, что не совсем нормальный?

- А может, совсем ненормальный, - не удержался от сарказма Валентин.

Не нужно было, потому что Нина испуганно отодвинулась еще дальше и как-то съежилась. Валентину стало обидно, что она так легко поверила, и первой ее реакцией был испуг и дистанция, а не сочувствие и тревога за него. Впрочем, признался он себе, чего-то подобного можно было ожидать. Говорить ей, что жена должна быть с мужем не только в радости, но и в горести, смысла не имело.

- Ты можешь толком объяснить?

Валентин ответил жестко, жестче, чем следовало бы, вероятно он ощутил свое одиночество. Вспомнил, как наклонилась над ним чужая жена Ирина, когда он сказал: «Кажется, я сдвигаюсь. И конца этому не видно». Там была только тревога за него.

- Я стал совершать такое... не знаю, как сказать... такие вещи, которые нормальный человек делать не может. Что-то необъяснимое, от меня не зависящее.

- Делать от тебя не зависящее? - с ужасом повторила Нина, и это действительно прозвучало пугающе. - А у Гольдберга ты был?

- Черт бы вас всех побрал с вашим Гольдбергом, - повысил голос Валентин, и в нем зазвучали уже знакомые противные нотки. - Успокойтесь, пойду я к нему. Только это не по его части, ничего он объяснить не сможет.

Нина уловила главное.

- Значит, тебе уже советовали идти к Гольдбергу, значит, это уже многие видят?

- Не многие... но видят.

- Ужас, ужасно, - она собиралась с мыслями, потом с силами и наконец решилась: - Ты делал кому-то плохо?

- Получалось, что делал, хотя не уверен, что это был я.

- Не уверен, что это был ты? - по испуганному лицу ее покатались слезы. Она была откровенным и непосредственным человеком, поэтому тихо, почти шепотом сказала: - Валечка, миленький, я буду бояться спать с тобой...

Потом спохватилась и отчаянно прижалась к нему, правда как-то боком, преодолевая страх.

- Валечка, я дура и эгоистка. Но ты говоришь, что не знаешь, это ты или не ты.

Валентин подумал, что несправедлив к ней. Когда он болел гриппом, она ни за что не хотела уходить ночью из спальни, просто тогда была понятная для нее обычная житейская ситуация. Но каждый человек, поняв, что перед ним ненормальный, невольно делает шаг назад, хотя и говорит что-то успокаивающее. Он погладил ее по голове, и почувствовал, как она съежилась.

- Ты не совсем правильно меня поняла, - попробовал Валентин исправить ситуацию. - Я никого и пальцем не тронул, - он вспомнил скандал с рабочими и исправился: - Ну, не ударил. И не кричал, даже голос не повышал, кроме как недавно с этим чертовым Гольдбергом... Ну и еще как-то пришлось...

Нина эти заминки заметила и еще больше зажалась. Валентин продолжал:

- Просто мне всякое... чудится... и происходит...

- Галлюцинации? - наконец что-то появилось для нее понятное.

- Да, только очень реальные.

Они помолчали. Поза у Нины была неудобная и напряженная. Поэтому она предложила:

- Пора вставать. Нужно поднимать Милу, готовить завтрак. У Регины Сергеевны выходной. - И только тогда, когда между ними было приличное расстояние, добавила: - А все-таки поскорей пойдешь к Гольдбергу.

В субботу у них был рабочий день, и Валентин постарался прийти домой попозже.

Они пытались вести себя, как обычно, плохо получалось. Не дожидаясь вопроса, Валентин сказал, что Гольдберг уехал в отпуск. Это была правда. Когда Нина уложила Милу, Валентин сказал:

- Не сердись, Я думаю, лучше будет, если я посплю у себя.

Нина проглотила слезы и не ответила. Он не мог вспомнить, когда она плакала, - всегда напевала, улыбалась, смеялась. Хорошая жена ему досталась, но он был очень доволен, когда улегся спать на своей тахте. Наконец пригодились.

В воскресенье они обычно втроем ехали на море, Валентин с вечера попросил его не будить, нужно поработать. Отоспался за прошлую ночь. Нина с Милой приехали поздно - гостили у Любы.

- Люба говорит, что Саша тоже какой-то смурной. И у нее тоже какие-то неприятности по работе, но она не хочет Сашу расстраивать. Ты ее знаешь - железная леди.

Валентин слово «тоже» постарался не заметить.

Вторая ночь на тахте была беспокойной - Валентин готовился к последней встрече с Аллой. Вначале он собирался сразу перейти на более поздний автобус, но потом решил все проверить и до конца понять. Одна поездка!

Конечно, когда Алла появилась в проходе, кровь прилила к лицу, в груди уже возникло знакомое напряжение и все прочее, что соответствовало выражению «всеми фибрами души»... Это уже была не мелодрама, а какая-то... вампука. Утешало только одно - сознание, что в последний раз. И что этот последний раз был необходим, чтобы убедиться, что он должен быть последним. Вот такой, немного путаный, но решительный вывод Валентин сделал еще до начала разговора.

Алла приветливо улыбалась, Валентин приложил все усилия, чтобы вести себя нормально. Не все получалось. Он косился в окно, но видел ее лицо, шею, руки, грудь, в его чувствах была смесь лирики и физики. Что поделаешь, теперь ему не девятнадцать. Как бы он хотел ее обнять и прижать к себе...

В этот момент заскрипели тормоза, и автобус вильнул. Аллу бросило к нему и вперед. Валентин обхватил ее рукой за плечи, вернул в кресло, и она автоматически прижалась к нему.

- Что такое?

Что случилось?

Кого-то чуть не задавили?

Не кого-то, собаку...

Пассажиры постепенно разбирались в ситуации.

Валентин убрал руку. Алла пришла в себя и отодвинулась не сразу - рывок был сильный.

- Ну и реакция у вас, спасибо, вы спасли меня от травмы.

А Валентин думал: «Это шестой случай? Нет, вряд ли, так можно сотню насчитать. Скажем, пятый с половиной. И все-таки хорошо, что последний раз. Мазохизм высшей пробы».

Разговор по его инициативе перешел на жениха Аллы, Игорька. Он хотел узнать, действительно ли Алла его любит. Собственно, это и было целью поездки. Она охотно откликнулась на эту тему. Он юрист; несмотря на молодость, компаньон фирмы, осенью будет готов дом в соседнем районе, высотка, там он купил отличную квартиру, пентхаус с видом на море. В голосе Аллы был и восторг, и счастье... и любовь к Игорьку. Валентин узнал все, что хотел. Поддерживать разговор становилось все труднее, благо природа пришла на помощь. Прогноз обещал дожди, грозы, ветры, и все это действительно началось.

«Подходящая киношная обстановка для последнего дня, - подумал Валентин, - режиссеры стараются».

Когда они приехали на свою остановку, дождь, к счастью, прекратился. Автобус добросовестно подрулил к бордюру, но лужа залила и часть тротуара, метра два-три. Приходилось со ступенек спускаться в воду. У Аллы были легкие туфли, почти открытые. Она нерешительно выбирала место, куда ступить. И Валентин напоследок решил доставить себе удовольствие. Он подхватил Аллу под мышки, поднял и на вытянутых руках перенес на сухое место. А она, напомним, была не намного ниже его ростом.

- Спасибо. Какой вы, оказывается, сильный, - немного растерянно улыбнулась Алла.

- Жилистые все сильные.

В этот момент опять пошел дождь, они взбежали по лестнице и разбежались в разные стороны.

- Пока.

- До среды, - прокричала Алла ему вслед.

Было очень тяжело. Сплошная черная полоса без просветов. Конечно, Алла, и в первую очередь, Алла... Очень много сил уходило на то, чтобы не попытаться под разными предлогами с ней увидеться. Он прочувствовал смысл еще одного выражения - «перед внутренним взором», там она находилась даже во сне. Погода была плохая, лил дождь, и это помогало преодолевать желание выйти и посидеть на скамеечке в садике сбоку от магазина - а вдруг выйдет. Это было что-то даже не мальчишечье, а детское, говорил он себе, и все-таки в среду после обеда вышел, устроился на скамейке за кустом... Стыдно вспоминать! Черт-те что. Она его чуть не засекала. Владелец фирмы, будущий миллионер и компаньон в строительной фирме! Это был урок.

Но и дома было не лучше. Когда он пришел после работы, Нина, краснея и заикаясь, сказала:

- Валечка, Регина Сергеевна попросила... у нее ремонт... - но она была слишком бесхитростной и врать не могла. - Валечка, не сердись, я попросила ее пожить у нас, пока... пока все не образуется. Я знаю, как это ужасно. Но я... - И опять слезы.

Да, это было ужасно, Валентин почувствовал, что никогда не сможет ей этого простить. Не только не поддержала, но фактически лишила его дома, он тут теперь под наблюдением... Не дом, а стационар.

- Можно? Она нам не чужая.

Он только пожал плечами.

Нина ушла на кухню, потом оттуда с тарелками вышла Регина Сергеевна.

- Напугал? - коротко спросила она. Но в голосе не было неодобрения, скорее сочувствие.

- Будете травить?

- Не буду. Каждый из вас по очереди не сдает экзамен. Это плохо.

Больше они к этой теме не возвращались.

В офисе он взвалил на себя все, что возможно. Работу Ирины само собой, отправил в отпуск «девочку» Рену. Болтался под ногами у Гриши и его бригады, которая перешла в новую десятиэтажку, где он тоже выкупил четыре квартиры. Раз в месяц нужно было ездить для контроля в свои отделения - он ездил по два раза. Только загрузка и отвлекала. Он сам замечал, что становится нервным и дерганым, но старался, чтобы это было незаметно. Пока удавалось.

Потом подошел тяжелый день воскресенье. Но оказалось не так плохо - пока он спал до десяти часов утра, Нина с Милой уехала на пляж, потом в гости к Любе. Плохо, что стало меньше общения с Милой. Вы помните, что Нина была «завятой мамой», она знала, что не должна этого делать, но все время опасно косилась, когда он возился с дочкой... К причинам не прощать добавилась еще одна. В сердцах он как-то сказал:

- Я ей родственник, - и отвернулся, зная, что увидит слезы. Их стало в последнее время много, и кроме вреда, они ничего в дом не приносили.

В понедельник с утра опять был приступ - тянуло успеть на предыдущий рейс автобуса. Он поиздевался над собой всласть.

- Страсти-мордасти. Как ждет любовник молодой минуты верного свиданья. Страдания молодого Вертера. Большой мужчина плачет от обид, не дай вам бог, увидеть, как он плачет.

Последняя цитата его развеселила. Помогло. Приехал поздним автобусом - и сразу за работу.

А ближе к обеду позвонил Николаич и сказал, что вернулся из Крыма и хотел бы поговорить.

- Если ты свободен. Заодно и пообедаем.

Валентин с радостью согласился.

Они обедали в кафе недалеко, внизу, на трассе.

Заказали триста водки - Николаич был старой школы, Валентин поморщился, но промолчал.

Потом шашлыки и прочее по мелочам.

Николаич выглядел немного усталым и пожаловался:

- Надоело мотаться сюда-туда. Не тот возраст. Ты когда собираешься впрягаться?

- Может, раньше, чем вы думаете. Как вы смотрите на то, чтобы я подменил вас в Крыму?

Николаич вопросительно на него посмотрел:

- А есть причина?

- Обдумываю вариант, - он действительно думал над таким решением сразу всех проблем.

- Что-то дома? Все говорят, что жена у тебя хорошая. И мне нравится. Это временное завихрение? Тогда нехорошо. Работа не должна зависеть от настроений.

- Кажется, на год-другой мне лучше уехать.

- Я постараюсь ответить, думаю, днями.

После второй рюмки Николаич сказал задумчиво:

- Интересно, какая муха тебя укусила? Вероятно, очень красивая муха, - он целил в Ирину.

Валентин решил поменять тему.

- Николаич, а если спросят, откуда я взял деньги на пожертвования?

- Если кто спросит, останется без языка. Все схвачено. Там такие силы! Знаешь, кто в правлении фонда? Фаворит, - он со вкусом произнес это слово, - тещи мэра.

- У тещи есть фаворит?

- А что, у мэра жена молодая, и теща не старая, а фаворит еще моложе, как и должно быть. Теща бизнесумен, а каждый миллион в матримониальных, - тоже со вкусом сказано, - отношениях уменьшает возраст на пять лет. Я тоже хочу жениться на молоденькой. Надоел адюльтер! - эффектно закончил он.

- Насколько молоденькой? - спросил Валентин. - Тогда я посчитаю ваши запасы.

Николаич рассмеялся и погрозил пальцем.

- Если исходить из этого, то меня обвинят в педофилии.

И заказал еще сто грамм - на посошок.

Валентин пришел в офис в четыре часа. Обед был хороший, но все равно от двухсот грамм что-то в голове и настроении осталось...

«Еще посижу часа три - и домой. В стационар».

В дверь кабинета постучали, вошла «девочка» Оля.

- Вас спрашивает какая-то девушка.

Она посторонилась, и вошла Алла.

- Здравствуйте, - она покраснелась, наверно от смущения, и была необыкновенно красивой и очень молодой.

Валентин растерялся, даже не привстал, только показал рукой на стул, стоявший возле окна.

- Здравствуй, садись.

Оля испарилась.

Алла немного растерялась, взяла стул и села не прямо напротив стола Валентина, а немного наискосок.

- Я просто хотела узнать, почему вы не ездите на работу, может, заболели... телефона у меня вашего нет. И еще одно - извините, может это неприлично, но Игорек просит, если можно, дать мне фотографию вашей девушки, которая так на меня похожа. Еще раз извините, но это так редко бывает...

Валентин молчал.

- Извините...

Дело было не в остатках двухсот грамм, а в том, что нужно пробовать выбираться из дурацких положений, в которые он непрерывно попадал последнее время. В критические моменты решительности у него хватало. Нужно отсечь раз и навсегда все возможные соблазны, поставить прочную и глухую стену.

- Аллочка, это очень хорошо, что вы пришли. Фото, конечно, дам... Но я не об этом. Я хочу попросить вас о помощи.

На ее лице появилось удивление. Валентин, как ни странно, обращался к ней то на «ты», то на «вы», сказывалось напряжение момента и, возможно, последствия двухсот грамм.

- Да, не удивляйся, ты можешь мне помочь, и даже очень. Дело в том... Наберись терпения и дослушай.

Он сделал паузу. Подыскивал слова.

- Я вижу, ты счастлива. И первую любовь... нет, первую настоящую любовь нужно беречь, потому что второй может не быть.

- Да, конечно. Но я не понимаю...

- Я к чему говорю? К тому, чтобы ты не принимала это как объяснение. Просто мне нужно знать, что ты все знаешь, и это не позволит мне валять дурака, выглядеть глупо. Меня отрезвляет, когда глупо выгляжу, такое я плохо переношу. В этом и заключается твоя помощь.

Вид у Аллы был очень растерянный, она не понимала, о чем речь.

- Когда Мила погибла, я сразу понял, что больше по-настоящему никого полюбить не смогу. И не ошибся. Так было пятнадцать лет. Я относился к женщинам лучше, хуже, но это была не любовь.

Алла покраснела, кажется, она стала догадываться, что будет дальше.

- Но вы женаты? - удивилась она.

Валентин только неопределенно пожал плечами.

- Кто знает, почему так случается... Может быть потому, что ты так похожа...

Несмотря на полную растерянность, женщина в Алле все-таки вставила:

- Копия.

- Но это случилось. Я неожиданно для себя тебя полюбил. Не влюбился, а полюбил. Очень недолго я пытался бороться, но потом понял, что это сильнее меня. Намного сильнее.

Алле казалось, что он смотрит выше ее и говорит больше для себя, чем ей.

- Удивительное чувство... это чувство. Все говорят, что я консерватор, реалист и даже скептик, но стал думать как романтик и такими поэтическими словами, которые мне раньше даже в голову не приходили. Всеми фибрами души, - все время вижу тебя внутренним взором, - хоть редко, хоть в неделю раз в деревне нашей видеть вас, - как дай вам бог, любимой быть другим...

Он посмотрел ей в глаза, увидел в них только растерянность. А что еще могло там быть? И продолжал:

- Мне все время хочется - слабое слово хочется - тянет, тащит, толкает увидеть тебя, посидеть с тобой рядом. Может быть, автобус опять вильнет.

Алла вспыхнула.

- Я уже не думал, что на такое способен... и все в пустоту. Тяжело, Аллочка, все время тянет нарушить табу, которое я наложил. Теперь, когда ты все знаешь, должно быть легче. Если я представлю, как ты при встрече помотришь на меня - с досадой, а может еще хуже - с жалостью, то это должно отбить всякую охоту. Вот в чем твоя помощь.

- Почему, можно просто сохранять хорошие отношения, - неуверенно сказала Алла. Она была явно огорошена происходящим.

- Нет нельзя. В Желтковы я не гожусь. Ты читала «Гранатовый браслет» Куприна?

- Нет, кажется, нет.

- Это о безответной любви. О безмолвном обожании. Не знаю, может, когда все успокоится, устанется, и я буду с благодарностью вспоминать это чувство. Может быть. Но сейчас разрывает надвое.

Он замолчал, но последние слова, произнесенные им тихо, казалось продолжали звучать, повисли в воздухе.

Наконец Алла прервала молчание:

- Валентин, но ваша жена...

- Аллочка, моя жена предала... да, пожалуй, так... предала. И это случилось, в сущности, до вас, вы к этому не имеете отношения. Да, собственно, и ко всему остальному, вы без вины

виноватая. Так что не волнуйтесь. - Он улыбнулся. - Будем заканчивать эту мелодраму, извините, что втянул вас в историю. Но я доволен, что сказал, надеюсь, мне поможет, а вам спасибо.

Алла не знала толком, как себя вести и как реагировать, ей хотелось только одного - попроситься.

- Да, - понял ее желание Валентин, - дай твой номер телефона, я перешлю фото для Игорька.

Какое-то время они занимались этим, затем Валентин встал и вышел из-за стола.

- Ну, на этой положительной ноте будем прощаться. - Алла встала. - Еще раз извини и не поминай лихом.

Он взял ее за плечи, хотел поцеловать в лоб, но она была почти такого же роста - поцеловал в губы. Легко, по-дружески. Она отнеслась к этому спокойно, только сказала:

- Понятно. Были граммы и градусы.

Валентин засмеялся, он определенно почувствовал облегчение.

- И поэтому тоже.

Алла кивнула, пошла к двери, открыла ее, неожиданно повернулась и сказала:

- Сегодня утром тоже был дождь. Когда я выходила из автобуса, промочила ноги.

Это прозвучало укоризненно.

И ушла.

Она все-таки не расстроилась. Объяснения в любви, даже ненужные, женщин редко огорчают, только тогда, когда они назойливо повторяются.

Саша

Лицо Степана Захаровича Чичигина имело все банальные, используемые во всех видах искусства черты бандита - низкий лоб, густые жесткие волосы. Маленькие, глубоко спрятанные глазки и мощный подбородок. Правда, в глазках светились хитрость и ум, что, впрочем, не противоречило облику классического бандита. Для компенсации природа выдала ему крепкую и пропорциональную фигуру, в которой чувствовалась сила. Хотя в сочетании с его лицом эта сила выглядела хищной. Но такое впечатление могло быть следствием предубеждения. И входя в кабинет Чичигина, Саша подумал, что при таких внешних данных в наше сложнейшее время добиться положения начальника городской полиции - для этого должно быть семь пядей в его низком лбу. Нужно быть настороже.

Голос у Чичигина тоже был соответствующий, наждачный вариант, но говорил он нормально, достаточно интеллигентно, и это тоже не вязалось ни с голосом, ни с внешностью. Интересно, как он общается с женщинами, которыми интересовался - ходили слухи, - несмотря на свои 67 лет? Его жена умерла несколько лет тому назад.

- Здравствуй, Гулько. Тебе не спится спокойно, ты опять за свое.

- Здравствуйте, Степан Захарович. Вы хотите сказать, - тут же нашелся Саша, - что теперь я должен спать беспокойно? Это предупреждение? И нужно опасаться бандита с ножичком?

Чичигин презрительно фыркнул; понятно, бандит с ножичком мелко, не его уровень. Совпадение, так Саша и думал.

- Да, тебе палец в рот не клади.

Саша невольно посмотрел на его могучие пальцы, но шаблонно острить на эту тему не стал.

- Гулько, давай так. Не будем тратить время. С тобой заведешься - я на пенсию не успею, - он беззвучно рассмеялся.

«Хорошо придумал, что беззвучно, - подумал Саша, - наверняка звук бы был жутковатым».

- Ты детективы читал и даже писал, и работаешь в этом жанре. Программу таких встреч знаешь. Вначале я должен сказать, что мне все известно. И примерно так и есть. Мы в компьютере Зак давно. В твой тоже вошли, но ты успел все убрать, когда Дина тебе позвонила. Мне интересно одно (сделай жест доброй воли), как ты через столько лет вышел на Шиловского? Мы так его прятали. И контакты с ним - через Марс.

- Делаю жест доброй воли, - Саша решил налаживать отношения, - узнал его в аватаре в вашем Фейсбуке.

- А-а-а. Один за всю историю экстренный случай - и тот прокол. Спасибо, Гулько. Мучился бы... Ответ за мной, не заржавеет, - Чичигин стал играть доброго следователя, нужно быть осторожным. - Ну, давай, рассказывай, что знаешь.

- Вы должны предупредить, что ведете запись разговора.

- Ой, не смей меня. Ты не в Лондоне. Но если серьезно, как жест доброй воли, ничего я не записываю, не уверен, что все, сказанное тобой, должно быть зафиксировано. То, что нашла Зак, суд не примет, а то, что скажешь ты, да еще после предупреждения, уже будет официально, я не уверен, что мне это нужно.

Саша подумал - в этом есть логика.

- Не запишете вы, запишут другие.

- Не валяй дурака, не в этом кабинете. Здесь не пишут.

И Саша осторожно, неторопливо рассказал все, что Чичигин мог узнать из Дининого компьютера. До миллионов последние два года.

- Хорошо, ты сказал почти все, и я знаю, где ты остановился. Давай обсудим этот этап. Ты понимаешь, что для обвинения и приговора, данных нет. Понимаешь? Только сенсация. Ты в газетах на время станешь популярным, а я дерьмом, только и всего.

- Тоже немало.

- Немало для тебя и мало для меня. Мало приятного. Обливание в газетах, вызовы в суд. На старости лет. Я привык признавать проигрыш, не биться лбом о стенку и искать компромисс. Тем более, что ты - молодец, такое раскрутил...

Он пытался сделать доброе восхищенное лицо - результат был ужасен. Может быть, поэтому Саша взвился, чего делать было не нужно.

- Вы хотите сделать мне встречное предложение? Но я в такие игры не играю. Мне многие предлагали, и не было случая, чтобы я...

- Это другие предлагали, а не я, - тоном доброго следователя сказал Чичигин, - когда я предлагаю - соглашаются. И ты согласишься.

- Нет, - уверенным голосом сказал Саша, хотя все внутри дрожало. - Я знаю, что расследователь рискует, и выбрал профессию сознательно.

- И я выбрал свою. Как ты думаешь, что я делал неделю, пока ты загорал и купался? Искал твое слабое место. И нашел. В Фирме «Мажестик», где работает твоя жена Люба, серьезные неприятности. Там на днях обнаружили крупные махинации через бухгалтерию с налогообложением. Фирма крупная, махинации тоже. Связано с оборонкой, по закону нет освобождения под залог.

Саша не мог произнести ни слова. Всё рассчитал! В Украине такие дела отрабатывались годами, на этом держалась любая власть - открывались дутые дела и закрывались настоящие. Чичигин прочитал его мысли.

- Да, это мы умеем. На этом и стоим. Это кнут. Но есть еще один кнут - вместе с пряником. Пряник можешь не брать, но кнут оставляю.

Саша молча слушал, говорить ни сил, ни желания не было.

- Я должен себя защитить. Что я предлагаю. Ты сейчас запишешь на видео - никаких бумаг, бумагу не спрячешь, только видео, - что накопал на меня компромат, который может навредить моей репутации, не уточняй какой. И ты предложил мне заплатить за него, употреби слово шантаж. И я заплатил за это... ну, пятьсот тысяч мало, не звучит, миллион много, звучит как липа. Я тебе заплатил семьсот тысяч долларов.

- В обе руки, - впечатленный цифрой по-одесски с ударением на букве «у» отреагировал Саша.

- А что, мое здоровье стоит этих денег. Я передаю распоряжение своей офшорной фирме на твои документы и код эй джи 210934 выдать эту сумму.

- Эй джи это - Александр Гулько и потом код моего счета в банке?

- Да, чтобы ты запомнил. Не хочу ни в каком виде тебе код передавать, бумажка, Интернет, телефон - это документы.

- Ха! В обе руки, - опять по-одесски повторил все-таки огорошенный Саша.

- Гулько, научись соображать. Можешь взять в любое время. Мне выгодно, чтобы - если будут проверки - все было по-настоящему. Скупой платит дважды.

Чичигин посмотрел на Сашу и убедился в том, что сочетание Люба-кнут и сумма-пряник произвела впечатление.

Они помолчали. Потом Чичигин сказал:

- Теперь перейдем ко второй части. Последние два года. Я в курсе дела.

Саша напрягся.

- И хочу быть честным. Не кривись, так и есть. Тут я не при делах. Вы догадались, что есть человек, которому срочно нужно переправить деньги, у него земля горит под ногами. И я ему отказать не могу - будет со мной то, что получилось с тобой. Я только в банке намекнул, что деньги у него есть, и умыл руки. Этот человек последнее время потерял над собой контроль, отвязался, сейчас он беспределщик, а возможности у него не меньше моих. Я ему про вас не говорил, и не скажу, не в моих интересах, за себя боюсь. Он и так тебя помнит, ты ему успел стать насолить. Лучше, чтобы он о тебе забыл. Поэтому советую отвечать за базар, как говорят мои клиенты. Если кто-то вякнет о банке, то сразу закроют там деньги и потом заберут по закону об офшорах. Тогда наши договоренности гроша не стоят. У него там, за границей вся надежда. Я не хочу называть этого человека.

- Я догадываюсь, - сказал Саша.

Он вспомнил слова прораба Глеба: «Босс совсем отвязался, когда это следствие началось. Как двадцать лет назад». И Чичигин говорит «отвязался». И стать насолить - откровеннее не скажешь... Эта угроза опаснее, потому что Чичигин, во-первых, ничем особенно не рискует, а во-вторых, он нормальный человек, не «отвязался».

- Ну, Гулько, я на час ушел. Думай думу. И о Зак подумай, я ее пока не трогал. Можешь позвонить жене.

Опытный человек.

Саша позвонил Любе, получил косвенное - на прямое она не решалась - подтверждение словам Чичигина, впрочем, в этом он не сомневался.

Саша решился. Люба - главный довод. И Дина. Но и остальные выглядели обоснованно. Не было варианта.

Они все оформили и отсняли.

А на прощание Чичигин проявил верх благородства.

- Я думаю, ты захочешь взять дело у Спасова, - все знает! - и подстраховаться. Спрятать дело, и если у тебя возникнут неприятности, то все опубликуют в газете. Я не против. В моем случае это еще одна страховка, а вот в другом, - он показал пальцем наверх, - как зонтик от бомбы, - и он рассмеялся беззвучным смехом.

Прощаясь, они пожали друг другу руки как нашедшие общий язык заговорщики.

Прежде всего Саша позвонил Любе, сказал, что узнал по своим каналам - дело в ее фирме дутое, продолжения не будет, может не волноваться.

- Что? Как? Откуда ты знаешь?

- Извини, меня ждут. Дома поговорим. Но это точно. Только никому не говори. Ни слова.

Теперь в порядке ответственности была очередь Дины. На всякий случай он вызвал ее в садик на скамеечку и в принципе обо всем рассказал, хоть и без лишних, по его мнению, подробностей. Включая подозрение в отношении мэра.

- Смотри, Дина. Тут действительно может быть все что угодно. Ни слова, ни полслова.

- Я тоже слышала, что он слетел с катушек. Конечно, после того, что ты подписал, вроде легче стало. Хотя - выступил с кляузой на себя, признал, что ты вымогатель и укрыватель воров, - вот такой современный журналист.

- Я и сам себя чувствую, как в дерьме, извини, вымазанный. А что было делать?

- Да, нечего. Но я и Чичигину не верю. Он человек хитрый и жестокий.

- Может, старость. Пенсия, размяк. И мэра боится... Слушай, а ты не можешь порыться в его компьютере?

- Могу. Но не буду, - она помолчала. Потом махнула рукой. - Ты, наверное, знаешь, но притворяешься. Я когда-то была у него дома. Пробы негде ставить, а ты говоришь размяк. Такие не мякнут, то есть не мокнут, то есть, - она опять махнула рукой, - то есть остаются сволочами. Я ему в компе спящий вирус оставила. Можно разбудить и влезть.

- Так в чем дело?

- По нему меня обнаружить пара пустяков. А мне жить хочется.

- Да, тогда не надо.

- А знаешь, что мне еще хочется? Выпить. Пошли ко мне. У меня есть на любой вкус. И нельзя будет об этом деле говорить, что очень хорошо. Надоело.

Саша тоже почувствовал, что напряжение и стресс требуют выхода. Было около обеда, идти некуда... Нужно бы зайти к Спасову, но если Чичигин о нем знает, то и завтра будет не поздно.

- Пошли!

Они хорошо выпили и более-менее прилично закусили - кулинария была не самой сильной стороной талантов Дины. И потом, так получилось, поискали дракона. Несколько штук нашли.

Вы уже наверняка заметили, что мои герои в крайних стрессовых ситуациях применили одинаковый метод лечения. Ну что ж, не только они так иногда поступают. И не только мужчины...

Вечером слегка заплетающимся языком он объяснил Любе, что получил информацию от одного вы-ы-ысокопоставленного источника под честное слово. Он обещал, что никому - даже жене, такое было условие - этот источник не выдаст.

- Ты хочешь, чтобы я нарушил журналистское слово. Чтобы, когда я посмотрю на тебя, то вместо мыслей о любви, у меня возникли воспоминания о потере чести журналиста?

Он получил легкий подзатыльник - такое у них бывало.

- Перестань нести околесицу и ложись спать.

Пронесло!

Кстати, на следующий вечер Люба ему рассказала - им сообщили, что проверка подтвердила невиновность фирмы, и извинились за беспокойство. Оперативность Чичигина убеждала и... настораживала. Уж очень он хотел тишины.

Утром в среду Саша позвонил Спасову.

- Леня, привет, теперь можно общаться, - и перебил поток вопросов. - Приеду, тогда все расскажу. Дело готово?

- Два дня как, но я...

- Выезжаю. До встречи.

Вариант переговоров с Чичигиным, который он сообщил Спасову, само собой, был сокращенным. Чичигин согласился со всеми обвинениями, но угрожал не Саше - он знал его стойкость, - а близким и участникам.

- Мы подписали соглашение о ненападении, как Сталин с Гитлером.

Спасов кисло улыбнулся.

- Он знал о тебе, - этот довод убедил законника окончательно. - Чего бы ты еще хотел? Обвиняемый признал вину, ты получил деньги и избежал неприятностей.

На прощание Леня благодарно рыдал у него на плече - фигурально говоря.

Теперь оставалось два дела. Одно - нужно незаметно папку Спасова передать надежному и проверенному журналисту Эдику Довганю. Лучше не сегодня. А сегодня... сегодня предстоит второе дело, тяжелое, ужасное, из которого не было практически никакого выхода, - сообщить шефу и дяде Любы, что бомбы не будет и денег тоже. К чести - мне кажется к чести - журналиста Гулько клевать на приманку Чичигина и брать грязные деньги не собирался. Даже мысли такой не было. Кроме моральных соображений, это бы означало зафиксированное участие в грязной афере.

Медленно, под громкие и нервные сигналы следующих за ним машин он поехал в редакцию. С чувством идущего на эшафот, поплелся в кабинет редактора, на ходу здороваясь с немногочисленными сотрудниками.

На этот раз Семен Львович с самого начала не выглядел ни решительным, ни энергичным. Он посмотрел на унылую физиономию Саши и все-таки спросил - надежда умирает последней:

- Ну как? Будет сенсация или не будет?

Саша набрал воздуха и решительности, не стоило резать по кусочкам.

- Я потерпел окончательное фиаско. Дела не будет.

Редактор обмяк на стуле.

- Это была пустышка? Или ты не смог...

Честь потерпевшего фиаско все-таки была задета.

- Семен Львович, я доказал, что Чичигин - помните его дело? - тогда соврал о том, что не знал родственника. Он подготовил этот манекен, муляж заранее, и это были его деньги.

Редактор начал было восстанавливаться на стуле, потом опять обмяк.

- Чичигин это не просто бомба, это атомная бомба. Я даже не знаю, огорчаться или радоваться, что у тебя фиаско. - Но тут он вспомнил о долгах и немного напрягся. - А почему тогда фиаско?

- Потому, что это Чичигин, он поставил такие условия, из-за которых мне пришлось сдаться. Вы знаете, он на все способен.

- Хуже, чем потерять работу и квартиру? - с сомнением протянул редактор. - Что может быть хуже, даже тюрьма не будет хуже...

- Вы так думаете?

- Ты знал, чем рисковал. А получается, что ты говоришь извините, а я теряю абсолютно все.

- Семен Львович, вы тоже не зря рисковали. Если бы мы не искали сенсацию, то прогорели бы точно так, как горим сейчас. И работу бы вы все равно потеряли.

- Но не квартиру.

Саша хотел рассказать об угрозе по поводу Любы, но это было рискованно. И неизвестно, помогло бы. Люба наотрез отказалась закладывать свою квартиру, а если бы согласилась, тогда у ее дяди оставалась возможность сохранить свою. Такое бесследно не проходит.

Саша решил заканчивать.

- Семен Львович, продолжение еще может быть, - редактор от удивления почти выпрямился, - но в плохом варианте. Я приготовил страховку. Если со мной что-то... скажем, произойдет... не буду каркать... так вы сразу напечатайте этот анонс.

Саша передал ему анонс (вы помните, надеюсь, о чем речь), что вскоре будет сенсационное разоблачение Чичигина и далее - «если с нашим здоровьем будет все в порядке».

Редактор быстро пробежал страницу глазами.

- Если понадобится, добавьте, что не напрасно мы заботились о здоровье; конечно, не дай бог. Дело готово, вам его сразу после анонса пришлют, и если не будет других сигналов, публикуйте. Но только если действительно будет ЧП. В залоге у вас я, - он посомневался, но все-таки добавил, - и ваша племянница.

Босс опять потух. Дачи он точно лишится и, кажется, квартиры тоже. Он доставил себе последнее удовольствие.

- Ты уволен. Передай привет Любе.

Теперь нужно бы подумать, как жить дальше. Без работы - это не проблема. А вот все время находиться под дамокловым мечом подписанного и заснятого самоговора - это ужасно. Ведь это соглашение рано или поздно может попасть к кому-то другому; цинично говоря, и сам Чичигин не вечен. И вообще, сознавать, что где-то есть такой документ... Бр-р-р!

Посмотрел на часы - среда, полтретьего. Решил дать себе следующую неделю в качестве заслуженного отдыха и стараться изо всех сил о будущем не думать. Но новую неделю не протянул, необходимости в пляже уже не было, а желания тоже.

Дотянул до очередной среды. И решил дать ответный ужин Валентину в ресторане «Глечик». Настроение было самое подходящее. Он позвонил - телефон занят. Спустя пару минут снова набрал номер - опять занято. Человек трудится. Через минуту звонок - Валентин.

- Саша, привет. Мы звоним друг другу, не заметил? Встречный звонок.

- Привет. Значит накипело?

- Накипело.

- Тогда сегодня в пять в «Глечике». Банкет за мной. Успеешь?

- Успею.

Хочу сказать читателю, что не случайно уточняю дни недели. Потому что события буквально наступают одно другому на пятки.

Фьюче ин зе паст

Настроение было у обоих хреновое, как сказал Саша. Валентин его поддержал и добавил, что это еще культурно сказано.

Они прежде всего дружно заказали четыреста (!) коньяка, потом Саша на правах хозяина ужина распорядился о закусках. Пока не принесли спиртное и первые закуски, оба хранили молчание. Потом выпили по солидной порции.

- Как водку хлещем, - проворчал более требовательный к этому процессу Валентин.

- Значит, припекло.

Закусили. Еще пару минут помолчали. Откинулись на стулья в ожидании эйфории. Эйфории не последовало, но облегчение наступило.

- Ну, давай обмениваться гадостями, - сказал Саша.

- У меня не гадости. Нет, это точно не гадости.

- У меня определенно гадости, - настаивал Саша. - Но одна беда: делиться подробностями не могу. А возможным результатом - пожалуйста. Я весь в говне и могу в таком непотребном виде вознестись на небо в любой момент. Представляешь, как меня там примут?

Валентин оценил фразу:

- Ты бы где-нибудь записал, чтобы не забыть. Очень впечатляет по форме.

- И точно соответствует содержанию. Без преувеличения. И на этом я вынужден остановиться. А у тебя что? Продолжаешь страдать от своего величия и всесилія?

Валентин задумался. Саша возмутился:

- Ну вот, не подумавши, ты никогда не скажешь. Колись.

Они выпили еще по приличной дозе.

- Ты знаешь, о величии я почти не думаю. Я... Тут глупая, но очень невеселая история. Сашка, я опять, под старость лет, влюбился, как тогда в Болгарке. И практически с тем же результатом.

- Ты имеешь в виду... уж не Аллу ли?

Валентин кивнул.

- То-то мне показалось. Но я не понял драмы... она жива и здорова? Надеюсь?

- Да, прекрасно выходит замуж. А мне очень - как ты говоришь?

- Хреново.

- Как минимум.

- А Нина?

- В комплекте с неприятностями. Я ей сказал, только намекнул, что у меня крыша кажется поехала, и что не всегда понимаю - это я или не я что-то сделал. Теперь сплю отдельно, и она пригласила Регину Сергеевну жить у нас в качестве санитарки, если я ее начну душить. Теперь у меня не дом, а стационар психбольницы.

- Ты знаешь, мне Люба как-то сказала. Нина хорошая и добросовестная, когда все хорошо. А какой она будет, если плохо? Говорит, что заметила - она избегает тех, кому плохо. Есть такие люди. Ты знаешь, Люба насквозь всех видит.

- Кроме тебя.

Они стали пить небольшими порциями, основательно закусывать. Саша рассказал, что хозяин его уволил, за то, что он его разорил. Как разорил? Тратил деньги редакции, а вместо сенсации сплошное фиаско.

- Я понял, что это все те же мисиски. Зря темнишь. А все-таки не исключено, что это я тебя втянул в эту историю.

Настроение у них стало определенно подниматься.

- А если ты втянул, тогда тем, чем втянул, тем и вытяни.

- Не понял.

- Пожеланием втянул, пожеланием и вытяни. Если твои пожелания только глюки, значит ты не виноват, а если не глюки, тогда должен вытянуть. В этом есть логика. Пожелай, пусть тот, кто мне грозит, кем бы он ни был, даже мэром, - он спохватился, - даже министром или президентом, пусть забудет обо мне. Просто забудет.

- Сашка, я хочу тебе помочь, - Валентин остановился, поморгал, - возможно, глюки, возможно, не глюки, но я не хочу больше касаться человека. Бочкова мне хватило.

- Ладно, тебе хватило Бочкова, а мне не хватает ста грамм.

Заказали еще.

- Валька, не обижайся, но у тебя вид какой-то... несчастный.

- Признаюсь по-пьяни, а я и есть несчастный. Очень.

- Из-за Аллы? Или Нины?

- В комплекте. Но главное - из-за Аллы.

- Так в чем дело? Зачем страдать? Пожелай, чтобы она тебя полюбила. - Он засмеялся и чуть не подавился косточкой от маслины.

Валентин встал, при этом опрокинул графин, в котором еще оставался коньяк. Благо Саша его успел подхватить.

- Если ты будешь этим шутить, то считай, что мы во втором классе даже не познакомились. Запомни. Этим не шутят.

Голос у Валентина был такой незнакомый и неприятный, что Саша понял - а ведь он действительно по-настоящему страдает.

Но в общем, ужин закончился не скоро и вполне мирно, как и положено друзьям со второго класса.

В четверг Саша поехал на море. Израильянка уже познакомилась с каким-то молодым, поздоровалась, лечь рядом не предложила - понятно, у нее заканчивался отпуск. Настроения затевать новое знакомство не было.

У Валентина в офисе появились Ирина с мужем, которые вернулись из Турции. Отпуск еще не закончился, но она привезла восточные сладости и впечатления, которыми пришла поделиться.

- И просто соскучилась.

Они разложили прямо в приемной на столе отсутствующей Рены сладости. Оля подсуетилась и принесла тарелки, а Денис вынул из сумки две бутылки воды. Пир был а-ля фуршет.

Они были загорелыми, отдохнувшими и довольными. Вероятно Валентин выглядел иначе, потому что Ирина посмотрела на него с беспокойством, но пока Денис был рядом, ничего по этому поводу не сказала.

- Загорелая снежная королева - это что-то новенькое. Но тебе идет. Впрочем, тебе все идет, - сказал Валентин.

- Я боялся, что она, как Снегурочка, растает. Но этого не случилось.

- Денис, твоя жена не какая-то Снегурочка, она королева. Сейчас африканская королева - помните, был такой отличный фильм с Кэтрин Хепберн. Но куда ей до Ирины.

- Хватит льстить, - Ирина, наверно, покраснела, но из-за загара не было видно.

И они стали наперебой рассказывать свои впечатления. Главным было то, что там большинство туристов русские, в смысле из России.

- Как и на Мальдивах, - добавил Валентин.

- Интересно, уровень жизни у них в пять раз ниже, чем в развитых странах, а как туристы они самые денежные.

- Вроде бы, - добавил Валентин.

- Почему вроде бы, - не согласилась Ирина, - в магазинах сметают все, не обращая внимание на цены, уезжают с набитыми сумками. И это не миллионеры, миллионеры в Турцию не едут.

- Загадка, - согласился Валентин. - Такая же, как загадочная русская душа. А может, это одна и та же загадка?

Слова Валентина имели успех. Ирина, у которой - в отличие от Дениса - была своя система взглядов, его поддержала.

- Да, ты прав, такой характер. Вот сейчас им неважно, китайцы жмут, и все равно никому рядом нет покоя. Великий народ должен всем морочить голову или заботиться о себе?

- Ирина, у русских после долгого татаро-монгольского ига получилась смесь, это и наука не отрицает. Я где-то вычитал, что даже ноги короче, чем у прибалтов, до которых татары не доходили - точно последствие ига. Может, и экспансия у них в крови оттуда пришла?

Все посмеялись, кроме Дениса, который посмотрел на свои ноги и проворчал:

- Ноги как ноги, нормальные.

Он ушел что-то проверить в машине, Оля стала убирать со стола, а Ирина с Валентином зашли в кабинет.

- Выкладывай, почему у тебя такой вид. Не чужие.

Валентин не стал уточнять, какой у него вид, не стал отнекиваться. Жаловаться на семейные ссоры и неприятности не хорошо, не достойно настоящего мужчины. Но это уже не просто

неприятности, а Ирина единственная близкая ему женщина. Да, не чужие... И он в очень смягченной форме рассказал о своих домашних проблемах.

В глазах Ирины вначале появилось удивление, потом возмущение, потом - на словах «стационар психбольницы» - они загорелись гневом.

- Бросай, бросай ее к чертовой матери! Ты и так с ней хуже, чем один. Не только не помогла, но дома лишила. К черту!

Без стука открылась дверь - проверка! - и вошел Денис, больше им поговорить не удалось.

Четверг благополучно закончился.

В пятницу утром, было еще рано, Сашу разбудил телефонный звонок. Люба с детьми только готовились к выходу.

Дина. У нее была истерика.

- Ты сошел с ума! Что ты творишь?! Если тебе жизнь надоела, зачем ты втягиваешь других?

Саше с трудом удалось прорваться сквозь крики и попытаться выяснить, что он натворил.

- Не строй из себя идиота... - и далее цикл повторился.

Когда удалось наконец выяснить, что произошло, то ему тоже неудержимо захотелось закатить истерику и даже с рукоприкладством - и он знал кому именно.

Он включил планшет, нашел макет сегодняшней газеты «Одесский листок» - ему отсылали накануне выпуска - и на первой странице увидел статью «ИДУ НА ВЫ». Анонс, который он отдал редактору. Без подписи. Значит, статья редакционная.

Саша попытался объяснить это уже не скандалящей, а плачущей Дине. Наконец она поняла.

- Сашечка, пожалуйста, приезжай ко мне, я боюсь. Хоть поговорим, подумаем, что делать и куда бежать...

Он прикинул: ехать к боссу - только скандал и мордобитие. Шеф подумал и рискнул, в основном им, Сашей. Чем он оправдывал себя, можно понять - деньги дал, работа на эти деньги была сделана. Испугался - можно и не считать оправданием, Саша знал, на что шел, никто его в шею не толкал. Можно и так посмотреть, все зависит от совести, она у бывшего компаньона гибкая. А квартиру он действительно теряет, как и смысл жизни. Ладно, бог ему судья, но сейчас ехать к нему бессмысленно. К Чичигину тоже. Что он ему скажет - я не виноват, тому без разницы. А до мэра, как и до Бога, далеко.

Хлопнула дверь, Люба с детьми ушла, хорошо, не нужно притворяться нормальным.

- Саша, Сашенька, так ты едешь? - плакала трубка.

- Еду, готовь кофе.

Он ехал к Дине, непрерывно сигналив впереди идущим машинам, которые двигались, как катафалки. И все-таки взял себя в руки. Пытался наметить план действий. План не намечался. Что можно сделать - только ждать первых результатов. А если результаты будут не только первыми, но и последними? Об этом лучше не думать.

Дина ждала его за открытой дверью - в комнате боялась, на улице могут... Словом, боялась. Но тоже с приходом Саши постаралась взять себя в руки. И Саша попытался изобразить решительность и энергичность, подражая своему бывшему боссу. Почти получилось.

- Нужно что-то делать, - Дина налила чашку кофе и дала булочку. Голос почти нормальный, но руки дрожат.

- Давай так. Что мы можем? Мне кажется, только одно - позвонить секретарю Чичигина и попросить назначить встречу. Хотя бы будем знать, хочет ли он с нами разговаривать. Я бы мог пообещать, что дело редактору не дам. Но мэр, вероятно, уже наверно прочитал анонс. И все же, другого варианта, кроме как звонить секретарю, нет.

Он допил кофе, от коньяка отказался - машина понадобится, Дину в этом не ограничивал, тем более это была определенно не первая ее рюмка сегодня.

Нашел номер телефона секретаря, позвонил.

- Можно записаться на прием к Степану Захаровичу?

Глаза его вылезли из орбит.

- Когда?.. И что говорят врачи?.. Да, печально...

Он уронил трубку. В остатки кофе налил доверху коньяк.

- Саша, что стряслось? А машина?

- Машина не нужна. У Чичигина был вчера инсульт. Он жив, но ничего не соображает. И кажется, не будет.

Немая сцена продолжалась довольно долго, потом они заговорили разом, перебивая друг друга.

- Я счастлива, просто счастлива. Так ему, гаду...

- Это хорошо.

- Это плохо, потому что у мэра только мы остались.

- С нами договариваться теперь никто не будет.

- И записи теперь может увидеть любой.

- Нас просто вычеркнут, и все.

- Мэр даже не знает, что у нас есть.

Они вставали, садились, бродили по комнатам. Вдруг Саша остановился.

- Дина, идея. Сейчас Чичигина нет, и ты уже можешь не бояться влезть в его компьютер?

- В комп? Могу, - она буквально прыгнула к компьютеру. - И нужно сделать это быстрее, пока не поздно.

- Почему поздно?

- Не мешай, потом скажу.

Она стала виртуозно работать на пульте. На экране что-то появлялось, загоралось, исчезало. В паузах Дина говорила.

- Это его личный, не служебный. Такие вещи он в служебных компах держать не будет. Там такая защита! А вирус нас переключает изнутри. Я для Чичигина его специально купила. И сколько хитростей пришлось применить, чтобы он включил свой комп. Чтобы заслать вирус с телефона, комп должен работать. Порнуху просила для этого поставить, - она не замечала, что открывает неприятные секреты.

И вот на экране появилась заставка. Вошли.

Дина быстро нашла нужные разделы. Запросила «гулько». Выплыли все материалы и запись.

- Давай уничтожим, сотрем.

- Не надо. Без нас это сделают. Не мешай.

Она поискала – знала, что ищет. Появились договора. Саша не успевал следить и разбирать, что там...

- Саша, это он, Чичигин. Никакой не мэр, это он, мерзавец. Смотри, продал имение в России, Краснодарский край, - она листала какие-то документы, - оформлено на подставных лиц, тридцать пять миллионов долларов, отправил через Гавайи. Я помню этот вклад. И еще ферма под Черниговом, тоже подставное лицо, сорок миллионов. Это он. Интересно, чего ради? - Она лихорадочно стала метаться по разделам. - Ага, вот.

Появилось красивое лицо, и потом целая серия снимков той женщины, в том числе - интеллигентно скажем - ню.

- Это же Макеева, - сказал Саша.

- Кто она?

- Известная актриса кино. Была популярна лет двадцать тому. Ты ее не застала.

- Ага, Макеева, смотрим Макееву. Актриса. Разводится. Давай поищем в переписке. Вот она, переписка, переписка... Он собирался с ней переезжать в Италию. Вот в чем собака зарыта! Так, давай контакты... - на экране появлялись и исчезали какие-то записи.

Саша устал, болели глаза, мало что понимал. Они сидели у компьютера уже больше часу. Дина была неутомима.

- Раздел называется «Зачистить хвосты». Памятка. Передать после отъезда. Значит, еще не передал, хочет уехать чистеньким. Да-а-а... Мы, Саша, родились в сорочке. Нас бы зачистили. Не знаю, какому богу молиться, чтобы этот мерзавец сдох. - Она откинулась на кресле.

- Ты хочешь сказать...

- Да, ты правильно понял. Именно это я и хочу сказать. Уф! Главное мы знаем. Господи!.. Неужели пронесло? - Она обессиленно откинулась на компьютерном кресле. - А интересно, есть здесь Дина Зак? - Легкомысленно открыла файл, и появилось ее ню. Быстро убрала. - Вот сволочь, гори он огнем.

В этот момент экран вспыхнул и погас.

- Все, сеанс окончен. Зрители свободны. Свобо-о-о-о-дны! - закричала она и стала целовать Сашу куда попало: в нос, рот, глаз, ухо.

- Почему ты не стерла? - вырвался и закричал Саша.

- Не надо. Он мне похвастался, что если кто без кода будет прорываться - легкий взрыв, и все - с концами. Кто-то пытался открыть. Мы успели.

Наступила реакция - столько дней напряжения. Пока они еще не успели все оценить, даже не могли радоваться, они обессилели. Только облегчение - и больше ничего. Перебрались на диван и устроились головами на подушках, в разные стороны.

Саша лениво проговорил:

- Вот мой босс влип. Сейчас все скажут, что он пинает мертвого льва.

- Лев еще не умер, - непримиримо сказала Дина.

- Я не хотел бы, чтобы он умер. Хватит инсульта.

Зазвонил Сашин телефон. Он посмотрел.

- Валентин. Не могу говорить. Нет никаких сил.

Не ответил. Через несколько секунд опять звонок. Саша не шелохнулся. Снова.

- Да ответь уже ему. Будет тарабанить целый день.

- Алло.

- Сашка, ты новости смотрел?

- Кто это? - Он не узнал голоса, противный, высокий и истеричный.

- Я спрашиваю, ты знаешь, что у Чичигина инсульт? И он уже ни о ком не помнит. И о тебе не помнит тоже.

- Твою мать! - Саша совершенно забыл о своей остроте на ужине в «Глечике».

Сейчас этот сумасшедший примет инсульт на свой счет... А собственно, почему нет? Внутри у него все похолодело. Блин, шестое совпадение. И инсульт не у мэра, а у того, кто действительно ему угрожал, о чем никто из них еще не знал. Саша стал мокрым и, наверно, белым, потому что Дина спросила:

- Саша, что с тобой?

Валентин почти спокойно и почти нормальным голосом сказал:

- Сашка, я действительно сейчас сойду с ума. Нужно что-то делать, чтобы я чего-нибудь не натворил.

- Подожди, я сейчас перезвоню. Валя, держись, прорвемся.

Он отключился и набрал телефон Гольдберга.

- Рудик, ты занят? Я знаю, ты занятой человек. Чрезвычайное происшествие. Может быть, трагедия. Через полчаса я к тебе приеду, через полтора придет Валя Лавров. Полностью освободи время, я не в игрушки играю. И слушать не хочу. Иначе я лично тебя убью.

Он договорился с Валентином о встрече у Гольдберга в клинике. Ничего не стал объяснять Дине. Она поняла, что дело серьезное, и не докучала. Вызвала такси и обещала приглядывать за машиной. Саша сел на заднее сиденье такси, забился в угол и стал разрабатывать диспозицию. Кажется, действительно лучше, чтобы Валя оказался немножко сумасшедшим. Пусть ему все кажется.

Когда Валентин приехал, они с Гольдбергом уже о многом поговорили.

Гольдберг был заведующим отделением солидной платной поликлиники, у которой имелся и свой стационар. Это был ухоженный брюнет средней комплекции, чуть постарше наших героев. Бородка, или сильная небритость, которая уже много лет в моде, почему-то придавала ему не современный вид, а скорее мефистофельский. У него была приемная в поликлинике и кабинет в стационаре. Беседа состоялась в кабинете - чтобы не мешали. Сначала Валентину померили давление, сделали кардиограмму и взяли кровь на анализ. Это внушало уважение, но в то же время и беспокойство - он превратился в больного, в лучшем случае пациента.

Гольдберг сидел за столом, слева от него Саша, а напротив Валентин.

- Валентин, мы потом тебя обследуем как следует, а пока поговорим. Ты знаешь, что моя профессия ближе к разговору, - он покровительственно улыбнулся. - Саша мне кое-что рассказал о твоих проблемах. Насколько я понял, тебе кажется, что исполняется все, что ты пожелаешь. Но надеюсь, ты понимаешь, что это невозможно?

- Понимаю. Но оно исполняется, в этом-то и проблема.

- И ты, надеюсь, понимаешь, что всему должно быть какое-то вполне разумное объяснение, ты же всегда был реалистом и даже скептиком?

- Понимаю, но найти его не могу. И Саша не может.

- Давай пока оставим Сашу в покое. Давай так, расскажи о гриппе.

- При чем тут грипп?

- Валя, давай условимся. Ты понимаешь, что у тебя - извини - поехала крыша, твое состояние при всех вариантах сейчас нельзя назвать нормальным.

- Нельзя, - мрачно согласился Валентин.

- А у нас с Сашей пока она на месте. Крыша. Поэтому ты должен больше верить тому, что мы говорим, чем тому, что тебе, может быть, только кажется. С этой логикой ты согласен?

Валя молча кивнул.

- Тогда рассказывай подробно о гриппе, все по порядку. Потом о собаке.

Валя, подстегиваемый уточняющими вопросами Гольдберга, все рассказал.

- Ты тогда не обратил внимание на то, что собака сдохла?

- А кто бы обратил, только после Бочкова...

- Валя, я хочу, чтобы мы вместе с тобой разобрались в этом деле. Давай так, шаг за шагом. Мне Саша рассказал, что он до истории с пальцем ждал тебя в офисе и разговаривал с твоими сотрудницами. Забежал этот Бочков, узнал, что тебя нет, покачал пальцем и ушел. Девочки остряли, что кто-то его откусит. Это была привычная стандартная шутка.

- Саша, почему ты мне об этом не рассказал? - удивился Валентин.

- Я не рассказал? - еще больше удивился Саша и печально покачал головой.

- Ты, Валя, все взял на себя. Это был первый случай самоговора, назовем это так. Если бы у тебя не было тогда проблем с психикой, ты бы посмеялся со всеми. Откусить палец, которым болтают у тебя перед носом, каждому хочется. А ты поехал к Саше в панике.

- Ну хорошо, в панике. Но что было в кафе? Я нашаманил ремонт дороги в переулке Некрасова. Это было?

- Как это? - Гольдберг повернулся к Саше.

У Саши абсолютное удивление на лице.

- Валя, ты о чем?

- Не делай из меня сумасшедшего, - голос опять стал неприятным и высоким. - Ты посоветовал загадать желание - ремонт переулка.

- Валя, успокойся, - в один голос встревоженно сказали оба здравых человека. А Гольдберг продолжил:

- Валя, давай так. Я просил спокойно и вместе. Саша тебе ничего не говорил. Спокойно, спокойно. Это ключевой момент. Тут я предложу мое реальное объяснение всем чудесам. А ты подумай. Мой предварительный диагноз такой. Первоисточник грипп. Это вирус Мичиган, последний штамм эс восемнадцать. Эта зараза проходит без температуры, которая обычно убивает вирус, и он еще долго бродит по организму. Мичиган дает осложнения на участке мозга, отвечающем за... словом, осложнения на психику. Его еще называют галлюциногенным штаммом. У тебя форма расстройства, которая называется на нашем профессиональном жаргоне фьюче ин зе паст. Знаете, что это? Будущее в прошедшем, одна из форм времен в английском языке. Когда происходит что-то, заинтересовавшее тебя, ты приписываешь это своему желанию. И извини меня, Валя, нужно знать правду, ты сочиняешь целую предысторию и делаешь для себя это убедительно, со всеми подробностями. То есть придумываешь прошлое, чтобы привязать его к будущему событию. Я понятно объяснил?

- Но мы же с Сашей говорили до ремонта, и потом насчет тещи, ты же спрашивал, откуда я знаю...

- Валечка, ни о чем таком мы не говорили, - на лице Саши было все более удивленное, все более сочувствующее выражение.

- Я же помню каждое слово...

- Это оно и есть, - включился Гольдберг. - Нормаль... обычный человек редко точно запоминает прошедшее. Сколько прошло?

- Почти два месяца.

- Вот, а ты все помнишь. Когда психика конструирует события, она это надежно запоминает. Короче, придуманные события запоминаются лучше. Этим мы тоже пользуемся, чтобы определить, где галлюциногенная основа у больного.

Валентин выглядел растерянным и даже напуганным.

- А кто-нибудь еще знал о твоих желаниях до того, как они исполнялись?

- Ну... нет, пожалуй, нет. Только Саша.

- Вот видишь, тебе было проще строить свой фьюче ин зе паст на одном человеке. Привычно.

- Погоди, Саша, но ведь это ты посоветовал загадать невыполнимое желание и вызвать Милу с того света. Ты же говорил: тогда докажем, это чудо или не чудо. Вызов Закулисе...

- Кому? - спросил Гольдберг.

- Я эти силы называю Закулисой.

Тем временем Саша от удивления и даже ужаса не мог слова сказать.

- Ты с ума сошел, - наконец прорвался он, - то есть извини... Я тебе посоветовал вызвать девушку, которую разорвало бомбой? Как тебе такое могло прийти в голову? Ты в своем уме?.. Прости, но это уже...

Саша не обладал артистическими способностями, даже был далек от этого, но его удивление и возмущение было настолько искренним, что даже я, автор, засомневался: а может, объяснение Гольдберга имеет основание? Может, все так и есть? Звучит убедительно.

- Но вспомни, когда ты увидел Аллу, как отреагировал? Чуть в обморок не упал. Или Аллы тоже не было?

- Была, конечно, была. Но если бы я знал, что появления Милы можно ожидать, то стал бы так реагировать? Сам подумай.

Заявление, что Алла в реальности все-таки была, внесло какое-то изменение в настроение Валентина. Он задумался, замолчал. Потом с надеждой спросил:

- И о том, чтобы тебя, Саша, забыл тот, кто хочет обидеть, тоже разговора в «Глечике» не было?

- Кто забыл? О чем забыл? - явно не понял Саша.

- А почему мы тогда тут, если ты не просил у меня помощи в «Глечике»? - все еще подозрительно спросил Валентин.

- Валя, ты бы слышал свои крики! Я даже голос не узнал.

Пожалуй, в этот момент Валентин сломался. Казалось, внутри у него появилась еще неясная надежда. И одна ясная - надежда на то, что в инсульте Чичигина он не виноват.

- Рудик, я на всю жизнь останусь с глюками?

- Во-первых, предупрежден - значит вооружен. Но завтра сделаем полное обследование - частные клиники работают и по субботам. Если все подтвердится, то ты пойдешь на месяц в отпуск, поедешь в наш санаторий в Карпатах. Ты же знаешь, сейчас наша курортная зона в Карпатах самая популярная в Европе. Я пропишу цикл лечения, остатки Мичигана прикончим. Потом в основном витамины. Будешь, как новенький. И никакой - как она?

- Закулисы.

- Вот именно.

Валентин и Саша дружно вздохнули с облегчением.

Они еще немного покрутились вокруг эпизодов, но Валентин определенно почувствовал облегчение и надежду. Принесли данные анализов. Гольдберг посмотрел - вроде терпимо.

- Но после такого стресса я тебе посоветовал бы переночевать у нас. Сегодня и завтра. Береженого бог бережет.

- Хорошо, - охотно согласился Валентин, дома у него тот же стационар.

.

Когда Саша собрался уходить, Валентин его немного проводил.

- Позвоните Нине... и пусть она не приходит сюда.

- Хорошо.

- А знаешь, Сашка, почему я рад тому, что вы мне объяснили? - он счастливо улыбнулся. - Потому что я теперь могу не бояться хотеть, чтобы Алла меня полюбила.

Эпилог

Саша с Любой летели в Париж. За иллюминатором – солнце, впереди отпуск в прекраснейшем городе мира, наверно впервые в жизни никаких забот, гостиница - отличная, номер полулюкс забронирован, в аэропорту их ждет арендованная машина. Нет проблем.

- Есть проблема, - вслух себе возразил Саша. - Как объяснить, откуда доллары взялись?

- Мы никому не будем объяснять, будем их тратить потихоньку, без объяснений.

- Это все Валька. Если бы не он, не только денег, а может, и меня бы не было.

- Так ты думаешь, это он? А Гольдберг говорит...

- Ты же знаешь, Рудик – самовлюбленный осел. А я испугался, что Валя сойдет с ума. Но за два месяца, пока в нем бродил вирус Мичиган, исполнилось шесть самых нереальных его желаний, хотя шансы на их исполнение были равны нулю. Валентин был в этом уверен до того, как мы его переубедили. Таких совпадений не бывает.

- Значит, он заранее говорил тебе о том, что произойдет?

- Я уже и сам не помню, что он мне говорил, а что не говорил. А может, не хочу помнить. Тоже заразился вирусом Мичиган. А кстати, не шесть, а семь совпадений. Семь! Ты знаешь, почему он сам купил отделанную Гришей евроквартиру, предназначенную на продажу - пентхаус с видом на море? И влез в долги? В пику бывшему жениху Аллы Игорьку. Чтобы у нее не было причин о чем-нибудь пожалеть. А она смеется... Так что совпадений семь.

Он помолчал, потом задумчиво произнес:

- Люба, я столько лет не видел его таким счастливым. И таким глупым... потому что счастливым.